

«ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2012**

**НИСАН
5772**

N 4(240)

ЛЕХАИМ 4/240
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненко

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя

Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Павел Шевелев (с. 36, 38)
Герман Штрук (с. 65)
Александр Горнов (с. 91, 96)

Фотографы
Micha Bar Am, Isaak Freidin (с. 4, 7, 19); Давид Шехтер (с. 22); Richard Lobell (с. 40);
из личного архива Лазаря Флейшмана (с. 51, 53, 54); Вадим Бродский (с. 55, 56, 59); Marcelo
Vendahan (с. 61); Тенно Пент Соостер (с. 112–115); Рада Ландарь (с. 123–126)

Фото предоставлены агентствами «РИА-Новости» (с. 42, 98)

Фото «Итар-Тасс» (с. 43)
AFP/East News (с. 63)
PhotoXPress (с. 57, 101)
Album/East News (с. 127)

На обложке
Асар Эппель
Фотограф Вадим Бродский

Подписано в печать 15.03.12.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный
номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2012

Адрес редакции: 127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Умер Асар Исаевич Эппель — последний большой еврейский писатель в России. Я вижу Эппеля поющим на идише босяцкую люблинскую песенку, которой его научила мама. Штукарь. Кунцнмахер. Он умел со словом проделывать такие штуки! Молдаванка, в перстенечках оборванка! Облупленная эпоха. Проза еврейской жизни. «Нехама, делай ночь, Нехама, Нехама, жизнь уходит, делай ночь!» Семь лет назад он дал интервью в нашем журнале Татьяне Бек. Оно называлось «У меня всегда нет времени». На нас Асару Исаевичу все-таки всегда доставало времени. Он сделал четыре книжки в нашей серии «Проза еврейской жизни» и чудную «Как растят аистят» в детской серии. В этом номере журнала стихами Марка Харитоновна закрывается поэтическая рубрика Асара Исаевича, одна из двух его рубрик в «Лехаиме». Много закрывается в жизни «Лехаима», «Книжников», вообще в жизни с его уходом... На последнем седере у меня он замечательно говорил о своем останкинском детстве. В конце заметил: «Ну вот, седер так провел, можно и помирать».

Нехама, делай ночь, Нехама, Нехама, жизнь уходит, делай ночь.

Жизнь проходит, но не кончается. Эппель успел собрать еще один томик в нашу серию. Он в печати. Это не только память о нем, но и продолжение его жизни. Славы ему и покоя!

Аїדבֿוֹ אַיִדעִי

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

נִיּוֹאָה עֹאֵי עֹאֵי אֶתְנָה

אֲנִי אֶתְנָה עֹאֵי אֶתְנָה עֹאֵי אֶתְנָה

*וְאֵלֶּיךָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׁעֵנוּ וְיִשְׁעֵיךָ אֲנִי אֶתְנָה עֹאֵי אֶתְנָה
יְהוָה אֱלֹהֵינוּ 1950 עֹאֵי אֶתְנָה*

11 אֶתְנָה 5703

<...> Некоторое время назад мы писали вам относительно создания <школы для девочек> «Бейт Ривка». К нашему удивлению, мы видим, что это предложение оставлено без внимания. От нашего друга реб Шмуэля Левина мы не услышали убедительных объяснений, почему этот вопрос должен быть отложен на столь долгий срок.

Каждый день задержки приносит ущерб, который невозможно будет возместить. Сколько девочек и молодых женщин могли бы стать <праведными еврейками>, соблюдающими Тору и ее заповеди. Они могли бы влиять на других, стать примером. Они, наконец, свидетельствовали бы о <позитивных> изменениях, которых можно достичь при помощи педагогической системы «Бейт Ривка»!

Это тем более верно в свете учения хасидизма. Если эта школа сможет побудить хотя бы одну девочку произнести на одно благословение больше, чем она произносит обычно, это свяжет девочку с волей Творца, а в духовных мирах такая связь остается вечной и неразрывной. Мы должны понять смысл этих слов. Впрочем, независимо от того, понимаем мы их или нет, Алтер Ребе свидетельствует, что это именно так. Кроме того, есть известное постановление Рамбама, что каждый человек должен рассматривать себя так, будто все его дела, добрые и злые, находятся в состоянии неустойчивого равновесия — и весь мир также пребывает в этом зыбком равновесии, поэтому одно доброе дело может склонить чашу весов к спасению <от гибели>[1].

До каких пор решение этого вопроса будет откладываться?

В мои намерения не входит упрекать или критиковать. Я просто удивлен, почему вопрос остается нерешенным. Я пишу Вам, чтобы Вы ответили на мой вопрос от имени всех любавичских хасидов <Монреаля>. <...>

20 ÈËDÀ 5726

<...> Я получил Ваше письмо от 9 мая, где Вы пишете о своем сыне, его эмоциональном состоянии и т. д.

Вы совершенно правы, что его не следует забирать из ешивы и переводить в государственную школу. Те, кто считает, что подобные перемены будут способствовать улучшению душевного состояния, серьезно ошибаются, поскольку на любого еврейского ребенка (а в особенности на Вашего сына) это произведет обратный эффект.

Что же касается вопроса о еврейском учебном заведении, где ему было бы хорошо, то я советую вам навести справки в нью-йоркской «Тора у-Месора»[2] и других подобных организациях.

Когда Вы будете писать мне в следующий раз, пожалуйста, укажите еврейское имя Вашего сына, а также Ваше еврейское имя, как принято в подобных случаях, и я упомяну их в своих молитвах. <...>

7 ÀÁÀDÀ 5728

<...> Наши мудрецы, благословенной памяти, дали нам возможность лучше понять подоплеку событий, кульминацией которых стал чудесный праздник Пурим. Они утверждают, что причиной приговора, грозившего еврейскому народу полным уничтожением, стал отход, под влиянием нееврейского окружения, от образа жизни, предписанного Торой. Более того, сам приговор был отменен лишь после того, как Мордехай собрал вокруг себя двадцать тысяч еврейских детей и с помощью изучения Торы поднял их на такой уровень готовности к самопожертвованию, что они предпочли бы смерть отказу от еврейства.

Связь между событиями тех времен и нашими днями очевидна. Разумеется, милость Всевышнего велика, и ныне нам не грозит (упаси Б-г!) опасность, некогда нависшая над нашими предками. Тем не менее состояние значительной части еврейской молодежи дает основания для серьезных опасений за их будущее.

Главная проблема современности — нехватка веры в Б-га, уверенности в Его помощи и моральной стойкости, обеспечить которые может лишь истинное еврейское воспитание в духе Торы. Оно — своего рода щит против духовных опасностей и разочарований, повсюду подстерегающих современную молодежь. Особенно в наши дни, когда все большее число наших детей попадает под тлетворное влияние среды, с ее преступностью, духом бунтарства, культурой хиппи и проч. Все это достигло неслыханных размеров и продолжает расти. В основе всех этих «болезней» современности — утрата верных пропорций между сердцем и разумом, эмоциями и интеллектом, неспособность (нередко — в силу отсутствия мотивации) отказаться от различных излишеств и опрометчивых поступков.

Поэтому воспитание, получаемое в ешиве, в наши дни более важно, чем когда бы то ни было. И речь здесь идет не только об образовании, но и о том, что знания должны представлять собой единое целое с ценностями нашей вечной Торы.

Как и все подобные учебные заведения, Любавичская ешива в Бостоне уделяет особое внимание важнейшему аспекту еврейского воспитания — достижению гармонии между умом и чувствами, согласно правилу «по природе своей мозг властен над сердцем»[3], которое является одной из основ учения Хабада, основоположником которого был Алтер Ребе, автор «Таньи» и «Шульхан аруха».

Это воспитание, начатое в самом юном возрасте, продолжается непрерывно по мере взросления, и в нем заложена готовность к самопожертвованию (читай: жертвовать своими желаниями!). Именно благодаря ему ребенок учится контролировать страсти и направлять свои стремления и желания в сторону святости, в результате чего возникает искомая внутренняя гармония между умом и чувствами — источник цельной и полной смысла жизни. <...>

5 ÈBDA 5719

<...> Я получил письмо, в котором Вы сообщали о своей младшей сестре, которая вместе с семьей находится сейчас в Южной Африке, и о том, насколько правильно будет предложить ей пожить в отрыве от семьи, чтобы найти более качественное еврейское окружение и учебное заведение.

Если Ваша сестра, которой, как я понял, двенадцать лет, не слишком избалована и достаточно развита для своего возраста, я бы советовал послать ее учиться туда, где еврейское окружение и образование для еврейских девочек находится на более высоком уровне — например, в Монреаль или в Нью-Йорк, где живут друзья вашей семьи. <...>

Что же касается вопроса, как наилучшим образом использовать летние месяцы, то лучше всего посвятить часть времени совместной учебе с товарищем, а несколько недель — деловым поездкам в качестве представителя «Меркоз ле-иньёней хинух» или консультанта детского лагеря «Ган-Израэль» <...>

2 YËÖËÀ 5717

<...> Отвечаю на Ваше письмо, в котором Вы рассказываете, что стоите на распутье и не можете решить, продолжить ли учебу в ешиве и, как следствие, жить в нищете, или <выбрать другой путь>.

Очевидно, что Вы должны продолжить учебу в ешиве. Если Вы полагаете, что подобное решение означает жизнь в бедности, то, даже если это действительно так и Вы впоследствии не найдете достойного заработка, каждый разумный человек знает: счастье в жизни зависит не от доходов, но от здоровья, душевного равновесия и т. д. Есть очень много хорошо зарабатывающих людей, которые с радостью променяли бы свои большие доходы на то, чтобы иметь немного больше душевного покоя и чуть-чуть больше смысла в своей пустой жизни.

Кроме того, одна из основ нашей веры в том, что Даровавший Тору и заповеди является Творцом мира, которым управляет, и Он содержит и дает пропитание всему живому. Вывод очевиден.

Да будет воля Всевышнего, чтобы Вас не обманули речи дурного начала и Вы продолжали бы уверенно следовать своим путем — столбовой дорогой Владыки мира, — настойчиво и прилежно изучая Тору и учение хасидизма. <...>

16 ÀÄÄDÀ 5739

<...> Я получил Ваше недатированное письмо, в котором Вы пишете о ситуации с религиозным образованием в Вашей общине и о Вашей работе на этом поприще. Я очень рад, что вы посвятили себя деятельности, связанной с этой сферой. Не сомневаюсь, что Вы сможете сообщать мне хорошие новости о Ваших успехах в деле упрочения подлинного религиозного образования, равно как и во всех остальных областях, связанных с укреплением еврейства в Вашей общине.

Надеюсь, что у Вас был веселый, радостный Пурим, который некогда дал евреям «свет и радость, и веселье, и торжество»[4]. Мы просим Творца, чтобы то же самое произошло и «в наше время»[5], как в обычном, так и в символическом значении этих слов, в соответствии со словами «Тора — свет»[6].

Что касается Вашего вопроса, стоит ли Вам переехать в какое-нибудь другое место, — мне кажется, такие перемены посреди учебного года не пойдут на пользу детям. Кроме того, как мы уже говорили, у человека есть обязательства в отношении общины, в которой он живет. Ваша попытка улучшить собственное положение ничем не поможет оставшимся. Напротив, когда активный человек покидает общину, ситуация становится только хуже. Поэтому мне кажется, что в настоящий момент Ваш долг — удвоить усилия по улучшению ситуации с религиозным образованием в Вашей общине и отложить вопрос о переезде, по крайней мере, до конца учебного года. <...>

Νοῦνάι οὐ ἀεὶ «ὄτι δαὲ οὐ εἰ εἰ» ἁ Εὐαδ-Ὀάαα. Ἰ ἁ: ἀεῖ 1950-ῶ ἄάῖᾶ

3 ΥἸΟῒΑ 5721

<...> Отвечаю на письмо, отправленное в новомесячье элула, в котором Вы пишете о своем дне рождения, а также о месте учебы: о том, что Вы учитесь не в Кфар-Хабаде — из-за того, что, по Вашему мнению, там более низкий уровень образования.

Это вызывает у меня удивление, даже изумление, потому что я знаю Ваш дом как настоящий хасидский дом, в котором Вы получили соответствующее воспитание. Поэтому Вам должно быть очевидно, что самый высокий уровень у того учебного заведения, которое было основано и руководилось Ребе, моим тестем, нашим наставником и учителем. И что главное не знание само по себе, а его следствия: они должны соответствовать миссии человека в мире. А именно, по определению наших мудрецов: «Я сотворен для того, чтобы служить моему Властителю»[7]. Исполнение же этой миссии зависит от уровня богобоязненности, задаваемого воспитанием, и от помощи Свыше.

Вы пишете, что вступили в новый год Вашей жизни, а поскольку «множество лет учат мудрости»[8], дай Б-г, чтобы годы открыли Вам истину, что «начало мудрости — страх перед Всевышним»[9]. Это значит, что воспитание следует получать в хасидской среде, в учреждениях Ребе, моего тестя, нашего наставника и учителя, который, безусловно, пробудит еще большее милосердие Свыше ко всему, что связано с Вашими делами.

И дай Б-г, вместо того, чтобы заимствовать взгляд на достоинство учебного заведения у кого-то со стороны (в чем я уверен), Вы сами станете для них образцом хасидской девушки. В том числе и по месту своей учебы — я имею в виду воспитание в учебном заведении, основанном моим тестем, Ребе, господином, наставником и учителем нашим, главой народа Израиля. <...>

Ἰ ἁάᾶᾶ ἡ ἁῖ ἄεεεεῖᾶ, εἰεεῶ ἁ εἰεεῶ ἁ Ὀάεῦ Ἀῖ ἁδουῖᾶεᾶ, Εᾶᾶᾶ Ἀεεεεᾶᾶ, Ἀᾶᾶ εῦ Ἰᾶεεῖ ἁ, ΥἸεῖ ΥἸεεεῖ ἁ

[1]. См.: Мишне Тора, Законы раскаяния, 3:1.

[2]. «Тора у-Месора» (Torah Umesorah, или National Society for Hebrew Day Schools) — созданная в 1942 году ортодоксальная организация, поддерживающая и развивающая еврейское религиозное образование в США.

[3]. Зоар, Райя мееймана, гл. «Пинхас».

[4]. Эстер, 8:16.

[5]. Слова из вставки в молитву, которую читают в Пурим.

[6]. Мишлей, 6:23. Целиком этот стих звучит так: «Ибо заповедь — светильник, и Тора — свет, а назидательные обличения — путь жизни».

[7]. Кидушин, 4:14.

[8]. Иов, 32:7.

[9]. Теилим, 111:10.

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2012 НИСАН 5772 – 4(240)

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

Оаіа Оіаіаі

І оіаіеаіеа І а:аі а¹ 11 (235), 12 (236);¹ 1 (237),¹ 2 (238),¹ 3 (239)

Еіаіаі іаі оіаі ау нòаі оеу Еаіе-І оаа. Нїааа іа і ое аа

Н ÒІААÒÀÈÑÒÀÎÌ À ÈÇÛË-ÎĐÁÓ

Время шло, и мне уже нужно было начинать думать о возвращении домой, в Днепрпетровск. На то был целый ряд причин. Во-первых, чтобы сохранить за собой квартиру, нужно было повлиять на представителей городских властей, а для этого следовало восстановить те связи, которые были у меня до отъезда. Далее, следовало позаботиться об отправке мужу посылок с продуктами, для чего также приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, ведь даже в нашем городе раздобыть еду было не так просто. А попросить кого-то заняться этим я не могла: человек, отправлявший посылку с продуктами такому «преступнику», каким считался мой муж, подвергал свою жизнь опасности. Впрочем, некоторых людей это не останавливало, и они помогали нам, проявляя наивысшую степень доброты, милосердия и самопожертвования. Да воздаст им Всевышний за это добром!

Словом, дома меня ждало множество дел, требовавших приложения всех моих сил. Но была еще одна причина, по которой я решила уехать: без меня мужу надо было заботиться о пропитании только лишь одного едока. Это соображение может показаться тривиальным, но для меня оно стало едва ли не главным аргументом в пользу поездки домой.

В то время в Чиили началась летняя жара. Я переживала, что, если мне придется сейчас оставить мужа одного, ему будет очень тяжело пережить такую погоду. Подумав, я поехала в областной центр, Кзыл-Орду, чтобы походатайствовать в местном управлении НКВД о разрешении для мужа перебраться на время в город. В Кзыл-Орде условия жизни были лучше, чем в Чиили, к тому же там имелась небольшая община бухарских евреев. У них даже был свой раввин и свой шойхет — два брата, которые днем чистили обувь на улицах, сидя, как водится, на низеньких скамеечках. Когда рабочий день заканчивался, они занимались вопросами жизни общины.

В Кзыл-Орде я повстречала одного еврея, который когда-то жил в Екатеринославе. Его сослали в Казахстан как «буржуя», а когда срок ссылки закончился, ему повезло найти здесь приличную работу. Обустроившись, он привез в Кзыл-Орду и семью. В свое время мы были с ним довольно близко знакомы, и он предложил свою помощь, насколько хватало его возможностей. К сожалению, есть у них в доме я не могла из-за кашрута, и наш знакомый отвел меня к еще одному бывшему ссыльному — шойхету из Гомеля.

Отбыв здесь срок, он не смог вернуться в свой город и тоже осел в Кзыл-Орде. Так что ела я у шойхета, а ночевала в доме бывшего екатеринославца.

В Кзыл-Орде я провела десять дней в поисках какой-нибудь возможности для осуществления моего плана перевода мужа в город. Я подала прошение, составленное видным местным юристом, которого мне порекомендовали знакомые. В прошении сделан был упор на то, что состояние здоровья мужа крайне тяжелое и ему может понадобиться лечение, которое можно получить только в крупном городе. После долгого ожидания и трех походов в управление НКВД, с сотрудниками которого я каждый раз обменивалась ничем не значащими фразами, я, наконец, получила официальный ответ. Мне было сказано, что всю требуемую медицинскую помощь муж может получить в Чиили, и ни в каком ином месте он находиться не должен... Позже мне по секрету рассказали, что на папке с его делом было приписано: «Не допускать проживания среди евреев!»

С болью в сердце пришлось мне смириться с тем, что изменений в положении мужа не будет. Не имея другого выбора, я купила какие-то необходимые вещи, которые невозможно было достать в Чиили, и отправилась в обратный путь. Как обычно бывает в тяжелых ситуациях, когда пытаешься изменить что-то к лучшему, но ничего не выходит, состояние у меня было подавленное. Но, повторюсь, пришлось смириться...

Уезжая в Днепрпетровск, я договорилась с одним из ссыльных, евреем, что он пока поживет в нашей комнате, чтобы мужу не пришлось оставаться в полном одиночестве.

А́И́СА́ДА́УА́И́ЕА́ А́И́И́ І́Е́

В начале месяца элул я отправилась в обратный путь — снова через Москву. Там я опять обошла все места, где можно было ходатайствовать о сокращении срока ссылки мужа. Позаботившись также о том, чтобы ему посылали посылки с продуктами, я поехала домой.

В Днепрпетровске меня встретили, что называется, на высшем уровне — дружелюбно и с уважением. Даже неевреи приходили с расспросами, что уж говорить о членах еврейской общины! Кстати, хотя по закону это было запрещено, община втайне продолжала начислять мужу его зарплату. А место, где он обычно сидел в синагоге, было огорожено и к нему никого не подпускали.

Интересно, что, когда муж был здесь, у него нередко случались разногласия с общиной по вопросам порядка молитв: трубления в шофар во время молитвы, произносимой шепотом в мусафе Рош а-Шоно[1], необходимости устраивать акофойс в оба вечера (и в Шмини ацерес, и в Симхас Тойре)[2] и так далее. Однако теперь никаких разногласий не было — все делалось так, как он установил, и даже самые большие в прошлом его противники теперь кричали: «Все будет так, как хотел раввин!» (Впоследствии я рассказала об этом мужу, и мои слова его весьма порадовали.) Хазан и община пели в определенных местах молитвы и во время акофойс в Симхас Тойре именно те нигуним, которые обычно пел муж[3]. Это было настолько заметно, что у некоторых молящихся попытались выяснить, почему сосланному раввину оказывается такой почет. Их вызывали в НКВД вроде бы по совершенно другим поводам, но во время бесед основными неизменно оказывались вопросы, связанные с моим мужем.

Все интересовались моими делами, многие искренне предлагали помощь и всячески старались облегчить мне жизнь. К сожалению, когда доходило до практической реализации их предложений, оказывалось, что многие боятся даже приблизиться к нашему двору... Так что день я проводила обычно в одиночестве, пока Рохл[4] не возвращалась с работы.

Все молодые люди из нашего окружения, за исключением пары наиболее близких друзей, чуть ли не каждый день после работы, около 11–12 часов ночи, тайно, так, чтобы не узнали члены их семей, приходили навестить меня и узнать, что слышно. Ах, как дороги для меня были эти визиты! Расходились они боковыми улочками, чтобы никто не увидел, откуда они идут, но все равно каждый раз казалось, что за ними кто-то следит... Несмотря на это, назавтра они приходили снова.

Довольно часто случалось так, что у нас собирались сразу несколько человек — поговорить о раввине, о его работе и его влиянии на общину, его словах и делах. Как я уже говорила, раньше у него было много противников, теперь все это осталось в прошлом, и противники стали его лучшими друзьями.

Поскольку сама я не могла решить, что делать, стала ждать вечера, когда можно будет с кем-нибудь посоветоваться (по вечерам у нас дома, как я говорила, собирались некоторые из друзей). Мне предложили пойти в назначенное место, но я, после нелегких раздумий, решила все-таки не ходить — стало страшно...

Позже, спокойно обдумав всю эту историю, я вспомнила, что все места встреч, которые мне назначали, находились или рядом с тюрьмой, или рядом с НКВД. Стало понятно, что это была кампания шантажа и запугиваний.

ÀÒÏ ÐÀВ Ì ÎÁÄËÀ

В месяце адар[11] я начала, в точности как в прошлом году, готовиться в дорогу, к мужу. Хотелось надеяться, что нам не придется долго ждать его освобождения и что вскоре он приедет вместе со мной домой.

Завершив приготовления, я отправилась в путь через Москву. Все прошлогодние трудности повторились вновь, но добрые друзья помогли мне, позаботившись обо всем, насколько это было в их силах. Как обычно, я еще раз обошла все места, где можно было хлопотать о сокращении срока ссылки мужа. Эти визиты стоили мне здоровья, но никаких результатов не дали...

За две недели до Песаха я оказалась в Чиили, где муж встретил меня. Внешне он сильно сдал и казался сломленным, и мне, конечно, было тяжело смириться с таким его состоянием. До самого моего приезда с ним в комнате жил молодой человек, с которым я об этом договорилась. Мужу было с ним не так одиноко, но все это время они жили впроголодь: продуктовые посылки, которые время от времени получал муж, приходилось делить на двоих.

Обычно в таких условиях и в таком положении люди быстро перестают быть похожими на тех, какими были раньше. Однако муж мой и сейчас, как только ему в руки попадала бумага — пусть даже пара листков, — начинал на ней писать. Как-то раз он зашел в комнату с таким счастливым лицом, какого я давно у него не видела, и сказал: «Надо прямо сейчас устроить фарбренген — я завершил написание такой темы, что это просто чудо из чудес!» Увы, поделиться со мной своим восторгом он не мог, а больше никого и не было...

ÐÀÇËË×Ì ÛÀ ÑÏ ÎÑÏÀÛ ÐÀÇÀÏÀÛÒÛ ÍÀÌ Í ÎÁÏ ÕËÀÀÀ

Где-то за месяц до моего приезда мужу перестали выдавать его пайку хлеба. Желая вернуть ее, я начала ходить по официальным инстанциям, упрашивать знакомых из числа чиновников, а к некоторым даже заходила домой, чтобы обсудить проблему в неофициальной обстановке. Они были готовы помочь, но, к сожалению, в то время в стране действовала карточная система, и хлеб выдавался только тем, кто работает. Работать же мой муж не мог — во-первых, по состоянию здоровья, во-вторых — из-за субботы.

Вопрос с моим хлебом решился благодаря тому, что мне изготовили документы, подтверждающие, что я эвакуированная, и мне, следовательно, полагалась такая же хлебная норма, как всем эвакуированным. Этот документ мне устроил один еврей-коммунист, который был старшим над одной из групп эвакуированных[12]. Увы, моего мужа, который находился здесь в ссылке, записать в эвакуированные было невозможно.

Мою норму делили на двоих, и этого, естественно, не хватало. За день до Песаха я отправилась изыскивать какие-нибудь пути и средства, чтобы нам не пришлось оказаться за гранью голода. С помощью одного адвоката я нашла закон, гласивший, что людям старше семидесяти лет[13] хлебная норма полагается независимо от того, работают они или нет. Я переписала все детали закона и отправилась к председателю исполкома. Он, естественно, спросил, о ком идет речь. Когда я показала справку с именем мужа, председатель заявил, что даже если бы мужу было сто лет, он не дал бы ему хлеба, ежели он не будет работать. Это, конечно, не соответствовало закону, но что этому человеку было до закона?! В Чиили он сам был закон, и никто не мог указывать ему, что он должен делать... Я решила не обращать внимания на его приговор. И мне повезло — удалось пробиться на прием к чиновнику из области, который приехал в Чиили с инспекцией. От него я получила письменное распоряжение: ссыльному такому-то полагается такая же хлебная норма, как всем работающим; в его возрасте он имеет на нее полное право...

יְדִינְעוּרֵי אֹרְחֵי אֲנָחְנֵי ?!

Разрешение на хлебную норму для мужа я получила уже через неделю после Песаха. А чуть раньше, за день до Песаха (это был день моего разговора с председателем исполкома, когда я, кроме того, была занята приготовлениями к празднику), мужу пришлось самому идти на пункт выдачи хлебной пайки.

Тот, кому не довелось этого пережить, не может себе даже представить весь ужас ситуации, когда люди оказываются совершенно без хлеба. Сейчас я, слава Б-гу, сыта, но до сих пор прекрасно помню страх, который охватывал меня тогда. Мужу, конечно же, очень не хотелось приносить в дом хомец накануне Песаха, но он все-таки пошел за хлебом — отложить это на потом мы не могли...

По дороге в магазин, где выдавали хлеб, мужа увидел директор большого государственного магазина, куда ходило за покупками все местное начальство. Он подошел к мужу с выражением глубокого уважения и сказал: «Сочувствую вашему положению, которое я отлично понимаю... Мне кажется, вы из Шнеерсонов. Не из Екатеринослава ли?»

— Дело моего шурина, — продолжал этот человек, — в таком-то году рассматривалось возглавляемым вами а брейре дин Тора[14], для чего тяжущиеся стороны специально приезжали из Гомеля в Речицу. Подробности того дела я уже позабыл, а вот ваше имя запомнилось... Может, я могу чем-нибудь вам помочь? Не нужна ли вам, скажем, какая-нибудь новая посуда для Песаха? Я вам дам, только нужно все сделать скрытно, чтобы никто вас не видел, иначе у меня могут быть неприятности...

Со всякими ухищрениями директор магазина достал нам четыре новых стакана с блюдцами. В тех обстоятельствах это был настоящий праздник, и нашу радость от обновки я не могу передать словами.

Хлеба муж в тот день так и не купил — прямо из магазина он отправился окунать в воду новую посуду[15] и был вполне удовлетворен даже без хлеба. Вернувшись домой, он воскликнул: «Чем я занимался за день до Песаха? Ходил за хомецом!..» — и стал развивать мысль о том, что такое поведение недопустимо. Разбирая свой «проступок» в мельчайших деталях, он горько плакал... Затем муж хотел поставить новую посуду в надежное место, чтобы она находилась подальше от хомцевой посуды, насколько это возможно было в одной комнате. А поскольку он еще до конца не успокоился, посуда выпала из его рук и разбилась — и стаканы, и блюдца! Уцелело только одно блюдце. Весь праздник мы были вынуждены пить из кружки, которую на прошлый Песах использовали для омовения рук...

יְדִינְעוּרֵי אֹרְחֵי אֲנָחְנֵי

יְדִינְעוּרֵי אֹרְחֵי אֲנָחְנֵי

[1]. См. респонсы «Авней незер», «Орах хаим», часть 2, главы 445–447, а также беседу Ребе во время трапезы после окончания поста Йом Кипура 5726 года («Торат Менахем — Гитвадуйот» 5726, часть 1, с. 46).

[2]. См. Сидур Алтер Ребе, а также книгу «Толдот хаг Симхат Тора» (Иерусалим, 5758), с. 277 и далее.

[3]. В отношении нигуна на акафот в праздник Симхат Тора рабби Леви-Ицхока см. «Сефер нигуним», часть 2, нигун 185: «Рабби Леви-Ицхок рассказывал, что имеется традиция, переданная из поколения в поколение, о том, что этот нигун пели во время акофойс у Алтер Ребе».

[4]. Девушка, которая жила в доме ребецн и ее мужа (см.: Лехаим. 2012. № 1).

[5]. Теилим, 86:2.

[6]. Так хасиды называли противников движения хасидизма.

[7]. Талмуд, трактат «Сангедрин», 111а. См. также мидраш «Шмот раба», 6:4, и комментарий Раши на Шмот, 6:9.

[8]. Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

[9]. 5701 года (конец ноября 1940 года).

[10]. Новый год хасидизма — праздник освобождения Алтер Ребе из заключения в 5559 (1798) году.

[11]. 5701 года (март 1941 года).

[12]. Имеются в виду так называемые спецпереселенцы, высланные в Центральную Азию в 1939–1940 годах с польских земель, вошедших в состав СССР после начала второй мировой войны.

[13]. См.: Лехаим. 2012. № 1. Как видно из прим. 11, у рабби Леви-Иццока в разных документах были записаны разные годы рождения.

[14]. «Третьским» раввинским судом.

[15]. Изготовленную неевреями посуду нельзя использовать до тех пор, пока ее не окунули в воду родника или миквы.

ИСТОРИЯ «ПАСХАЛЬНОЙ АГАДЫ»

Ī adēīā Eadī īāā

Традиционный текст «Пасхальной агады» окончательно сложился в раннем Средневековье. Но основные элементы пасхального повествования восходят по крайней мере к эпохе Второго храма, когда рассказ об Исходе сопровождал праздничную трапезу, где главным блюдом было мясо жертвенного ягненка. Уже в Мишне, Псахим мы находим упоминание о четырех бокалах вина, выпиваемых во время седера, вопросы, которые сын задает отцу («Если же сын еще неразумный, отец сам наставляет его: чем отличается эта ночь от всех ночей?» — и т. д), чтения Алеля (подборки хвалебных псалмов), запрет есть после афикомана (специального куска мацы, который глава семейства откладывает до конца седера)...

«Пасхальная агада», созданная в 1300 году в Германии, которую называют «Птичья агада». Музей Израиля, Иерусалим

Мишна, Псахим также говорит, что рассказ об Исходе должен строиться как мидраш к отрывку из Торы, который произносит еврей, приносящий в Храм первинки: «Мой праотец был скиталец-арамей. Он пришел в Египет с немногими людьми и жил там как переселенец. Там он стал великим, сильным и многочисленным народом. Египтяне же относились к нам скверно: они угнетали нас и принуждали к тяжелой работе. Мы воззвали к Г-споду, Б-гу наших праотцев. Г-сподь услышал наш зов, увидел наши бедствия и непосильные труды, [увидел, как] нас угнетают. Г-сподь вывел нас из Египта мощной рукой и простертой дланью, [явив] страшные и великие [дела], знамения и чудеса» (Дварим, 26:5-8).

Кроме того, здесь же приводится тот минимум, без которого невозможно выполнить заповедь рассказывать об Исходе: «Раббан Гамлиэль говорил: каждый, кто не сказал в Песах о трех этих заповедях, не исполнил свой долг; и вот эти заповеди: песах, маца и марор. Песах — потому что пропускал Вездесущий дома наших отцов в египте; маца — потому что были освобождены наши отцы, когда еще находились в Египте; марор — потому что горькой сделали египтяне жизнь наших отцов в Египте. В каждом, каждом поколении обязан человек смотреть на себя, словно он сам вышел из Египта...» (Мишна, Псахим, 10:5).

Привычный для нас корпус текста «Пасхальной агады» сложился в VII–VIII веках н. э., в кругах, близких к гаонам — руководителям знаменитых ешив в Суре и Пумбедите. А в середине IX века Амрам Гаон (ум. в 875 или 876), глава ешивы в Суре, включил Агаду в свой образцовый сборник молитв,

который он назвал «Седер Амрам Гаон». Относительно большой фрагмент этой Агады был найден в знаменитой Каирской генизе.

В X веке текст Агады вошел в еще один сборник молитв, на этот раз составленный прославленным раввином, философом и полемистом Саадьей Гаоном (882–942), также возглавлявшим ешиву в Суре. Отрывок из этой Агады тоже был обнаружен в Каирской генизе. Найденный текст несколько отличается от того, каким мы пользуемся сегодня — к примеру, в нем нет упоминаний о четырех сыновьях, что приходят на седер со своими вопросами, — мудреце, злодее, простаче и не умеющем спрашивать.

Первые известные нам «отдельные издания» «Пасхальной агады» появились в XIII веке. А около 1300 года возник обычай снабжать традиционный текст иллюстрациями. Примерно в это же время неизвестным мастером была создана знаменитая «Птичья агада», названная так потому, что большинство людей художник изобразил не с человеческими, а с птичьими головами. Помимо художественной, «Птичья агада» имеет несомненную историческую ценность, например, она содержит первое изображение выпечки мацы. Сегодня этот уникальный манускрипт хранится в Иерусалиме, в Музее Израиля.

Около 1320 года в Каталонии, также безымянным мастером, была создана древнейшая известная нам сефардская иллюстрированная Агада — так называемая «Золотая агада», скорее всего изготовленная по заказу кого-то из местных еврейских богачей. А еще через несколько десятилетий там же появилась знаменитая «Сараевская агада», которая, судя по всему, была заказана в качестве свадебного подарка преуспевающей еврейской паре. После изгнания евреев из Испании эта Агада оказалась в Сараево, где чудесным образом пережила две мировые войны, так что этот уникальный манускрипт можно увидеть в Национальном музее Боснии и Герцеговины.

Еврейское книгопечатание возникло в 60-х годах XV века. А уже в 1482 году (всего за десять лет до изгнания!) в испанской Гвадалахаре было предпринято первое издание «Пасхальной агады». Через четыре года еще одна Агада была издана в Италии, в знаменитой типографии Сончино. А в 1505 году в Константинополе увидело свет первое комментированное издание Агады. Комментарий, получивший название «Зевах Песах» («Пасхальная жертва»), принадлежал перу дона Ицхака Абарбанеля, одного из духовных лидеров тех испанских евреев, кто предпочел изгнание крещению.

В дальнейшем «Пасхальная агада» выдержала множество изданий и переизданий в самых разных странах. Назовем лишь несколько наиболее известных. В 1526–1527 годах братья Гершон Коеи и Гронем Кац выпустили в Праге первое иллюстрированное издание Агады. В 1545 году «Зевах Песах» был переиздан в Венеции, причем, поскольку еврейское книгопечатание в республике было в то время запрещено, книга была набрана в христианской типографии некоего Марко Антонио Джустиниани. В 1590 году в Праге была впервые напечатана Агада, включающая текст песни «Хад Гадья» («Козленок») — единственной пасхальной песни, написанной на арамейском.

Согласно закону, рассказ об Исходе необходимо вести на языке, который понимают все присутствующие, включая женщин и детей. А поскольку иврит в те времена нигде не был разговорным языком, уже в конце XVI века появляются двуязычные издания «Пасхальной агады». Первые переводы были сделаны на идиш, разговорный язык евреев Центральной Европы.

С течением времени менялся не только «формат» «Пасхальной агады», но и восприятие отдельных отрывков. Например, в большинстве ашкеназских общин принято, перечисляя десять казней, которыми Б-г поразил египтян, каждый раз отливать каплю вина из кубка. Как пишет профессор Юваль, в Средние века евреи, совершая этот обряд, произносили: «Б-г спасет нас от этого бедствия и обрушит его на наших врагов». Поэтому в некоторых общинах отливали не десять, а пятьдесят-шестьдесят капель, дабы умножить количество бедствий врагов Израиля. В наши дни широко распространено принципиально иное объяснение этого обычая: отливая вино из праздничного кубка, мы демонстрируем, что страдания египтян, даже если они были заслуженными, делают нашу радость неполной.

Вспомним еще один «проблематичный» отрывок «Пасхальной агады». Уже после завершения пасхальной трапезы, прочитав благословение после еды, глава семейства открывает входную дверь и произносит четыре библейских стиха (Теилим, 79:6-7; 69:25, и Эйха, 3:66): «Излей гнев Свой на народы, которые не желают признать Тебя, и на царства, которые не призывают Имени Твоего; за то, что пожрали они Якова и жилище его разорили. Пролей на них ярость Твою, и пламя гнева Твоего пусть охватит их. Преследуй их в негодовании и истреби их из-под Небес Г-сподних».

В XVI веке выкрест Антониус Маргарита обвинил своих бывших единоверцев в том, что в этот момент они призывают гнев Всевышнего на головы своих соседей-христиан. Раввины, естественно, категорически отвергли подобное обвинение. Так, современник Маргариты, р. Элиэзер Ашкенази, бывший раввином сначала Праги, а затем Кремоны, писал: «Поскольку христиане, как и мусульмане, верят в Творца и в Исход из Египта, то как же можно проклинать их за их веру? И если тем не менее мы иногда проклинаем тех из них, кто делает нам зло и безвинно угнетает нас, то мы делаем это не из-за их религии, но подобно тому, как человек проклинает того, кто причиняет ему зло. И совершенно очевидно, что мы не должны проклинать из-за их веры те народы, которые верят в Исход из Египта и Всевышнего, хотя и не получали Тору».

Аналогичного мнения придерживался р. Моше Ривкес, автор алахического свода «Беэр а-гола» («Кладезь изгнания»). По его словам, «Царь Давид молил Всевышнего излить гнев только на язычников, которые не верят в Творение, Исход, чудеса и знамения, которые Творец, благословен Он, совершил для нас в Египте, и дарование Торы. Однако народы, под сенью которых мы сейчас живем, верят во все вышперечисленное. Поэтому мы обязаны непрерывно молиться за их благосостояние, процветание их царств и успех и правителей».

Утверждая, что евреи никогда не призывали гнев Творца на всех иноверцев без исключения, раввины, безусловно, говорили чистую правду: согласно Талмуду, праведные неевреи, так же как и праведные евреи, удостоятся «удела в Мире грядущем». Так что было бы в высшей степени странно призывать Б-жий гнев на головы тех, кого Всевышний собирается наградить.

ЧЕТВЕРО, ВОШЕДШИЕ В ПАРДЕС

Áëàëñáí ää Ýéíñëí

Известно, что в содержании Торы есть четыре основных уровня, обозначаемых словом «Пардес» («сад»). На иврите оно состоит из четырех букв, которые рассматриваются как аббревиатура названий этих четырех уровней: пшат (простой смысл слов), ремез (намек), драш (истолкование, имеющее характер более глубокий и широкий) и сод (тайна). В самом общем плане этим четырем уровням соответствуют Письменная Тора, Мишна, Талмуд и каббала. Однако, как сообщает каббала, каждый из этих четырех уровней тоже содержит все четыре уровня: то есть, например, в пшате есть и его собственный пшат, и его ремез, и его драш, и также сод пшата. Соответственно и сод также обладает всеми четырьмя уровнями (только, понятно, постижение уровня сод сода доступно лишь величайшим знатокам Торы, овладевшим всеми ее дисциплинами).

Четверо, вошедшие в Пардес.

Фрагмент миниатюры из итальянского манускрипта XVII века.

The Gross Family Collection.

Тель-Авив

И оба Талмуда, Вавилонский и Иерусалимский, и «Мидрашраба», и мидраш «Ялькут Шимони», и «Зоар», и древняя каббалистическая книга «Гейхалот» («Чертоги») содержат рассказ о «четырех, вошедших в Пардес», то есть овладевших Торой во всем ее объеме, в том числе и на уровне сод. Сам факт этого столь уникального в Устной Торе повторения означает, что здесь содержится какойто урок, крайне важный для всех евреев в каждом поколении. Какой именно? На этот вопрос в ходе нашей истории по-разному отвечали мудрецы, являвшиеся авторитетами для еврейского народа.

Сообщает Вавилонский Талмуд (Хагига, 14б): «Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зома, Ахер и рабби Акива. Сказал им рабби Акива: “Когда вы достигаете плит чистого мрамора, не говорите: „Вода! Вода!“ — потому что сказано: „...рассказывающий небылицы долго не устоит пред Моими глазами“ (Теилим, 101:7). Бен-Азай глянул — и умер; о нем Писание говорит: “Дорога в глазах Г-спода смерть тех, кто предан Ему” (Теилим, 116:15). Бен-Зома глянул — и повредился (в уме), и о нем Писание говорит: “Мед нашел ты — ешь в меру, а то пресытишься им и его изрыгнешь” (Мишлей, 25:16). Ахер — порубил посадки; рабби Акива (вошел в мире[1]) и вышел в мире».

Здесь очень много непонятного. Что такое «плиты чистого мрамора» и при чем тут «вода»? На что взглянули Бен-Азай и Бен-Зома — так что это им обоим принесло несчастье? Какие такие «посадки» порубил Ахер?

Но и главное понятие — «Пардес» — оказывается далеко не столь однозначным, если хотя бы мельком оглядеть то, что написано по поводу этого рассказа Талмуда. Раши откровенно говорит, что выражение «вошли в Пардес» означает «поднялись в небеса посредством произнесения Имени (Всевышнего)», то есть благодаря применению средств практической каббалы. Один из последних гаонов Двуречья, Гай Гаон (X век), высказывается более осторожно: «Пардес — это глубины мудрости». Комментатор же Талмуда Маарша (рабби Шмуэль-Элизер Эйделс) уточняет, что Пардес — это именно Б-жественная мудрость. В этом он следует рабейну Тордосу Галеви, одному из крупнейших испанских каббалистов XIII века, который, правда, высказался еще более определенно: имеется в виду «наука о Б-жественном», то есть каббала.

Отдельно стоит трактовка «Аруха»[2], согласно которой Пардес — то же самое, что Ган-Эден, то есть духовный «райский сад», где пребывают души праведников.

Однако параллельно существует и более рационалистический подход, берущий свое начало от «Тосафот» («Дополнений» к комментарию Раши): в них написано, что слова Раши «поднялись в небеса» не следует понимать буквально. Хотя, действительно, те четыре мудреца Торы «вошли в Пардес посредством произнесения Имени», они все же «не поднялись в небеса в буквальном смысле: им только казалось, что они находятся в небесах». Иначе говоря, они чувствовали себя так, как если бы перенеслись в духовный мир, и воспринимали духовные откровения столь ясно и отчетливо, как если бы видели их глазами.

Для того чтобы хотя бы в некоторой мере разобраться в этих мнениях и ответить на поставленные выше вопросы, займемся каждым из «четырех, вошедших в Пардес» в отдельности. Рабби Акиву представлять не надо: он, фактически, источник всей известной нам Устной Торы — и Мишны, и Алахи, и мидрашей, и каббалы. О величии Бен-Азая и Бен-Зомы дает представление Мишна, лаконично сообщая: «С тех пор как умер Бен-Азай, исчезли усердные (в изучении Торы); с тех пор как умер Бен-Зома, исчезли интерпретаторы (Торы)» (Сота, 9:15). Больше внимания нам следует уделить Ахеру.

Образ Ахера — «инога», то есть не согласного с основным течением иудаизма, — издавна вдохновлял тех, кто искал оправдание собственному своеволию, а в особенности еврейских «просвещенцев» XVIII–XIX веков и «прогрессистов» XX века, проповедовавших откровенное безверие и отречение от иудаизма.

Разбирая эти мнения, Гилель Цейтлин[3] доказывает их несостоятельность. В частности, он отмечает, что наиболее устоявшимся оказалось представление об Ахере как об агностике, то есть философе, придерживающемся теории дуализма. Начало ему положил все тот же Гай Гаон: он полагал, что Ахер пришел к идее дуализма, подобно верованиям персидских магов в то, что миром управляют два божества: доброе и злое. Но если бы Ахер действительно примкнул к ним, его настоящее имя — Элиша, сын Авуи, — не называлось бы в трактате Мишны «Авот» («Отцы [еврейства]») и там не приводилось бы его изречение, а Талмуд не восхвалял бы его глубочайшие познания в Торе[4].

Свое прозвище Ахер («Иной») он получил уже после того, что произошло с ним в Пардесе. Но отметим: уже только тот факт, что он смог войти в Пардес, свидетельствует, что Элиша, сын Авуи, стоял на такой же высоте, что и рабби Акива. Различие между ними проявилось в том, что они делали там и как вышли. Это подчеркивает рабейну Тордос: «Несмотря на то что рабби Акива постиг то же самое, что постиг Ахер, он не ошибся, как ошибся тот». Из этих слов ясно следует, что Ахер лишь совершил ошибку, а отнюдь не предательство по отношению к Торе.

В чем же состояла ошибка Ахера? Талмуд (Хагига, 15а) рассказывает, что однажды он спросил рабби Меира, как тот понимает стих «...и также одно напротив другого создал Б-г...» (Коелет, 7:14). Рабби

Меир ответил так: «Всему, что сотворил Святой, благословен Он, сотворил Он соответствующее: сотворил горы — и сотворил холмы, сотворил моря — и сотворил реки». То есть рабби Меир истолковал этот стих в том смысле, что он говорит о парах однородных явлений. Однако Ахер возразил: «Рабби Акива, учитель твой, не так говорил, но: сотворил праведников — сотворил нечестивцев, сотворил Ган-Эден — сотворил Геином!» То есть во всем мире добру противопоставлено зло. Поэтому Маарша так объясняет выражение «порубил посадки»: «разрубил то, что объединено, и отделил части одну от другой». Тем самым Ахер оправдал свою новую позицию противопоставления себя остальным мудрецам Торы и остановился на ней.

Но рабби Акива избежал этой ошибки. Трактат «Авот» (13:15, 16) приводит его высказывания, дающие нам ключ к пониманию того, почему рабби Акива не пошел по иному пути, хотя «постиг то же самое, что постиг Ахер». «Все предвидено, — говорит рабби Акива, — но разрешение (на свободный выбор) дано, и добром судится мир, и все — по мере множества действий».

«Все предвидено» — все заранее известно Творцу, дарующему жизнь и добро, но тем не менее людям дозволяется вести себя так, как им угодно, и без помех выбирать между добром и противоположным. Но «добром судится мир»: тот же самый Творец, сотворивший добро, сотворил и зло, чтобы у человека была полная свобода выбора своего поведения, однако Сам Он — совершенство добра. «Г-сподь — един, и Имя Его — едино» (см.: Зхарья, 14:9). Поэтому конечная цель, к которой движется мир, — это добро, а люди, преследуя свои личные интересы, волей-неволей в конечном счете служат достижению этой цели: «Все — по мере множества действий». Так что добро и зло являются антиподами лишь для того, кто не постиг конечного смысла существования «зла», происходящего из того же источника, что и «добро», и не поднялся к пониманию высшего Единства.

Ахер же, в отличие от рабби Акивы, «порубил посадки» — то есть, осознав величие и мощь зла, вообразил, будто оно имеет (по крайней мере, в этом мире) независимое существование. Возможно, отсюда его пессимизм в ответе рабби Меиру, призывавшему его совершить тшуву: «Но я уже слышал из-за небесного занавеса: „Возвратитесь, шальные дети...“ (Ирмеяу, 3:14) — все, кроме Ахера?!..» (Хагига, 15а). Веря, в принципе, в возможность возвращения, Ахер полагал, что слишком крепко держат его силы не менее мощные, чем силы добра.

И именно к нему в первую очередь относится предупреждение рабби Акивы не принимать за воду мрамор. Рабби Акива знал, какие опасности угрожают тому, кто созерцает величайшие тайны мироздания. В особенности — опасность не разглядеть единство всего сущего под скрывающимися его силами-антиподами, видимыми очевидно и ясно. В книге «Гейхалот» сказано, что Пардес — это «чертоги духовного мира», и входящий в них, чтобы постичь глубочайшие тайны мироздания, обязан быть крайне осторожным. «Тому, кто открывает шестой чертог, — говорится там, — кажется, что он видит мириады волн, — но в действительности там нет даже капли. Лишь сверкание плит чистого мрамора порождает впечатление, будто видишь воду...» Но если вошедший в этот чертог отклонится от Истины хотя бы на волосок, если он представит себе духовные явления в виде какой бы то ни было материальной формы — даже для себя, для большей наглядности, — это засчитается ему как настоящая ложь. А «рассказывающий небылицы не устоит пред Моими глазами!» Поэтому рабби Акива предупредил: не принимайте камни за воду! Из слов «Зоара» (ч. 1, 266), поясняющих, в чем состояло предостережение рабби Акивы, понятно, что смысл его заключается в следующем. Не случайно он повторил два раза слово «вода» — имея в виду: не воображайте, что есть две «воды». «Не оступитесь и не упадите с высоты, откуда открывается вид на истинное единство всего сущего, на ступень, с которой начинается разделение на мнимые противоположности: “вода — вода”, “вода-добро и вода-зло”, “вода-жизнь и вода-смерть”...»

Однако призыв его не был услышан. Бен-Азай и Бен-Зома безбоязненно «глянули» — куда? Раши говорит: «В сторону Шхины», а Маарша объясняет более подробно: «Из-за того, что душа Бен-Азая прилепилась в великой и истинной любви к высшим предметам, он глянул на ослепительный свет, и душа его вырвалась из тела. Она увидела, насколько хорош покой[5], и не захотела возвращаться на свое место. Это — невероятная высота, и потому стих “Дорога в глазах Г-спода...” относится к Бен-Азаю. Таким образом, смерть Бен-Азая не была наказанием за проступок: она сама была проступком. «Душа моя страстно полюбила Тору», — сказал он как-то раз о себе (Вавилонский Талмуд, Йевамот, 63б) и поэтому даже не хотел жениться и обзаводиться семьей. Тора, Б-жественное было единственным содержанием его жизни. И когда душа его узрела свет Шхины, она вырвалась из тела и устремилась к Б-жественному, как огонек свечи притягивается к большому факелу. Однако тем самым душа Бен-Азая уклонилась от исполнения на земле той миссии, которая была возложена на нее Всевышним, и это было засчитано ей как нарушение Высшей воли.

«Бен-Зома, — продолжает Маарша, — не был столь совершенным и уравновешенным интеллектуально, как Бен-Азай, и из-за того, что также смотрел на свет, более ослепительный, чем мог вынести его разум, спутались у него все понятия, и он повредился в уме — подобно человеку, который сходит с ума из-за того, что оказался не в силах постичь до конца то, к чему страстно стремился». Потому-то он и уподобляется набросившемуся на вкусный мед, объевшемуся им и повредившему сам себе...

* * *

Какой же урок содержится в рассказе о «четырех, вошедших в Пардес»?

Четыре мудреца — это четыре типа людей, изучающих Тору, и четыре типа самого ее изучения. Бен-Азай, Бен-Зома и Ахер олицетворяют собой те опасности, которые угрожают желающему проникнуть в скрытое, те соблазны, которые подстерегают стремящегося достичь созерцания того, что окутано тайной. И тот, кто пренебрегает этими опасностями и поддается этим соблазнам, не выполняет задание, ради которого его душа спустилась в этот мир и облачилась в материальное тело. Гарантией же благополучия — «входа в Пардес в мире и выхода из него в мире» — служат те качества, которые воплощает рабби Акива. Он уже «вошел (в Пардес) в мире» — не как Бен-Азай, стремившийся лишь к собственному совершенствованию, не как Бен-Зома, разум которого не вынес огромности открывшегося ему знания, не как Элиша, сын Авуи, принявший видимое за действительное и ставший Ахером. Рабби Акива вошел в Пардес с единственным намерением: исполнить волю Всевышнего, установить мир между противоположностями, открыть единство Б-жественного и земного, духовного и материального. Поэтому он и «вышел в мире».

В самом общем плане: тот, кто стремится к Истине и лишь к ней не только в ее теоретическом, и но в материально-конкретном, действенном выражении, кто ставит себе единственную цель — исполнить волю Всевышнего, в чем бы она ни состояла, — способен воспринять сокровенные тайны Торы.

[1]. *Таков вариант текста, обычно приводимый в учении хабадского направления в хасидизме.*

[2]. *Самый первый по времени словарь терминов Талмуда и Мидраша. Автор — рабби Натан, сын Йехиэля, из Рима (1035–1110?) — глава ешивы, талмудист и лексикограф.*

[3]. *«Ключ к книге Зоар», ч. 1, гл. 5: «Перевоплощения, через которые прошло учение Зоара».*

[4]. *Кстати сказать, именно так аргументирует рабби Авраам Закуто — астроном и историк, живший в XV–XVI веках, — который в своем труде «Юхасин» («Родословие») ратовал за восстановление доброго имени Ахера.*

[5]. *Реминисценция из Берешит, 49:15.*

Такое мнение долгое время было господствующим. Однако порой высказывалась и иная точка зрения. Так, еще в XII веке в Италии рабби Менахем, сын рабби Шломо, отмечал, что в его краях большинство евреев «с любовью относились к своему дню рождения... и устраивали в этот день пир».

Ḍāāā ēē-ī ūī ī ḏēī āḏī ī fāāāāāē fāū-āē fōī ā-āōū āāī ū ḏāēāāī ēy.

*Ī ā ī ḏāāī fāāī ēē āā 70-ēāō ēy m āōāēēnī fāāēī ēūēī ō ūnī-ōāēāā ā
Ī ūp-Ēī ḏē. 18 āī ḏāy 1972 āāā*

А чем ближе к нашему времени, тем положительнее воспринималась эта дата. Если Бааль-Шем-Тов, основатель хасидизма, каждый год 18 элула устраивал ученикам трапезу и открывал им тайны Торы, не упоминая, что это день его рождения, то о дне рождения его преемника, рабби Дов-Бера, Межеричского Магида, знали все ученики и поздравляли друг друга в этот день как в праздник: «Гут йом тов!» А выдающийся хасидский руководитель XIX века рабби Исраэль из Ружина уже торжественно отмечал свой день рождения (с той широтой, которой вообще отличалось его служение Всевышнему).

Другой пример: один из самых крупных раввинов Германии XIX века, рабби Исраэль Лифшиц, автор комментария к Мишне «Тиферет Исраэль», написал в своем завещании: «Вот я завещаю вам, сыновья мои и дочери, чтобы в день рождения каждого из вас вы, его братья и сестры, писали ему поздравление “мазаль тов”».

И наконец, свидетельство о праздновании дня рождения еще одного известного законоучителя — к тому же сефардского. Рабби Йосеф-Хаим (1834–1909), главный раввин Багдада, известный как Бен Иш Хай, пишет в своем комментарии к Торе (Дварим, раздел «Реэ», п. 17): «Есть люди, придерживающиеся обычая ежегодно превращать свой день рождения в праздник, и это — прекрасное знамение для них, и так принято в нашем доме».

Однако это все-таки лишь единичные примеры. Между тем Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон в корне изменил отношение ко дню рождения именно на основании Торы, следуя принципам хасидизма. Он объяснил, какое значение имеет этот день для каждого человека, и дал указания, как отмечать его, чтобы это максимально соответствовало Торе и аутентичным еврейским обычаям.

Но прежде всего Ребе разоблачил весьма распространенные заблуждения. Так, он обратил внимание на то, что сообщение о дне рождения фараона — не единственное упоминание в Торе подобной даты. Написано также о дне рождения Моше-рабейну — что для нас, евреев, куда важнее: когда Моше родился, его мать сразу увидела, что «он — хорош» (Шмот, 2:2). Раши, на основе Талмуда (Сота, 12а), комментирует это так: «Весь дом наполнился светом». Ребе объяснил: «дом» — это весь мир, который является обителью Всевышнего, и он «наполнился светом», ибо, как говорит Талмуд (Сангедрин, 113б; Тосефта, Сота, 10:1), когда «праведник приходит в мир — в мир приходит благо».

Устная Тора вовсе не игнорирует день рождения. В Талмуде (Моэд катан, 28а) рассказывается, что, когда один из величайших еврейских мудрецов Двуречья, рав Йосеф, достиг шестидесяти лет, он устроил «праздник для наших учителей» — то есть своих товарищей-ученых и учеников. Следовательно, нельзя сказать, будто празднование дня рождения противоречит Торе. Поскольку она вся — «ораа», то есть «указание», то и этот рассказ — тоже указание, относящееся к любому дню рождения. Талмуд подразумевает, что день рождения человека означает его подъем как в сфере материального мира, так и в плане духовном.

И тут мы подходим к внутренней сути дня рождения, на которую намекает каббала и которую Ребе объяснил на основе учения хасидизма.

Иерусалимский Талмуд (Рош а-Шана, 3:8) формулирует ее всего в двух словах: «Мазало говер» («Его “мазаль” набирает силу»).

«Мазаль» здесь — источник души человека; уровень души, который выше всех ее сил — выше мысли, речи и действия. Если еврей выявляет, пробуждает и укрепляет свою связь с Творцом, он не подвержен никаким влияниям внутри сотворенного мира, вроде влияния звезд и планет. Разве что он подчинится им по собственной воле... А что значит «набирает силу»? То, что в день рождения к человеку идет дополнительная подпитка сил Свыше.

В разговорном языке слово «мазаль» употребляют в значении «счастье», «удача», а иногда — «судьба». В таком смысле можно понять и приведенное выше изречение из Иерусалимского Талмуда: в день рождения судьба человека меняется к лучшему — она обещает ему больше счастья, больше удачи...

В учении хасидизма понятие «мазаль» связывается с однокоренным словом «нозель» («течет, струится»), и на основе этого сопоставления проясняется смысл понятия «мазаль». К человеку спускается — «струится» — жизненная энергия, как бы пропитывающая все существование вплоть до самого низкого уровня материального.

День рождения можно сравнить с днем Рош а-Шана. Как известно, в еврейской традиции этот день (годовщина сотворения первого человека, Адама) — День суда, когда Творец обновляет мир и определяет судьбу каждого из Своих созданий на следующий год. Также и у каждого человека есть его личный Рош а-Шана — день рождения, когда душа обновляется и получает новые силы. И от него самого зависит, чтобы это обновление стало фактором духовного роста.

В Рош а-Шана евреи занимаются самоанализом, стараются исправить свой характер, свое поведение и принимают обязательства на будущее. В целом все это обозначается словом «тшува»: «возвращение» — к Б-гу, к Торе, к добру... «Тшува» обладает поразительной силой и способна защитить человека от бед. День рождения — день, который также может изменить судьбу человека. Однако необходимо «пробуждать» свой мазаль, чтобы он «набирал» и сообщал большую силу.

Как известно от Бааль-Шем-Това, особое воздействие на мазаль оказывает чтение глав книги Теилим. На этом основан обычай читать всю книгу Теилим в день рождения и изучать псалом, соответствующий текущему году жизни данного человека. Скажем, тот, которому двадцать пять лет, сейчас находится на двадцать шестом году своей жизни; поэтому его «личный» псалом — 26. А в день своего рождения он начнет читать следующий: 27.

В Писании мы находим также намек на то, что в день рождения у человека возникает особая связь со Всевышним. В Теилим сказано: «Ты — сын Мой, Я сегодня тебя произвел на свет», и сразу же после этого: «Проси у Меня» (2:7-8). Значит, в день, когда Всевышний дал тебе жизнь, проси — и Он удовлетворит твою просьбу!

Говоря кратко, самый общий смысл дня рождения — обновление души, и это поистине радостный день. Его воздействие распространяется на весь год точно так же, как воздействие Рош а-Шана.

* * *

Суммируя сказанное по этому поводу Любавичским Ребе, можно составить примерный список дел, которые желательно совершить в день рождения, чтобы наполнить его духовностью и заслужить большее благословение.

1. В субботу, предшествующую дню рождения, хорошо постараться получить в синагоге вызов к чтению Торы, а если день рождения — в тот день, когда в синагоге читают Тору (то есть в понедельник или четверг), то в самый день рождения.

2. В день рождения дать больше цдаки (пожертвований). Если же день рождения — в субботу или праздник, следует дать цдаку накануне (а еще лучше — и перед ним, и также после него).

3. В течение дня почитать Теилим (желательно прочитать всю книгу и в особенности — изучить новую главу Теилим, номер которой соответствует числу прожитых лет).

4. Выше уже было приведено высказывание мудрецов о том, что для человека лучше всего было бы не родиться. Однако конец изречения таков: «...А теперь, раз уж он сотворен, пусть контролирует свои поступки» (Вавилонский Талмуд, Эрувин, 13б). Здесь — самый главный момент дня рождения: нужно уединиться и обдумать истекший год своей жизни. Вспомнить, что было в нем хорошего, что надо исправить, и решить, как это исправить. Это и называется тшувой, и в этом суть как всеобщего Рош а-Шана, так и своего личного.

6. Устроить праздничную трапезу для родственников и друзей. В их присутствии произнести благословение «Шеэхеяну» (благодарность Всевышнему за то, что «дал нам дожить... до этого дня») на новый в этом году фрукт или новую одежду. (Особенно хорошо, если присутствуют десять евреев, которым тринадцать лет и больше.)

* * *

Написано в книге Коелет (3:11), что Всевышний «все сделал прекрасным в свое время». Есть немало вещей, которые были открыты давно, но их время пришло совсем недавно. Достаточно сослаться на примеры технических достижений последнего времени.

Но один все-таки хотелось бы упомянуть: еще в конце XVIII века литовский раввин по имени Менаше из Илии изобрел... прообраз трактора. Но никто не оценил его идеи и не дал денег, чтобы построить даже модель этой машины. Все дело в том, что для нее тогда еще не настало время.

То же самое — в сфере духовного. Сказано в Мидраше (Берешит раба, 24:5), что еще Адам был достоин того, чтобы Тора пришла к людям через него. Однако Творец «все сделал прекрасным в свое время», и Дарование Торы произошло в двадцать шестом поколении после Адама.

А наше поколение вообще удостоилось множества такого, о чем ранее даже не подозревали. Сотни лет очень и очень многие ничего не знали о смысле дня рождения. Но теперь он стал известен и понятен всем, а не только избранным.

[1]. *Исраэль Та-Шма. О дне рождения в Израиле. Цийон, 5762. С. 19–24. Вып. 67 (иврит).*

ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО

איך אידן זענען

Замысел этой серии мемуарных очерков возник в результате обсуждения с моим старым другом, раввином И. Гиссером, того грустного факта, что постепенно уходит поколение стариков, ставших для нас образцом для подражания, первыми учителями. Их воспоминания были записаны мною в 2007–2008 годах, это свидетельства тех, кто остался религиозным евреем в годы репрессий в СССР, а теперь живет в Израиле: в КфарХабаде, Лоде, БнейБраке, РишонлеЦионе. С первых же дней работы я натолкнулся на совершенно неожиданное для меня препятствие: подавляющее большинство тех, к кому я обращался, под разными предлогами отказывались поделиться своими воспоминаниями.

Мотивировки были самые разные: «А кому это вообще надо?», «Я уже почти ничего не помню», «Ничего интересного рассказать не могу». Пока один из «отказников» не сказал мне прямо: «Я боюсь».

«Чего?! — удивился я. — Ведь я прошу рассказать о делах давно минувших дней, о событиях полувековой давности. Советская власть давно не существует!»

«Ты ничего не понимаешь, — возразил мой собеседник. — ОНИ хоть и сменили вывеску, но нигде не исчезли. Я боюсь, — признался он. — Хотя умом и понимаю, что это глупости, но боюсь. Я знал слишком много людей, которые исчезли в лагерях только за то, что были религиозными евреями. Я понимаю, что сегодня это выглядит смешно, но избавиться от этого я не в состоянии».

К сожалению, большая часть тех, к кому я обращался, так и не сумели перебороть этот страх. И тем более ценны рассказы, да нет — свидетельские показания тех, кто согласился встретиться со мной, зная, что все это будет опубликовано.

Хочу особо подчеркнуть, что все эти люди вовсе не считают себя мучениками или героями. Они держатся очень просто и доброжелательно, они не думают, будто сделали в своей жизни нечто особенное — просто жили, просто соблюдали заповеди, просто шли по пути предков.

Сам факт того, что их жизнь, их убеждения, впитанные в детстве и пронесенные через все беды и радости, комуто интересны, вызывает у них искреннее удивление. Оно не продиктовано душевной простотой или ложной скромностью. Нет, эти люди считают, что иначе жить было нельзя. Потому что жить иначе не имеет смысла.

איך אידן זענען

Ага-Аад'ї дити

Меня зовут Дов-Бер Прусс, я родился в 1934 году в Ленинграде в религиозной семье Шмуэля-Лейба и Штерны-Соры Прусс. Родители были любавичскими хасидами и в этом же духе воспитывали своих детей — меня и моего младшего брата Зушу. Отец зарабатывал на жизнь в швейной артели, а жили мы в квартире моего деда. Это была очень большая квартира, с несколькими комнатами размером в тридцать и даже сорок квадратных метров. В одной из таких комнат, напоминавшей, скорее, зал для бальных танцев, и жили мы с родителями. А в других — бабушка с дедушкой и тети.

В этих больших комнатах проходили фарбрэнгены, к нам часто заходили евреи. Наша квартира находилась неподалеку от главной синагоги Ленинграда, поэтому у нас вечно толпился народ. А когда наступал праздник Суккот, мать и тетки готовили полные кастрюли еды для тех, кто сидел в сукке, и таскали туда эти кастрюли — благо сукка была совсем рядом.

Самое сильное воспоминание моего детства — арест отца в 1940 году. Пришли, как это тогда было принято, к нам домой ночью, арестовали отца и начали проводить обыск. Помню чекистов, одетых в длинные кожаные плащи, в серые военизированные френчи наподобие того, что носил Сталин. Не знаю, что они искали, на каком основании делали обыск. Проводили его только в нашей комнате, а протокол почему-то писали в комнате у бабушки. Писали долго, и мне с братом надоело сидеть спокойно.

Мы начали играть: взяли игрушечные винтовки и стали маршировать по всей квартире, распевая песни: «Если завтра война, если завтра в поход», «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин» и другие, которые все пели в те годы. Научили нас этим песням тетки. Они были не так религиозны, как моя

мать, и в большей мере жили жизнью «советского народа». Маршировали мы, естественно, и по комнате бабушки. Чекисты на нас недовольно поглядывали, но ничего не сказали.

Как выяснилось потом, это пение сыграло определенную роль в освобождении отца. Чекисты, проводившие обыск, показали в НКВД составленный ими протокол и добавили: «Нас инструктировали, что мы идем в семью религиозных мракобесов, а их дети вовсе на мракобесов не похожи, обычные советские мальчишки, поющие нормальные песни. Что, это религиозная семья?»

Помогло и то, что швейная артель, которой заведовал отец, работала в том числе и на НКВД — шила им форму или что-то там еще. После ареста отца мать бросилась по всем инстанциям, пришла и к непосредственному начальнику отца. Тот оказался порядочным человеком, не испугался, позвонил кому-то в НКВД и походатайствовал. Продержав отца всего лишь три дня в тюрьме предварительного заключения, его отпустили, так и не предъявив никакого обвинения. Можно сказать, он легко отделался, хотя в тот момент перепуг у нас в семье был, конечно, немаленький.

В войну мы оказались в Ташкенте. Но тут случилась трагедия — наша мама скоростижно скончалась. А вскоре отца посадили на девять лет. Хотя официально это был срок за экономические преступления, всем было ясно, что взяли его потому, что он был не просто религиозным евреем, а любавичским. Мы с братом остались одни: мать — в могиле, отец — в тюрьме. Родственники где-то далеко, всех разбросала война. Приехала, правда, одна из теток и помогла нам на первых порах. Но спасли нас наши, любавичские: передавали из семьи в семью, кормили, одевали, как-то отогревали семейным теплом.

Долго такая ситуация продолжаться не могла, и хабадники отправили меня в Самарканд, в ешиву. Я в ней учился, в ней же и жил. Собственно, это не была ешива в нынешнем понимании этого слова. Отдельного здания не существовало, да и не могло существовать. В Узбекистане порядки были не такие жесткие, как в России, — то есть власти смотрели более либерально на еврейскую религиозную жизнь. И наши хасиды пользовались этим вовсю, умудряясь даже в условиях советской власти содержать подпольные хедеры и подпольную ешиву, в которой учились 30–40 ребят. То есть стремились по мере возможности выполнить указание Ребе Раяца^[1] о том, чтобы дать детям религиозное образование.

Большинство учащихся ешивы жили дома и приходили лишь на занятия. Но у нескольких мальчиков, вроде меня, либо вообще не было родителей, либо по каким-то причинам они не находились в Самарканде. Я, Менди Агаронов, отец Йосефа-Ицхака Агаронова, нынешнего руководителя молодежной организации Хабада в Израиле, и Меир Грузман, он сейчас глава ешивы в Кфар-Хабаде, жили в синагоге. Мы учились в ней целый день, а ночью готовили себе импровизированные кровати — устанавливали на кирпичных досках и застилали их каким-то тряпьем. Укрывались собственными же пальтишками. Мы ложились спать поздно вечером, а вставали рано утром и первым делом убрали доски, чтобы никто не увидел. В синагоге ведь спать запрещалось.

Если мы тоже в синагоге. Несмотря на то что Узбекистан — благословенный, богатый край, голод был тогда страшный. Люди умирали прямо на улицах, у меня до сих пор стоят перед глазами эти страшные сцены — трупы, валяющиеся на мостовой. Нам в ешиве с утра давали ломоть хлеба, а днем двенадцать рублей. На них мы покупали пятьдесят граммов изюма и кусок хлеба. А вечером мы «ели дни». Это понятие, вряд ли кому-то сегодня понятно, означает, что ешиботников распределяли между хабадскими семьями, которые добровольно обязывались нас кормить. А в те годы это было совсем непросто. Каждый вечер мы приходили в новую семью, нам давали суп, тарелку каши. Сытыми мы, конечно, не были, но и не умирали от голода.

Через какое-то время возникла другая проблема. Одежда наша поистрепалась, порвалась, ботинки разлезлись. И реб Нисан Неменов, который вместе с реб Йоной Каганом руководил ешивой, где-то умудрились достать деньги, купили материю, кожу и заказали нам всем нижнее белье, штаны, рубашки, телогрейки и ботинки. Так что, кроме духовной пищи, мы получали и материальное довольствие.

*Netaan «Eitan e Aoi aar» (Eitenu ay netaan). Yitnodat a 1891 aar
A piddaera UB aara auea aaeino aar iui daeaeer iui e eoeuo ooi iui oai o di iacuer u Nai adaei aa*

И хотя в те голодные годы оно было чрезвычайно важным, самое главное, что я приобрел, — это духовная закалка на всю оставшуюся жизнь. Можно сказать, до сих пор я питаюсь духовной пищей, усвоенной в самаркандской ешиве. Причем это касается не только знаний по хасидизму, Торе, но и правил поведения, моральных норм. Расскажу об одном случае, который я запомнил на всю жизнь.

Хотя в синагоге мы устроились неплохо (по нашим тогдашним понятиям), все-таки проживание в ней молодых ребят было довольно опасным делом, поскольку рано или поздно привлекло бы внимание властей. Поэтому нас расселили по семьям. Я жил у реб Михоэла Тейтельбойма. У него не было детей, и жена постоянно проходила курсы лечения. Как-то раз ее вызвали в больницу перед Рош а-Шана, она так долго ждала этого лечения, что отказаться было уже невозможно. И она отправилась в Ташкент.

А какие трапезы без хозяйки дома, тем более в праздник Рош а-Шана, длящийся два дня подряд? Реб Михоэл напросился к кому-то в гости и меня устроил к одному хасиду — Исроэлу Левину (Липовичеру). Тогда вся любавичская община была как одна семья, поэтому никаких проблем не возникло. Вернулись мы вечером из синагоги, уселись за праздничную трапезу. Хоть и жили все небогато и времена были трудные, но на первую трапезу Рош а-Шана хозяева расстарались. Ведь не зря эти два дня называют не «началом года», а «главой года». Как голова определяет, что делает все тело, так и эти два дня задают тон, каким будет весь наступивший год. Короче говоря, на столе были не только халы и салаты, но даже рыба.

И тут слышим стук в дверь. Открыли — это оказался незнакомый еврей. Выглядел он так, что краше в гроб кладут. Тогда много было отощавших людей, но этот отличался какой-то особой изможденностью. Увидел хозяин дома такого гостя и даже спрашивать его ни о чем не стал, а тут же усадил за стол. Налил стакан сладкого чая, положил хлеба, рыбы, салатов. И только когда тот поел, попросил его сказать праздничный кидуш[2] и сделать нетилат ядаим[3]. Поведение хозяина стало для меня уроком на всю жизнь: сперва дай человеку поесть, а уж потом говори с ним о духовности, о вере.

Но вернусь к ешиве. Она располагалась в махалля — квартале бухарских евреев Самарканда, и, чтобы не вызывать подозрений, занятия проходили в разных местах. В одном месте младшие учили Хумаш[4] и Гемару[5], в другом те, кто постарше, — учение хасидизма. Я провел в этой ешиве все военные годы, и, несмотря на опасения, никаких особых проблем с властями так ни разу и не возникло — не только из-за того, что, как я уже упоминал, в национальной республике порядки были менее жесткими, но еще и потому, что официально ешиву «держали» польские евреи. А поскольку они были иностранцами, на них смотрели сквозь пальцы. И позволяли им то, что советским гражданам категорически запрещалось.

Вот так в Самарканде практически официально функционировала ешива. Наши любавичские были не лыком шиты и использовали ее как крышу. Я думаю, подавляющее большинство учеников той самаркандской ешивы были вовсе не польские беженцы, как это считалось официально, а наши, хабадники и дети бухарских евреев.

Но когда война закончилась, польские евреи сразу начали уезжать. Кто куда — в Польшу, Палестину. Нас это вроде бы не касалось. Но уже через несколько месяцев они почти все разъехались, и тогда сразу стало понятно, что не может быть такого большого числа учеников в ешиве. И произошло то, чего мы опасались все годы, — власти заинтересовались ешивой. В ешиву стало ходить опасно, и занятия в ней отменили.

Νομάρι οὐ ἵταί τεσσέ ἀρεάι ὀαάα Ἐβραάε. Ναί ἀδεάτ Ἄ, Ὀσάαεῖνῶαί. 1953 ἄἄ

Меня переправили в Ташкент, где я прожил еще два года. Вновь меня передавали из семьи в семью, и вновь ни у кого не возникало вопросов. А ведь это была не просто обуза — еще один рот, вдобавок к собственным детям, — но смертельная опасность. Однако хабадники помогали всем евреям, не считаясь ни с чем.

Когда отец вернулся из лагеря, он очень быстро открыл артель и начал зарабатывать. Я помогал ему чем мог. И вот как-то раз, когда я был в цехе, приехали эмгэбэшники и стали расспрашивать про отца. Они прошли в комнату конторы, размещавшуюся на втором этаже, и спокойно так сидели, говорили. А я будто невзначай подошел к окну и украдкой посмотрел вниз. Сердце у меня так и замерло: машина, на которой они приехали, стояла возле дома. Это был страшный знак. В те годы, если подобная машина не уезжала, это означало только одно: кого-то пришли арестовывать.

Но отца, на счастье, не было, он поехал в главную контору. Поскольку меня эмгэбэшникам никто не представлял, я выскользнул за дверь, поймал какую-то машину и помчался в контору. Отец тут же скрылся у знакомых, живших в другом конце города. Он задействовал все свои связи, выправил паспорт и тайком уехал в Ригу. Я и брат переехали к нему через полгода.

В Риге мы оказались за три недели до Песаха. Вино кошерное мы привезли с собой из Ташкента, оставалось достать мацу. С этой целью отец направил меня в еврейскую общину маленького города Резекне, в которой тогда пекли мацу. Городок этот располагался на другом конце Латвии, и добираться до него надо было ночью на поезде «Рига—Москва». Обратный поезд тоже проходил Резекне ночью. Я останавливаюсь на этой, казалось бы, незначительной подробности, поскольку она сыграла в моей жизни очень большую роль.

Я приехал, нашел место, где делали мацу. Это был не цех при синагоге или пекарня, переоборудованная для производства мацы, а просто частный дом с большой печью. Раввин городка получил от властей разрешение испечь в ней мацу для своей общины. Латвия совсем недавно оказалась в составе СССР, и поэтому власти были относительно либеральны к местному еврейскому населению и к его религиозным обычаям. Но разрешение это касалось только местных жителей.

Я все это быстро разузнал и решил, что ничего страшного не произойдет, если я потихоньку испеку, вместе с другими, мацу и для себя. Подумаешь, решил я, одним евреем больше, одним меньше. Кто заметит? Тем более что собирался я печь не тонны мацы, а всего несколько десятков килограммов.

Но, понятное дело, я хотел печь мацу первым и тем самым избежать опасений, что на инструментах или на поддонах печи может оказаться хамец[6]. Ведь у нас, любавичских, пасхальные правила очень жесткие. А уж в вопросе мацы тем более. Смесь воды с мукой через семнадцать минут превращается в хамец — и точка. Кроме того, я потребовал, чтобы в ходе изготовления муку в чан засыпал один человек, а заливал в него воду другой. То есть чтобы тот, кто засыпает муку, не имел дела с водой и тем самым вероятность того, что у него на руках или на одежде могли бы скопиться комки муки с водой, была сведена к минимуму.

Хозяин печи сказал мне: «Пожалуйста, если заплатишь, я готов поставить двух человек». Деньги отец мне дал, а я с детства был научен: когда речь идет об исполнении заповедей, ничего жалеть нельзя. Тем более денег. И уж, конечно, когда они есть. Ведь деньги — это всего лишь инструмент для исполнения заповедей, а не наоборот. Я, конечно, заплатил, хотя видел, что на хозяина печи это произвело сильное впечатление.

Дело было в воскресенье, и, поскольку на вечер кто-то уже эту печь арендовал, я остался еще на сутки. После каждой смены печь чистили, и я хотел испечь свою партию мацы первым после этой чистки. Таким образом, вероятность попадания в мацу хамца становилась еще меньше. Но и в этот день я зря времени не терял — купил на базаре теленка и договорился с тамошним шохетом. Он зарезал теленка и разделал его, так что у меня уже было и мясо на Песах.

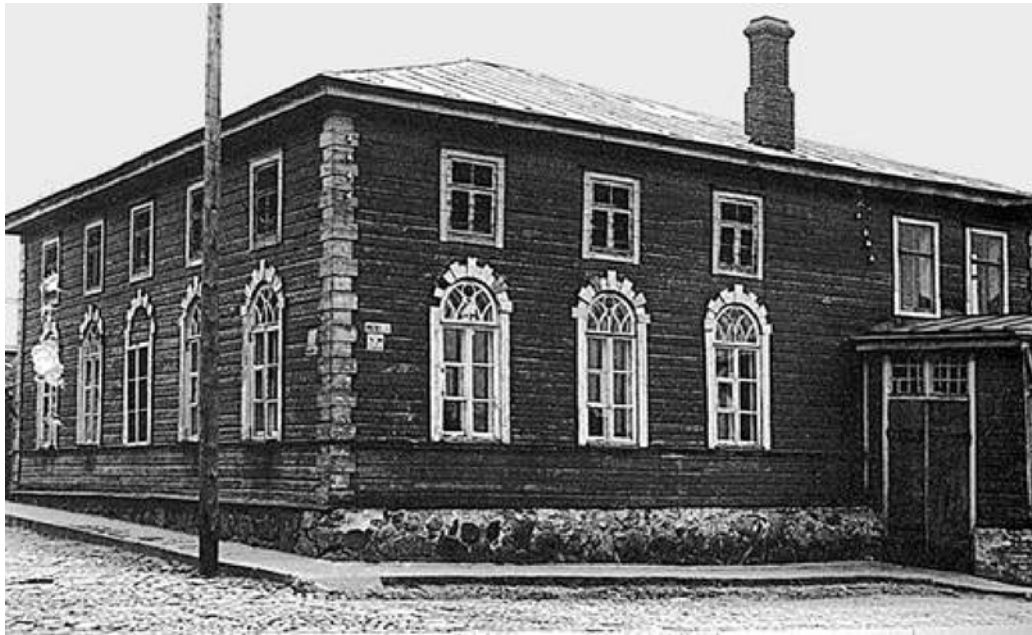
Наступил вечер, я быстро испек мацу — рабочие были опытные, дело спорилось. Да и сколько времени нужно на выпечку двадцати килограммов мацы?

Я заранее все приготовил: мясо сложил в чемодан, мацу — в ящик из-под папирос. Их тогда поставляли в магазины в больших фанерных ящиках, то есть хамца там быть не могло. Днем я купил такой ящик, выстелил его изнутри бумагой. Вся моя маца аккуратно поместилась в этот ящик.

Я погрузил его вместе с чемоданом на санки, запряженные лошастью, которую тоже нанял еще днем, и поехал на вокзал. Поезд «Москва—Рига» проходил через Резекне примерно в полночь, и у меня еще оставалась пара часов до его прибытия. Можно было бы спокойно дожидаться поезда в отапливаемом здании железнодорожного вокзала, но что-то меня тревожило, как-то было не по себе, хотя никто за мной не следил, городок был тихий, сонный, находился я в нем чуть больше суток и внимания не привлек. А через час-полтора тихо и спокойно уеду. Очень мне не хотелось крутиться на вокзале. Он там был маленький, каждый пассажир как на ладони.

И я решил, что на вокзал не сунусь, буду дожидаться поезда в санках. У меня был теплый тулуп, но мороз стоял такой, что все равно пробирал до костей. Так я и просидел в санках до самого прихода поезда. Но даже когда он остановился на платформе, я не сел в него, а дождался самой последней минуты. Хозяин санок затащил мои чемодан с ящиком в купе, а я заскочил в вагон только перед тем, как поезд тронулся. Замелькали за окном домики Резекне, я устроился на своем месте и подумал, что, наверное, перегнул палку, мог бы и не принимать таких мер предосторожности и не мерзнуть на улице. Все прошло тихо, без сучка и задоринки.

Через тридцать лет, когда я уже давным-давно жил в Израиле, на 19 кислева[7] приехал в Кфар-Хабат раввин из Тель-Авива. Это был известный и уважаемый в среде любавичских хасидов человек, хотя и не хабадник. Его хотели посадить на трибуну почетных гостей, установленную в центре синагоги. Он отказался и сел внизу, за один из общих столов. Мы с отцом случайно оказались рядом с ним. Ну, как это водится на фарбренгене, выпили по рюмочке, разговорились. И он, между прочим, упомянул, что был раввином в Резекне.

«Căeai ay nēl aāā» a Daqēl a Ēaō aēy. Ī ņō ōrā a a 1845 āāō

«О, как интересно! — воскликнул я. — Мне этот город знаком. Я там лет тридцать назад как-то раз пек мацу». Раввин аж подскочил: «Так это был ты?» — и рассказал, что после моего отъезда к нему в синагогу заявили эмгэбэшники: «Тут парень один любавичский крутился, где он?» Раввин объяснил, что — да, действительно, показался какой-то парень, но кто он, что он, откуда приехал и зачем — никому не известно. В синагоге он был всего несколько минут и тут же ушел.

Это была правда, хотя, понятно, не вся. Подробности про мацу эмгэбэшникам было знать не обязательно. Эмгэбэшники вряд ли ему поверили, и один из них даже воскликнул в сердцах: «Мы же его все время пасли! И как он сумел ускользнуть в последнюю минуту, когда его должны были взять с поличным!» Раввин повторил, что ничего не знает. Но эмгэбэшники на этом не успокоились и мучили его, вызывая на допросы, еще несколько месяцев, всё допытывались про меня.

«Но как они узнали, что я любавичский? — спросил я у раввина. — У меня же на лбу не было написано». «Ну, это уж совсем просто, — ответил мне раввин, — какой же молодой парень в те годы мог потребовать, чтобы один человек заливал воду в чан, а второй сыпал муку? Только любавичский и мог».

Когда мы с отцом услышали этот рассказ, у нас так задрожали руки, что водка расплескалась. Только в тот момент мы поняли, какой беды я чудом, просто чудом избежал. От какой опасности ускользнул, даже не поняв, что она надо мной нависла. Если бы меня тогда схватили на нелегальной выпечке мацы для евреев другого города, как это планировали эмгэбэшники, да еще и на доставке мяса, то светил мне срок, и немаленький! Причем упекли бы меня за решетку не за «еврейские дела», не за подготовку к Песаху, а просто за спекуляцию мясом. У меня ведь в чемодане было килограммов сорок этого мяса, что в те голодные годы было большим достоянием. Я, понятно, никогда бы не рассказал, что везу его для нашей подпольной любавичской общины. Я бы, с Б-жьей помощью, никого не выдал, все взял на себя и оказался бы в зоне на многие годы.

У меня никогда не возникало вопросов: если надо что-то сделать для людей, для общины, кому-то помочь — значит, надо. Меня же спасали в годы войны, не считаясь ни с чем, и тем самым преподали урок на всю оставшуюся жизнь. Да и вся жизнь моего отца тоже была посвящена помощи евреям. Наш дом в Риге был центром небольшой хабадской общины, у нас проводили фарбрэнгены, отец мой «держал» подпольную кассу цдаки^[8] и с ее помощью помогал людям.

Мой отец вместе с братом уехали в Польшу в конце пятьдесят девятого года. Брат фиктивно женился на польской гражданке и, когда уезжал, имел право взять с собой родителей. Понятно, что никто из нас в эту Польшу, превратившуюся в годы второй мировой войны в братскую могилу миллионов евреев, не рвался. Нашей истинной целью был Израиль, точнее, Кфар-Хабат. Но об этом мы, естественно, не распространялись. И думали, что все шито-крыто, КГБ ничего не знает. Какими же мы были наивными людьми!

Да, мы знали, что за нами присматривают, что КГБ интересуется религиозными евреями и в особенности хабадниками, которых «органы» ненавидели лютой ненавистью. Ведь мы были единственными, кто так и не сломался, не принял большевистскую антирелигиозную идеологию и не поклонялся их вождям и идолам. Любавичские хасиды через все страдания пронесли любовь к Торе, заповедям, преданность нашим святым Ребе. Что и делало нас заклятыми врагами советской власти.

Так вот, лишь спустя много лет выяснилось, что фиктивность браков евреев с польскими гражданами вовсе не ускользнула от недреманного ока КГБ. В его недрах было заведено целое дело, и там разбирали, каким образом хабадники используют эти браки для выезда не в братскую социалистическую Польшу, а в Израиль. И, выяснив, что и как, быстро положили этому конец. Но отцу с братом удалось проскочить до этого, и они благополучно через Польшу добрались до Израиля. Я выждал пять лет и подал документы на воссоединение семьи. И в шестьдесят пятом году получил разрешение.

Deveiy netaim «I asoas oie» (de. I asoas 6/9). I nio drata a 1905 anu, aseno at asoa a m aso neta adai y. A anu at ei u, a fo ee-ea fo adueo deveieo netaim fa au ea m asat a fao eno ai e, o ae eae fao taeeanu a o anu te cano drata Noadr an draa

Наша община решила, что я передам Ребе подарок от ее имени. Купили серебряный бехер — кубок — и блюдо под него, выгравировали на них по-еврейски: «Ребе от хабадников Риги» и все фамилии. Я им говорю: как же я это вывезу? Что я отвечу, если меня на таможне спросят об этих фамилиях? Это же не бокальчик для вина получится, а готовый донос. И выйдет, что именно я сдам всех в органы: вот он, список, и не на бумаге, а на серебре выгравированный. В воде не утонет и в огне не сгорит. Готовый список, никого искать не надо и ничего доказывать.

Но один наш хасид, реб Исроэл Певзнер, начал меня уговаривать. Сел он со мной, и мы устроили наш маленький фарбренген — сказали диврей Тора[9], выпили водки, и он мне говорит: «Вези этот бехер с блюдцем и ничего не бойся. И тебя не арестуют, и ты никого не заложишь. Это — на мне, я отвечаю, что все будет хорошо».

Я очень серьезно отнесся к этим его словам, потому что за несколько лет до того у нас в Риге произошла подобная история. Тогда получила разрешение на выезд и уезжала одна женщина, которую наши хабадники попросили взять с собой и потом передать Ребе «Танью»[10], принадлежавшую его отцу. Но эта книга была издания прошлого века, а вывоз такой букинистической литературы из СССР был запрещен. Женщина тогда тоже боялась и отказывалась, пока с ней не встретился тот же Певзнер и не сказал ей: «Не бойся, я это беру на себя. Все будет хорошо». И какое-то затмение, что ли, нашло тогда на таможенников — она эту книгу провезла без проблем, никто на нее и внимания не обратил.

Ну, раз такая просьба, да еще и обещание от такого человека, я решился. И составил план: попробую сдать бокал с блюдечком в багаж, засунув между вещей. А если не проскочит, то возьму в ручную кладь. Пришел на таможню и положил этот бокал вместе со всеми своими подарками на свадьбу. А там были еще серебряные вещи — сахарница, солонка, уж не помню точно. И на нескольких тоже были надписи — от тети Фиры, от дяди Залмана. Я и подумал: так будет еще бокальчик от нескольких родственников.

Я даже подготовился дать ответ таможенникам, что это за список имен на бокале выгравирован. Мол, серебряный бокал с блюдцем — вещь дорогая, а родственники у меня — люди бедные. Вот они и сбросились все на один общий подарок. А чтобы я всех не забыл, указали свои имена.

Но до этого дело даже не дошло. Получилось все точно так, как и пообещал мне Певзнер. Таможенник взял сверток с серебряными вещами, повертел его в руках и спросил: «Что это?» Я на голубом глазу отвечаю: «Свадебные подарки». Он и смотреть не стал, даже не развернув сверток, бросил его в чемодан. Но чтобы у меня не возникло никаких сомнений в том, что произошло чудо, когда тот же самый таможенник добрался до совершенно безобидных серебряных вилок и ложек, то перебрал все до одной и каждую внимательно рассмотрел.

Я привел все эти примеры, чтобы проиллюстрировать ими принцип, в реальности которого мы неоднократно убеждались в СССР. Когда мы соблюдали заповеди, учили Тору, помогали евреям или стремились поддержать связь с Ребе, Всевышний нам помогал. И хотя говорят про эстер паним, то есть сокрытие Б-жественного присутствия в материальном мире, мы неоднократно и на личном опыте убеждались в прямом Его вмешательстве в этот мир, в Его непосредственной помощи нам. Не все нам дано понять, были страшные жертвы. Но были и многочисленные чудеса...

После учебы в самаркандской ешиве я уже не занимался регулярно, я полностью посвятил себя помощи евреям. Конечно, не хочу, чтобы возникло впечатление, будто это делал только я. Все делали. Вопросы оказания помощи ближним были основной темой разговоров на фарбрэнгенах нашей любавичской группы. Фарбрэнген — это наше тайное оружие! Конечно, были среди нас люди, знавшие Гемару, хасидут. И, понятное дело, на каждом фарбрэнгене они говорили диврей Тора. Но мой отец вместе со своим ближайшим окружением всегда обсуждал на фарбрэнгенах, как и кому помочь. Конечно, не при всех. Фарбрэнген шел своим чередом, а отец с друзьями потихоньку выходили в другую комнату и совещались. Или же говорили так, что их не было слышно. Или так, чтобы их никто не мог понять. Именно на фарбрэнгенах у них появлялись идеи, как выйти из запутанной ситуации, как сделать так, чтобы и человеку помочь, и не обидеть его ненароком. Да и вреда не причинить. Все ведь было под колпаком у КГБ, за всеми постоянно следили. Поэтому тот, кто получал помощь от любавичских хасидов, так ненавидимых советской властью, в результате мог оказаться в большой беде.

В общем, это была весьма деликатная деятельность: порой надо было пройти по лезвию бритвы. Оступишься — не просто поранишься до крови, погибнуть можешь. И не только ты, но и твоя семья, твое окружение. Отец с друзьями ходили по этому лезвию многие годы. И так умудрялись все делать, что никогда никого не подставили, ни на кого беду не навлекли, а реальную помощь людям таки оказывали. И никогда им даже в голову не приходило, что можно отойти в сторону, прекратить эту помощь и спокойно жить в свое удовольствие. Если рядом еврею плохо, если еврею трудно, а ты в состоянии помочь, разве можно сидеть сложа руки?

Я вспоминаю свою жизнь в Риге с ностальгией. Тогда, в Риге, мы были один за всех и все за одного. И скучаю я по тому братству, которое у нас было в Союзе, когда, приехав в любую любавичскую семью, в какой бы точке той огромной страны она ни жила, ты чувствовал себя как в своей собственной. Я тоскую по той воистину «беспричинной любви», которую мы испытывали друг к другу, по взаимовыручке, по чувству локтя, по единству. Я тоскую по тому сладкому чувству гордости за себя, за наш народ, за нашего Ребе.

[1]. Шестой Любавичский Ребе, р. Йосеф-Ицхак Шнеерсон (1880, Любавичи, — 1950, Нью-Йорк).

[2]. Освящение праздника, обычно совершаемое над бокалом вина.

[3]. Ритуальное омовение рук, совершаемое перед трапезой с хлебом.

[4]. Пятикнижие.

[5]. Талмуд.

[6]. Квасное.

- [7]. *Годовщина освобождения из тюрьмы первого Любавичского Ребе, р. Шнеура-Залмана.*
- [8]. *Благотворительности.*
- [9]. *«Слова Торы».*
- [10]. *Основополагающий труд по хасидизму, написанный ребе Шнеуром-Залманом из Ляд.*

литургике Средних веков и раннего Нового времени. Во времена Николая I это понятие реанимировали евреи Российской империи. И в этом нельзя не увидеть подтверждение тезиса американского еврейского историка Йосефа-Хаима Йерушалми о сопротивлении еврейской исторической памяти народа каким-либо новациям и стремлении подогнать каждую новую происходящую трагедию под схему давно ушедших эпох, ибо «все это одно и то же»^[4].

Царствование Николая I, как замечает еврейский мемуарист А. С. Кацнельсон, «оставило о себе глубокий и печальный след в жизни русского еврейства»^[5]. И действительно, из более чем 600 дискриминационных по отношению к евреям законодательных актов, изданных с 1649 по 1881 год, не менее половины появилось в годы николаевского царствования.

Одним из самых драматических моментов стало введение для евреев рекрутской повинности в 1827 году^[6]. На еврейские общины была возложена самая тяжкая в государстве повинность, а взамен они не получили никаких прав или привилегий.

Уже в самом начале николаевского царствования один из чинов тайной полиции империи — Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии — составил анонимную записку о небывалых миссионерских возможностях, открывающихся благодаря армейской жизни и военной дисциплине, и рекомендовал призывать на военную службу только молодых евреев, менее приверженных своей вере, чем взрослые соплеменники, причем квоту набора предлагал для малолетних евреев увеличить вдвое^[7].

Эта весть быстро распространилась среди евреев и вызвала среди них сильнейшее беспокойство. Армия должна была лишить еврея его собственной веры, привычного окружения, общинной среды и поместить его в другой мир — неведомый и пугающий. Рекрутчина вместо «денежной» повинности, позволявшей общинам вносить по 500 рублей за рекрута, вводила обязательную натуральную повинность. Евреи, принадлежавшие к свободным податным сословиям империи, оказались в том же ранге, что крепостные крестьяне.

Указ 1827 года разрешал забирать евреев в рекруты с 12 лет и направлять их в школы кантонистов. А так как подавляющее большинство еврейских детей не имело документов, удостоверявших год их рождения, то в кантонисты нередко забирали детей 8–9 лет.

Сами кантонистские школы для солдатских детей существовали со времен Петра I. Эти школы и были использованы, когда в армию начали забирать еврейских мальчиков. С 1830-х годов в них стали отправлять и детей участников Польского восстания. Но термин «кантонисты» прочно закрепился именно за еврейским контингентом.

Николай I был убежден в том, что в его империи без участия армии не может быть решена ни одна серьезная проблема, в том числе и так называемый «еврейский вопрос». Любопытен текст особой воинской присяги, специально составленный для евреев-новобранцев, которую должны были давать при наступлении совершеннолетия:

Именем Ад-ная живаго, Всемогущаго и вечнаго Б-га Израиля, клянусь, что желаю и буду служить Русскому царю и Российскому Государству, куда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением военному Начальству, так же верно, как был бы обязан служить для защиты законов земли Израильской. <...> Но если, по слабости своей, или по чьему внушению, нарушу даваемую мной на верность военной службы присягу: то да падет проклятие вечное на мою душу и да постигнет вместе со мною все мое семейство. Аминь^[8].

Эта присяга должна была произноситься на древнееврейском языке, однако ее произносили в переводе на идиш, а русским чиновникам предоставлялась кириллическая транслитерация обоих вариантов. Клятва давалась перед раввинским судом в присутствии свидетелей из еврейской общины и местной администрации. Рекрут должен был стоять перед ковчегом Завета, одетый в молитвенное покрывало, и произносить клятву на развернутом свитке Торы. После этой церемонии полагалось несколько раз протрубить в шофар.

Согласно общевоинскому уставу, во время прохождения военной службы евреям предоставлялась абсолютная свобода вероисповедания. Им разрешалось проводить собственные службы и молиться в полевых синагогах. Раввины должны были назначаться на должности капелланов, их содержание

брало на себя правительство. Офицерам было предписано следить за тем, чтобы их подопечные-евреи не подвергались оскорблениям и насмешкам из-за соблюдения своих обрядов^[9].

На самом же деле военное законодательство в отношении свободы вероисповедания еврейских солдат нарушалось самым вопиющим образом. Уже в первые годы после введения новой рекрутской системы миссионерские замыслы правительства дали о себе знать и в скрытых, и в явных формах. В июле 1829 года Николай I приказал командирам отделить тех рекрутов-евреев, которые пожелают перейти в православную веру, от тех, кто остался верен иудаизму^[10]. В то же время был разослан секретный циркуляр, разрешающий полковым священникам идти в обход обычной процедуры и крестить евреев без предварительного разрешения вышестоящих церковных иерархов^[11].

Царь потребовал, чтобы ему предоставлялся ежемесячный доклад о количестве крещеных евреев в армии. На основании полученных сведений он лично оценивал результаты. В апреле 1843 года на представленном ему докладе начертал: «очень мало»; в июне — «весьма неуспешно». В июле, узнав, что было крещено лишь двадцать пять евреев, он сообщил обер-прокурору Синода, что он «недоволен малым успехом обращения в православие» евреев-кантонистов и солдат, и потребовал, чтобы на этот факт было обращено внимание ответственных духовных лиц^[12]. В то же время военный министр представил обер-прокурору записку о том, что, согласно воле императора, число священнослужителей в батальонах кантонистов должно быть увеличено, а все полковые священники должны получить подробные наставления по обращению евреев в христианство^[13]. Предписывалось также расквартировывать рекрутов-евреев лишь в христианских домах и запрещать им иметь какие-либо контакты с местным еврейским населением^[14].

Активизировать миссионерскую деятельность было поручено главному священнику армии и флота Василию Кутневичу, который в октябре 1843 года подготовил инструкции на сей счет. Священнослужителям предлагалось к каждому еврейцу искать индивидуальный подход, дабы наикратчайшим путем привести его к крестильной купели. В любом случае, заключал Кутневич, обращение в христианскую веру должно проводиться с должным уважением и благородством, без применения силы^[15]. Эта последняя рекомендация почти не применялась на практике. Более того, по мере того, как личная заинтересованность императора в успехе крещения евреев становилась все более очевидной, насилие становилось все более распространенным явлением в повседневной армейской жизни.

Опираясь на мемуарную литературу, можно обобщить основные методы убеждения евреев в превосходстве христианской веры. Следуя указаниям Кутневича, полковые священники проводили частные беседы с каждым рекрутом-евреем, читали ему специальную миссионерскую литературу, представленную Святейшим Синодом. Военные священники частенько жаловались на то, что евреи лучше них разбираются в Священном Писании^[16].

С первых часов пребывания в своих казармах солдаты-евреи, особенно кантонисты, подвергались постоянному давлению с целью обращения. В нарушение устава все ритуальные предметы — тфилин, молитвенники и молитвенные покрывала — у них отбирались. Им запрещалось говорить на родном языке. Каждый представитель властей, с которым им доводилось сталкиваться, при малейшей возможности упоминал о крещении. Даже наказания предварялись обещанием помилования, если евреи согласятся креститься. Запрещались встречи с родственниками и с другими евреями на территории воинских частей. Писать письма родным дозволялось только на русском, зачастую отказывали в получении писем из дома, написанных на еврейском языке. Еврейские молитвенные собрания были разрешены только взрослым солдатам. Кантонистам же было запрещено как проводить собственные службы, так и молиться вместе со старшими соплеменниками^[17].

В 1860-х годах, во времена либеральных реформ Александра II, у крещеных солдат еврейского происхождения появилась возможность через суд вернуться в иудаизм. В письменных свидетельствах, данных под присягой, они сообщали о различных издевательствах и пытках, которые им пришлось перенести. Так, Евсей Гройкоп вспоминал, что согласился креститься лишь после того, как его избили, а потом заставили ходить босиком по раскаленным углям. Лазаря Голина офицеры избивали, а потом отказывали ему в медицинской помощи до тех пор, пока он не согласился креститься^[18].

Поскольку процент несовершеннолетних от общего числа рекрутов был достаточно высок, а родители ни за что не желали отдавать своих детей в команды кантонистов, руководству кагалов приходилось нанимать специальных людей, чтобы разыскивать и красть подходящих кандидатов в рекруты. Такие группы получили название хаперов (от идишского глагола «хапн» — «хватать», «ловить»). Они вскоре стали обычным явлением на территории почти всей черты оседлости. Их презирали и ненавидели. В обязанности хаперов входил розыск беглых солдат и похищение маленьких детей. Эта «работа» приносила

немалый доход: помимо вознаграждений от правительства и жалования от кагала, хаперы часто освобождали «пойманников», то есть украденных детей, за выкуп и заменяли их новыми.

Пожалуй, самое проницательное описание состояния шока, в котором пребывали евреи в результате тех событий, можно найти у еврейского писателя Буки бен-Иогли (Йеуды-Лейба Каценельсона) об отношении его бабушки к хаперам. Поначалу та думала, что хаперы — это подлинные филистимляне или амалекитяне; однако вскоре она сказала своему внуку:

Нет, дитя мое, к нашему несчастью, все хаперы были евреями, с бородами и пейсами. И в этом наша главная беда. Мы, евреи, привыкли к нападкам, наветам и безбожным указам неевреев — все это длится с незапамятных времен, и такова наша участь в Изгнании. В прежние времена были христиане, которые держали в одной руке крест, а в другой нож и говорили: «Еврей, поцелуй крест или умри», и евреи предпочитали смерть отступничеству. А теперь приходят евреи, соблюдающие евреи, которые крадут детей и посылают их в армию, чтобы они сделались отступниками. Такого наказания не было даже в Торе, в списке самых ужасных проклятий. Евреи проливают кровь своих собратьев, а Всевышний молчит, и молчат раввины...^[19]

Αόρατος Έπίτομος

Обратимся к известному описанию кантонистов-евреев в «Былом и думках». На пути в ссылку, около Вятки, А. И. Герцен встретил группу детей, которых везли в Казань. Он спросил у конвойного, кто эти дети и куда их везут. Между ними случился следующий разговор:

*...Έ ίά η δασεάεοά, είαι ηδασά ίαδηάαοη; ίά άά ίδρ οί γαρò ίαδσεά ίαοά άαίτ
επί ίείγούη ίδεεαί εγ, ίά ί η ά ίοάοά; ά ίτ-αείάα-αίεη ό ίαδαίεαί.*

— Άά ά-αι άαίτ-οί?

*— Άεεοά ίαδαεε ίδαο ίδρεγγούο αεάίγò η άηηη ε-άαγδεεάο ίαη άίρδαηά Αί
οείτο, +οί εε, ίααεδαρò — ίά γαρ. Νία:άεά άηείτ εο άεεεε άαοού ά Ιάη η άά άησεά ίάδαι άίά, άίεί
ά Εααί η Β εο ίδείγέ άαηηο γη ηοί; ίοεοάδ, +οί ηάααε, άάίδεε: «Αάη άά ε οίεηεί, οδίο η ηηοάεαηη ίά
άηδία» (ε ίοεοάδ ίτεααε ίαεηηαι ά γαι εβ). Ι ίεηάε ίά άεεάο άη ίααίά-αίεγ, — ί δεάαεε ίί.*

— Ι ίαεηη ηά άίεαίε, +οί εε? — ηηδηεε γ, ί ίοδγηηί ί ηε άη άί οδδαί ί ηηε.

*— Ιάο, ίά οί, +οίά ί ίαεηη ηά ά οαε, ί δσο, εαε ί οε; αεάαί ίε, γααοά ηαείε +αεηε,
οηάαοί ηε, ηεηάη έίσεά ίαηάαί ίαγ, ίά ί δεαίε +αηά άαγούη ί αηεοη άγγυ άά αηοη ηοαδε — ί ηγούη
+αεεά εβαε, ίε ίοοά, ίε ίαοάδε, ίε άαείάηοά; ίά ίτεαοεγγαο, ίτεαοεγγαο άά ε ά Ι ίαεεά Ε
ηεαεεοά ηάεεοά ί εείηοη +οί γοί εη άαείηη +οί ί ίαεί η δασγδεσεάι ε άαεαοη?*

Еврейские общины вскоре оказались не в состоянии давать требуемое количество рекрутов и за ними закрепилась большая недоимка. В 1850 году вышел указ брать за недоимку малолетних без зачета. Еврейских детей стали забирать в армию в массовом порядке. Автор получивший широкую известность мемуаров еврейский просветитель Ехезкел Котик вспоминал:

Перед службой матери всячески убеждали своих детей, чтобы те не крестились, и давали с собой каждому кантонисту пару маленьких тфилин. В сердце у каждого из них оставался маленький наказ вместе с материнскими слезами, и они ни в коем случае не хотели изменять еврейской вере ^[21].

В народной памяти сохранился ряд историй, которые не подлежат проверке имеющимися в распоряжении исследователей документами. Тем не менее их фиксация исторической памятью весьма показательна. В одном предании рассказывается, как однажды на Волге, около Казани, собрались в один день окрестить несколько сот еврейских кантонистов. Местное начальство и духовенство в полном облачении расположилось на берегу реки. Стройными рядами стояли дети. Наконец, подъехал сам царь Николай I и приказал детям войти в воду. «Слушаем, Выше Императорское Величество!» — воскликнули все они и дружно прыгнули в реку. Но ни один из них не вынырнул на поверхность. Все дети добровольно утопились. Вместо крещения они заранее договорились покончить с жизнью, умереть ради своей веры. Они совершили мученичество за веру, то, что в еврейской традиции именуется «кидуш а-Шем», «освящение Б-жьего имени» ^[22].

Е. Котик писал:

Мне рассказывал крещеный кантонист, как в Саратове обратили в христианство за один раз шестерых кантонистов из тридцати. Это случилось так: после того как никакая порка не помогла, полковнику пришла в голову новая идея, как заставить кантонистов креститься: отвели тридцать кантонистов в баню и начали поддавать все больше и больше пар, пока не стало совсем невыносимо. Шестеро не выдержали и крестились, остальные сомлели. Когда попытались привести их в чувство, трое оказались мертвыми. Мой кантонист очень сердился на Б-га. По его мнению, не может быть никакого Б-га, если Он способен видеть такие страдания и боль. А если Он все-таки есть, то это бог зла... ^[23]

Насильственные методы крещения привели к желаемому результату. С 1845 по 1855 год крещение солдат-евреев и кантонистов стало настолько распространенным явлением, что на них не хватало купелей и крестных. Саратовский батальон кантонистов удостоился особой похвалы государя за массовое крещение евреев: в 1845 году на докладе, сообщавшем о крещении 130 евреев в этом батальоне, Николай I начертал «Слава Богу!». В 1853 году местный архиепископ сообщил: «Была Божья Воля, дабы 134 еврей-кантониста приняли православие в Троицу, и в этот день Христианская Церковь с немалым усердием крестила всех их в Волге» ^[24]. В 1854 году в Волге были крещены 223 еврейских мальчика ^[25].

Как отмечает американский историк М. Станиславский: «Согласно опубликованным данным о наборе рекрутов на всей территории империи, примерно 70 тысяч евреев призвано в России с 1827 по 1854 год и примерно 50 тысяч из них были несовершеннолетними» ^[26]. При крещении обычно давали имена крестных отцов, часто и их фамилии. В результате Есель Левиков становился Василием Федоровым, Мовша Пейсахович — Григорием Павловым, Израиль Петровицкий — Николаем Ивановым и т. д. При просмотре этих перечней, констатировал русско-еврейский историк С. Гинзбург, «невольно является мысль: сколько еврейской крови влило было в русский народ и как много среди нынешних Ивановых, Петровых, Степановых <...> имеется потомков еврейских детей, которые когда-то были насильственно крещены!» ^[27]

Естественная уверенность благочестивых евреев в том, что августовский указ 1827 года является Б-жьей карой, подкреплялась совпадением обнародования указа с началом чтения покаянных молитв сличот, которое практикуется в месяце элул, перед наступлением осенних праздников. И днем и ночью синагоги были полны молящимися, увеличились пожертвования на благотворительность. Надеялись, что, согласно талмудическому рецепту, «покаяние, молитва и благотворительность отменяет суровый приговор». В то время как руководители общин созывали собрания, чтобы обсудить кризисную ситуацию, сотни людей стекались на кладбища, чтобы попросить души умерших о заступничестве. В одном городке народный проповедник на глазах у притихшей толпы вложил в руки покойника письмо к Всевышнему в надежде на то, что это убедит Его заставить царя передумать ^[28].

Другой реакцией на рекрутскую угрозу стало укрепление веры. В период правления Николая I число учащихся традиционных еврейских школ и академий — хедеров и ешив — значительно возросло.

Религиозное образование должно было помочь детям противостоять крещению — в случае попадания в рекруты; родители также рассчитывали на то, что руководители кагала не будут записывать в рекруты юношей, прилежно изучающих Талмуд^[29].

Еще одним вариантом реакции был бунт: дабы привлечь внимание общины к недопустимому поведению ее руководства и публично предъявить обвинения, евреи срывали службу в синагоге. Одно из описаний подобной попытки протеста — и ее тщетности — представляет особый интерес, поскольку перефразирует один из центральных мотивов еврейского фольклора. В Минске одна бедная вдова, чей сын был похищен хаперами, буквально ворвалась в синагогу и закричала, что не позволит начать богослужение, пока не будут приняты меры к спасению ее сына. Осознав, что ей никто из кагалных заправил не поможет, вдова подбежала к ковчегу и воскликнула:

Владыка мира! Ты гордишься праотцем Авраамом, который согласился принести в жертву своего Исаака. Прикажи мне резать моего единственного сына — и я это исполню. Но Ты едва ли мог бы добиться согласия Авраама на отдачу его сына для крещения!^[30]

Известны и более радикальные формы сопротивления. Одной из распространенных форм уклонения было членовредительство. Малолетним детям, которым была уготована рекрутская доля, странствующие «лекари» отрезали указательные пальцы^[31]. Побег, укрывательства и даже «буйства» — неперенные признаки «эпохи гзейрос».

Èèèý ááá Áááèàì èí Øèè

Какова же была реакция самих раввинов? Молчали ли они, как о том уже писал Буки бен-Иогли? М. Станиславский так отвечает на этот вопрос: «Можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство раввинов воздерживались от публичных высказываний или действий, которые свидетельствовали бы об их несогласии с государственной политикой»^[32]. И это, прежде всего, касалось указа о рекрутской повинности и его исполнения. Известен лишь один случай отказа раввина от должности в качестве протеста против несправедливого отбора рекрутов. Это был рабби Менаше Илиер, который, как писал его внук, в 1828 году отказался от раввинской кафедры в Сморгони, когда местный кагал потребовал его согласия на деятельность хаперов^[33]. Известны имена нескольких раввинов, заявивших о своем несогласии с политикой властей. Среди них были Яаков Берлин, отец Нафтали-Цви Берлина, будущего главы самого значительного иудейского высшего учебного заведения в Российской империи — Воложинской ешивы, и Израэль Салантер (1810–1833) — будущий основатель нового религиозного движения Мусар, а также проповедник Илия бен Вениамин Шик (1809–1876):

Áíððàðèàðèèíí íáí áæáú á Áðíáíí ñ íáíèì èç áíá-áé è áæáíúð ðèíáíáèðáæé áðíáá Áíèèèáííèá, ááá íðááááèè ðáèððíá íá ðíèèèí çá í-áááííé, íí è çá ñæáððúèè áíáú, íí èáðááíðè-áíèè ííðááííáèè íð íáá, ÷ðíáú çèíííððááéáíèý è èíáèý ááçáúèðíúð ááðáé áúèè íáí áæáííí íðáèðáúáíú. Á íðááð íá íðèáç çòíáá í-áíú áíáðíáá è áèèýðáèííáá ÷áèíáèá, ðáááèí ááííðèè ááá áááí ý çáííèè è ííúá-èíáí è. Çáíðááèèá, ííèúðýííííáíè è ñáýçíí è, áíáé ááèí áí íáááíèý áááðí áðíðá,

- [1]. Петровский-Штерн Й. Евреи и армия: социально-культурные аспекты // История еврейского народа в России. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917 / Под ред. И. Лурье. Иерусалим—М.: Гешарим; Мосты культуры, 2012. С. 66–85.
- [2]. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии, 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 15.
- [3]. Гинзбург Ш. Идише лейден ин царишин Руссланд (кантонистн, билбулим, гзейрос) // Он же. Хисторише верк. В 3-х тт. Нью-Йорк, 1934-1937. Т. 3.
- [4]. Йерушалми Й.-Х. Захор. Еврейская история и еврейская память. Иерусалим—М., 2004.
- [5]. Кацнельсон А. Рассказ моей бабушки (Из эпохи императора Николая I) // Еврейская старина. 1910. Вып. 4. С. 607.
- [6]. Устав Рекрутской повинности и военной службы для евреев // Полное собрание законов (ПСЗ). Собр. II. Т. 2. № 1329–1334; Леванда В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся Евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649–1873 гг. СПб., 1874. № 193–200.
- [7]. Гинзбург Ш. Хисторише верк. Т. 2. С. 67.
- [8]. Устав Рекрутской повинности и военной службы для евреев. Дополнительные указания. Ч. 2. С. 19–42.
- [9]. Там же. Дополнительные указания для военных чиновников. № 91–95.
- [10]. ПСЗ. Т. 4. № 3052; Леванда В. О. № 193.
- [11]. Гинзбург Ш. Т. 3. С. 62.
- [12]. Там же. С. 68–69.
- [13]. Там же. С. 65–66.
- [14]. Дополнительные указания для военных чиновников. № 1–14.
- [15]. Гинзбург Ш. Т. 3. С. 357–369.
- [16]. Там же. С. 89.
- [17]. Меримзон М. Рассказ старого солдата // Еврейская старина. Вып. 5. 1912; Вып. 5. 1913; Ицкович И. Воспоминания архангельского кантониста // Еврейская старина. 1912. Т. 5.
- [18]. Гинзбург Ш. С. 95–99.
- [19]. См. воспоминания Кацнельсона на иврите: *Ма ше-рау эйнай ве-шаму ознай* (Что видели мои глаза и слышали мои уши). Иерусалим, 1947. С. 14. См. также о хаперах в воспоминаниях Савелия Эфрона: *Лехаим*. 2011. № 6.
- [20]. Герцен А. И. Былое и думы // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 1975. С. 225.
- [21]. Котик Е. Мои воспоминания. СПб.—М.—Иерусалим, 2009. С. 132.
- [22]. См.: Флисфиш Э. Кантонисты. Тель-Авив, б. г. С. 233–234.

- [23]. Котик Е. С. 136.
- [24]. Гинзбург Ш. С. 68.
- [25]. Там же. С. 69.
- [26]. Stanislawski M. *Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 25.* Подсчеты отражены в прим. 52 на с. 194, а также см. прим. 19 на с. 193.
- [27]. Гинзбург С. Мученики-дети // *Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. Сборник трудов еврейских историков. М.–Иерусалим, 1995. С. 425.*
- [28]. Готлобер А. *Зихронот у-масаот (Воспоминания и странствия). Иерусалим, 1976. С. 157–159.*
- [29]. Stanislawski M. P. 32.
- [30]. Цит. по: Пинес Д. *Борьба с хаперами // Еврейская старина. 1915. Т. 8. С. 398.*
- [31]. *О евреях, отрезающих себе пальцы во избежание военной службы. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Д. 335. Л. 1–7.*
- [32]. Stanislawski M. P. 136.
- [33]. *Ibid.*
- [34]. Пинес Д. С. 386.
- [35]. Цит. по: Stanislawski M. P. 121.
- [36]. ПСЗ. Т. XXXI. № 30888; Леванда В. О. № 771.
- [37]. *Еврейская старина. 1912. Т. 5. С. 54–65.*

«ПУТИН ЛЮБИТ ВСЕХ!»

Αἰδοῦν ἕξει

Υοῖ τὰ ἰδιῶτι ἰαεὶ ἐς εἰρημῶν ἢ ἐφόδοι ἀποστάσει τὰ μῆτε ἀέθου ποιοῦσιν ἐπὶ ἰσχυροῦ τὰ ἀναίδου ἐπιπέδου. Ἐἰ αἰεὶ τὰ ἰαὶ ἐ ποδοῦσιν ἐπὶ ἰαίε. Ἰὰν ἰοδῶ τὰ ἀναίεφ ὁδοὶ εἰρεῖαφ, Ἀεαεὶ ἐδ Ἰοεὶ ποδοὶ ἐεῖφ ἀεααοῦ, ὅτ «ἐπαεὸ ἀνα». Ἰἰ ἐδαεῖαε ἰαδὶ σαῖδεοῖφ.

Это видно было даже по списку доверенных лиц, где оказались очень разные люди. Но они и должны были продемонстрировать, что претендент думает обо всех. Для интернет-публики — Эдуард Багиров, называющий себя писателем, для интеллигенции — музыкант Юрий Башмет, кардио-хирург Лео Бокерия, целое «созвездие» актеров и режиссеров во главе с начштаба кандидата Станиславом Говорухиным, академик Евгений Велихов, для простецов — футболисты, и пенсионеры там есть, и военные. Трудно сказать, кого там нет. Заботой Владимир Путин стремился окружить все сословия, социальные и национальные группы. Вот православные получили вожденное решение о повсеместном введении в школах «Основ духовно-нравственной культуры», хотя эксперимент показал, что 65% родителей выбирают «Основы светской этики» и «Историю мировых религий», а вовсе не «основы православной культуры». Да и, по данным недавнего опроса «Левада-центра», Великий пост среди православного населения держать планирует лишь 1% граждан. Но и противников наступающего клерикализма Путин не забыл, вот вам доверенное лицо кандидата — атеист Александр Невзоров, разоблачающий попов. Словом, все социальные и национальные группы могли почувствовать частицу этой заботы. Кроме обещанного роста материального благополучия военным, полицейским и прочим бюджетникам, русские националисты увидели, как карающая рука правосудия упекла на долгие годы в темницы кавказцев, неосторожно убивших в бытовых драках русских. Но и кавказцы услышали, что Путин резко осадил тех, кто требовал, по крайней мере, прекратить кормить Кавказ, а лучше и вовсе отделить его от страны.

Такая тактика и принесла желанный успех. А ведь еще совсем недавно ликовали оппозиционные деятели, сумевшие собрать на свои митинги десятки тысяч людей. «Ура! Мы ломим, гнутя шведы. Еще напор — и враг...» Но враг не побежал. Он переиграл оппозицию, и она потерпела поражение. Тактика Путина создавала, по крайней мере, ощущение некой «дорожной карты». Можно говорить, что маршрут проложен не так, не по скоростному шоссе, а по кривым, глухим окольным тропам. Но оппозиция

и того не предлагала. Да и не могла, даже теоретически. Уж слишком разные люди там собрались. Лидер «Левого фронта» Сергей Удальцов не раз этот причудливый союз объяснял так: «Наша задача добиться свободных, честных выборов, а потом в условиях нормальной политической конкуренции каждый пойдет своим путем». Другой оппозиционер, депутат Госдумы от «Справедливой России» Илья Пономарев, заявлял: «В условиях нормального политического процесса у нас, левых, не может быть ничего общего с Немцовым и Рыжковым». Так куда пошла бы страна в случае победы кандидата «Непутина»? За левыми? А какими левыми? Недавно они проводили свой съезд. Одна из ключевых фигур — секретарь альтернативного (не признанного Зюгановым) горкома КПРФ Лакеев. Почитатель Сталина. Меня как-то сталинизм не «греет». За правыми? Но и на правом фланге оппозиции фигуры от Немцова-Рыжкова до отрицателей Холокоста. Выходит, не только о карте, даже о направлении говорить не приходится. Таким образом, на горизонте начинает маячить хаос. А кому оно надо? Правильно, никому. Соответственно, значительная часть избирателей идет голосовать за привычный, хотя, возможно и надоевший, а местами и очень неприятный, но порядок. А другая — за остальных, как бы оппозиционных (ха-ха) кандидатов, имея в виду намекнуть верхам, что низам как-то не по себе...

«Оранжевая» революция, стоявшая, как казалось многим, на пороге, не состоялась. Почему? Господа, читайте классика. Уж Владимир Ленин в революциях толк знал. А он писал: «...не всякая революционная ситуация приводит к революции». Ленин же перечислил три признака революционной ситуации. Первый — «кризис верхов». «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому», — указывал Ильич. Второй — «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов». И третий — «значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в “мирную” эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими “верхами”, к самостоятельному историческому выступлению». И вывод: «Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна». Но из всех трех признаков в России в 2012 году наличествовал лишь один — воля отдельных групп и партий.

Ну а как все это отразится на евреях? Владимир Путин за годы своего правления не только упрекать, даже подозревать себя в антисемитизме не дал ни малейшего повода. Что уже хорошо. Было ли в его кампании что-тостораживающее, позволяющее усмотреть смену курса? Если придраться, можно обратить внимание на агитатора за главного кандидата — телеведущего Максима Шевченко. Еврейские организации публично обращались с просьбами к властям вывести этого пламенного почитателя арабских террористов из состава Общественной палаты за антисемитские заявления. Что и было сделано. Но Шевченко на власть не обиделся, и призывал голосовать за Путина. Неприятно, конечно. Но ведь среди доверенных лиц кандидата Шевченко не значился. И рядом с Путиным я его не видел.

А вот оппозиция — тут расклад иной получается. Я уже не раз писал на страницах «Лехаима» о сотрудничестве либералов и нацистов, в том числе и отрицателей Холокоста. И от этого союза оппозиционеры отказываться не намерены, о чем в своей колонке в «Лехаиме» ясно дал понять один из лидеров «несогласных» — Дмитрий Быков. Он ужасно возмутился моими попытками «вбить клин между либералами и националистами». Но, к огорчению известного литератора, отказавшего мне в праве быть мыслителем, я продолжаю вбивать этот клин. Все лучше, чем «подбивать клинья» и нежно ухаживать за людьми не только нерукопожатными, а такими, что с ними на одном гектаре облежаться не присядешь. Так вот, в день голосования один из видных оппозиционеров, в недавнем прошлом соратник по «борьбе с

режимом» экс-чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова Денис Билунов, на своей странице в социальной сети Facebook размещает ссылки на заявление некоего афонского «старца», провозгласившего Путину «анафему», akurat в день выборов. Как думаете, чем провинился Владимир Владимирович перед монахом? Оказывается, «отдал Россию на растерзание жидовского кагала». «Отец Афанасий достаточно известный человек, и тот факт, что он принял такое решение, — именно что при всех его, мягко говоря, одиозных взглядах, — я считаю вполне заслуживающим внимания», — пояснил Билунов и добавил: «Если завтра, скажем, Чубайс или Сечин начнут, хотя бы и нагло привирая, мешать Путина с грязью, это будет событием, и такая информация, несомненно, будет заслуживать широкого распространения». То есть «хорошо, когда кто врет весело и складно», цель оправдывает средства. Если для свержения Путина оппозиционерам потребно раздуть антисемитскую истерию — они это сделают. И такие методы борьбы, безусловно, «заслуживают внимания».

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Семен Довжик

Как стыдно! Совсем одичал на острове, размяк, отошел от дел, а оказывается, событие, о котором столько говорили сионисты, уже свершилось.

Столько его искали, ждали, готовились к встрече в аэропорту. Оказывается, человек этот уже не первый месяц вышагивает по Земле обетованной. О ком это я? Честно говоря, не знаю ни его имени и фамилии, ни пола, ни возраста и места проживания. Известен лишь его номер — миллионный.

Миллионный репатриант из стран бывшего СССР. А ведь как его ждали! Заблаговременно готовили красную дорожку в зале для встречи репатриантов, многократно репетировали речи, танцы и всенародные ликования. Десятки первых и не совсем первых лиц готовились драться за место в очереди, чтобы пожать руку этому светлому человеку. По правде говоря, он несколько припозднился. Эта встреча ожидалась раньше и должна была проходить гораздо помпезней. Но факт остается фактом: планка в миллион взята. Разве что ликований народных по этому поводу не последовало.

А ведь когда-то и цифра в сто тысяч казалась заоблачной. Функционеры всех мастей по сей день повторяют на торжественных мероприятиях по случаю алии одну и ту же мантру: «Кто бы мог поверить еще 25 лет назад». Кто мог, тот и верил. Среди тех, кому надлежало тщательно готовиться к принятию тех самых репатриантов, оказались в основном Фомы неверующие. Поэтому и качество той подготовки было соответствующим. Но аппетит приходит с едой. Когда в течение одного года копилка пополнилась двумя сотнями тысяч новых граждан страны, аппетиты разгорелись не на шутку. Тогда впервые и была произнесена вслух эта цифра. Вначале еще шепотом, ну а затем — во весь голос. Миллион... В атмосфере эйфории середины 1990-х казалось, что заветная цель не за горами. Но потом горизонт, на котором маячила цифра с шестью нулями, начал вдруг отдаляться.

За дело взялись профессионалы. На маховик репатриации работали все. Работали правительственные учреждения. Работали многочисленные представители де-юре неправительственного агентства, которому государство торжественно делегировало вести Ches потенциальных репатриантов по городам и весям шестой части света. Работали сотрудники некогда засекреченной спецслужбы, с годами ставшей настолько секретной, что теперь никто и не знает, для чего эта структура существует и по сей день. Трясли всех: старых и молодых, больных и здоровых. Казалось, вот-вот начнется отбор из числа лиц без определенного места жительства. Качественные параметры индивидуумов уходили далеко на второй план на фоне мерцающего миллиона.

Со временем то единое географическое пространство, некогда объединенное под флагом могущественной сверхдержавы, оформилось в многочисленные государственные формирования, разнящиеся по своему политическому строю, языковой культуре, уровню жизни и вообще по всему. Но ничто не могло подвергнуть сомнению концепцию: миллионный репатриант должен быть доставлен именно с этой некогда единой территории. Просто потому, что искать его в каком-то другом месте было еще более бесперспективно.

И самое главное — набраться мужества, и все же вернуться к этому свербящему вопросу: «А зачем?» Без ответа на него не помогут никакие реорганизации, стратегическое планирование и рекламные кампании. Признать, что нет более необходимости укрывать гонимых. Заодно прекратить предоставлять убежище жуликам и проходимцам всех мастей. Перестать раздавать в самолете гражданство как одноразовые носки. Помогать больным и нуждающимся, но не собирать этих нуждающихся по всему миру ради победных релизов об очередном миллионе. Расформировать эскадроны по поиску и рекрутингу отдаленно принадлежащих к избранному народу, сконцентрировавшись на тех, кто уже сделал свой выбор. Переквалифицировать поисковиков в кадровиков и преподавателей. И психологов. И главное — перестать считать. Правильно сделали, не устроив по поводу приезда миллионного репатрианта недельного празднования. Нет у этой цифры ни малейшей смысловой нагрузки. Спрашивать и самих приезжающих: «А зачем?» Ответ на этот вопрос необходимо запаковать в чемодан вместе со скарбом. Иначе не найти его потом ни на барахолке в старом Яффо, ни в престижных тель-авивских бутиках. Если сошлись обе стороны в ответе, тогда добро пожаловать. А если есть разница в версиях, возможно, стоит подумать еще. Пожара нет, и некуда торопиться.

Кихотов, без этих чудачков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам», — писал он. Гамлет — это тот самый «глупый пингвин», который «робко прячет тело жирное в утесах», пока буревестник летает «между тучами и морем». Недаром королева говорит о Гамлете: «Он жирный и задыхается». Ему не нравится быть «между тучами и морем», между бунтовщиками и властью, между Лаэртом и Клавдием. Эти двое сговорятся против него. Он убьет обоих и бессмысленно погибнет в финале.

0-аидіеєє і едєіа̇ «І аі аиді-оі оадоу» іа Іеєііііе а̇ оа 4 оаааеу 2012 а̇а̇

QÀOËÛ ĐÁĆÍ ÈÊ

ЇАДААІА×ÈÊ

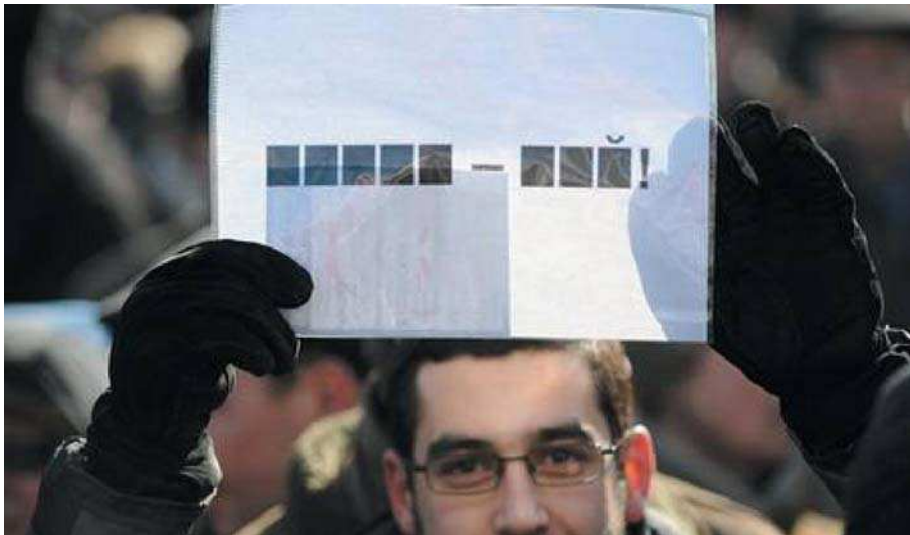
- Немецкий еврей пеняет восточноевропейскому собрату: «Наши синагоги такие величественные, просторные и чистые! Молящиеся сплошь вежливые и набриолиненные. А у вас в тесных и грязных местечковых “клойзах” и “штиблах” нескончаемый ор и сопливые дети носятся». Собеседник отвечает: «В Германии посещают синагогу раз в неделю. Это делается, чтобы встретиться с Б-гом. Естественно, что в честь такого важного события помещение должно быть убрано, а дети и взрослые — вымыты и причесаны. Мы же с Б-гом живем. А повседневные тесные отношения чреватые шумом и мусором». Так вот, изначально понятие «тикун олам» носило непафосный, прикладной характер. Глагол «летакен» в эпоху Вавилонского Талмуда — это не только «исправлять», но и «учреждать», «вводить постановления». В трактате «Гитин» сказано, что человек, который, выражаясь современным языком, подал на развод, должен указать в разводном письме все свои имена, прозвища и клички. Это делается для того, чтобы никто не мог впоследствии объявить документ фальшивым или недействительным. Поэтому «мипней тикун олам», в целях нормализации отношений в обществе изволь подпишись: Михаил-Моше-Миша-Мишутка-Мойшик.

Каббала привнесла в этот термин дополнительный аспект. Считается, что первородный грех привел к разрушению мистических Б-жественных сосудов, содержимое которых — добро и зло — перемешалось. Следуя заповедям иудаизма, евреи исправляют этот мир, отделяя его позитивные составляющие от негативных. Последующая популяризация каббалы привела к искажению понятий и снижению градуса. Вместо седобородых старцев над секретными фолиантами — красная нитка на запястье поп-певицы. Вместо соблюдения заповедей — митинги. Под словами «тикун олам» в наше время стали подразумевать всевозможные общественные мероприятия. Реформистский раввин Майкл Лернер использовал этот термин, призывая поддержать акцию «Окупируй Уолл-стрит», популистский хепенинг безработных американских гуманитариев. Кстати, Лернер редактирует журнал, который так и называется — «Тикун». Знаете, кто в 1990-х годах был одним из его колумнистов? Небезызвестный Азми Бшара, арабский депутат кнессета, который во время 2-й ливанской войны поставлял разведанные ливанской террористической организации «Хизбалла» и впоследствии бежал из Израиля, опасаясь ареста. Те россияне еврейской национальности, которые идут на Болотную или на проспект Сахарова, вооружившись слоганом «тикун олам», вызывают в памяти строки Маяковского: «Хочет он марксистский базис под жакетку подвести». Они должны спросить самих себя, что для них лично является первичным, а что вторичным —

желание потусить с Собчак и Парфеновым или попытаться улучшить окружающий мир, следуя еврейским многовековым рецептам. В том же Талмуде, к примеру, сказано: «Если евреи соблюдут два шабата по всем правилам, придет Избавление». Поверьте, что соблюдать субботу несколько сложнее и хлопотнее, чем повязать белую ленточку. И вообще, описывать теми или иными слоганами сложную, неоднозначную и многогранную действительность было бы странно. Уклоняющиеся от участия в акциях протеста по причине талмудического же постановления «Дина де-малхута — дина» («Царский закон — [это и наш] закон») лично у меня вызывают не меньшее удивление. Потому что можно не присоединяться к оппозиции по нескольким абсолютно логичным причинам, от банальной боязни попасть в автозак ОМОНа до неверия в эффективность революционных процессов как таковых. В частности, когда идет речь о громадной стране с разнородным населением — жертвой болезненного 70-летнего эксперимента. Но в конкретном случае оппозиционеры протестуют против фальсификации результатов прошедших выборов в Думу, которая, судя по многочисленным свидетельствам, была массовой. Нет такого царского закона — выпрямлять кривую Гаусса.

К глубочайшему сожалению, перспективы как «евреев за Навального», так и «евреев за Путина» остаются незавидными. Испокон веков нас обвиняли во всех смертных грехах, вне зависимости от политических предпочтений и конкретного поведения. Российские красно-коричневые вот уже 20 лет верят в идиотскую байку о боевиках «Бейтара», которые-де помогали Бене Эльцину расстреливать парламент.

Что бы лично я посоветовал российскому еврейству? Воспользуюсь цитатой из моей хорошей экс-московской знакомой: «Мой папа был чемпионом по боксу и поэтому считал, что в СССР не было антисемитизма».

Ὁ: αἰὸς ἐεῖ ἰ εὐεῖ ἄ «Çà ÷ αἰὸς ἰ ἡ αἰαῖ ὄν» ἰ ἰ ὀεεὸ ἰ ἰ αἰε Ἀδὰδ. 10 ἰ ἄδὸ ἰ 2012 ἄ ἄ ἄ

ἰ ΕΘΑΕΕ × ΕΑΙ ΙΑ

ΕΝΘΙΒΕΕ ΕΙΑΥΑΝΘΑΑΙ Ι ΟΕ ΑΑΒΘΑΕΥ.

ΑΑΙ ΑΔΑΕΥΙ ΟΕ ΝΑΕΒΑΘΑΔΥ ΑΑΔΙ ΑΣΕΑΘΝΕΤΑΙ ΑΑΔΑΕΝΕΤΑΙ ΕΙ Ι ΑΔΑΝΝΑ

- Евреи не прислушиваются к гласу религиозных лидеров, потому что те не являются настоящими лидерами для большинства евреев России, в особенности для столичной интеллигенции. Подавляющее большинство российских евреев, как мы видим сегодня по разного рода исследованиям, продолжают быть светскими людьми и иудаизм воспринимают как часть культуры своего народа, желательную, но не обязательную. Надо сказать, далеко не все религиозные лидеры призывали евреев не участвовать в предвыборной борьбе. Насколько я знаю, такой призыв был озвучен раввином Борухом Гориним, главным редактором журнала «Лехаим». К примеру, глубоко уважаемый мною раввин Берл Лазар за несколько дней до выборов заявил противоположное горинскому воззванию, сказав, что уверен: большинство евреев проголосуют за Путина. Факт сей несомненно можно рассматривать как участие в предвыборной гонке. Остается только выразить сожаление, что раввин Берл Лазар не последовал призыву раввина Боруха Горина.

Можно ли сформулировать некую «еврейскую национальную платформу», под которой мог бы подписаться почти каждый еврей? набросок такой платформы был нами продуман после консультаций со многими российскими «профессиональными евреями» и опубликован за несколько дней до президентских выборов 4 марта на сайте Евроазиатского еврейского конгресса (<http://www.eajc.org/>. «Российские евреи в преддверии президентских выборов». 1 марта 2012 года). Мы призываем обсудить эти тезисы и уже получаем отклики, которые не перестают быть актуальными и после выборов. Суть их сводится к следующему: каждый российский еврей несет в себе, условно говоря, две составляющие — национальную и гражданскую. Они далеко не всегда меж собою ладят. Составляющая российского гражданина у еврея более или менее совпадает с настроениями российской либеральной интеллигенции прозападного толка, той самой, в которой выросли и воспитались большинство столичных евреев на протяжении последних четырех-пяти поколений. Она-то и толкала людей на митинги. Но есть и другая составляющая — национальная. Границы ее мы и пытаемся определить. Сформулировать несколько пунктов, под которыми практически смогли бы подписаться любые евреи, будь они за Путина, за Прохорова или за кого-то еще. К примеру, это такие пункты, как сохранение концепции РФ как многонационального государства, отделение религии от государства, которая гарантирована Конституцией РФ, сохранение статьи 282 и некоторая ее корректировка в сторону ужесточения, сохранение режима свободного въезда и выезда, свободных контактов с Государством Израиль и с еврейскими общинами всего мира. Мы также рассчитываем на то, что в будущем новая власть прекратит поддержку сил, стремящихся к уничтожению Израиля. И еще целый ряд пунктов. Как мне представляется, формулировка такой национальной платформы в высшей степени актуальна.

— В 1970–1980-х годах евреи, участвовавшие в национальном движении, практически все выступали против советской власти. То время было гораздо более жестоким. Еврейская деятельность — куда опасней. Но запретный плод сладок, сотни тысяч людей оказались вовлечены в эмиграцию и алию задолго до перестройки. Это были люди, решившие порвать со страной, где жили их предки, где родились они сами, отряхнуть прах с ног, уехать и больше о ней не вспоминать. Идея того времени была сформулирована следующим образом: «Мы ничего не хотим менять в Советском Союзе, это не наша цель, но мы перестаем считать себя гражданами этой страны, мы хотим мирно покинуть ее». Евреям за последние пятнадцать лет грех жаловаться на власть. Никогда раньше в российской истории они не жили столь свободно. Чего ж боятся сегодня евреи, что волнует их? Во-первых, избранный президент, как бы уважаем он ни был, связан для очень многих с таким неприятным органом, как КГБ. Во-вторых, евреям не нравится антиамериканизм и идущая от власти концепция того, что мы окружены врагами и эти враги находятся на Западе. Оно и понятно, евреи в массе своей склонны идентифицировать себя с кругами, которые симпатизируют либеральной западной идеологии, и сами идентифицируются обществом как произраильская и прозападная сила.

Выборы оказались интересными. Можно примерно нарисовать портрет российского общества: 20% левые (коммунисты и социалисты), 20% условно правые, средний класс, Прохоров и другие, а 60% за царя. «За царя» — старый еврейский лозунг. Если мы вспомним о том, что говорили еврейские религиозные лидеры в разное время, мы увидим, что большей частью до революции религиозные лидеры предупреждали евреев держаться царя.

Евреи не политическая партия, но народ, который, как и любой другой, состоит из самых разных людей. Мы видим бесконечный спектр политических позиций, которые касаются всего российского общества, но еврейские лидеры пытаются выработать актуальную общую позицию, независимую от симпатий в адрес конкретных политических лидеров. Если такая платформа будет разработана и найдет широкий отклик в еврейской среде, то каждый еврей, как российский гражданин, сможет отдавать свой голос за того кандидата, который, по его мнению, наилучшим образом сможет эту платформу реализовать. Пока такая позиция затруднена, поскольку не существует согласованной национальной платформы и поскольку пока ни один из кандидатов на прошедших выборах не обращался непосредственно к евреям, чтобы завоевать их поддержку.

ÁÁÁÈÄ ØÁÖÒÄÐ

Ï ÈÑÀÒÄËÛ ÈÆÓÐÍ ÄËÈÑÒ

- История учит: вмешательство евреев во внутренние дела народов, оказавших им гостеприимство, ни к чему хорошему не приводит. Эпоха вице-фараона Йосефа закончилась египетским рабством. Причем пуще всего против евреев исхитрялся новый фараон, о котором Тора говорит: «И встал новый повелитель над Египтом, который не знал Йосефа». Как же он мог не знать? Ведь при предыдущем фараоне Йосеф десятки лет был фактическим правителем Египта и сделал для этой страны немало добра. В том числе спас ее от голода. Но фараон не хотел знать, не хотел помнить об этом добре! Спустя тысячу лет

над евреями Персидской империи нависла угроза тотального уничтожения. Существует немало объяснений, почему разразилась эта напасть, но непосредственным поводом стал политический конфликт еврейского министра Мордехая с царским любимцем Аманом. И в новые времена политическая активность ничем хорошим для евреев не заканчивалась. Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Вальтер Ратенау стали для многих немцев символами ущербности Веймарской республики и пагубности для Германии их социальных идей. А для Гитлера — козырными картами в колоде антисемитских утверждений, проложивших ему путь к власти.

До первой мировой войны евреи составляли почти 90% будапештских врачей, юристов, инженеров и журналистов, а еврейские бароны — треть нового венгерского дворянства. Но Бела Кун сотоварищи учинили красную республику. Просуществовала она всего ничего, а расплачивались за нее венгерские евреи долгие годы. И конечно, как не вспомнить 1917-й? Евреи России поверили увещаниям большевиков, бросились за ними сломя голову. И что это дало евреям? Пока большевики были у власти, они не хотели знать о помощи, оказанной евреями. А когда советская власть кончилась, то ее противники начали всячески акцентировать эту роль евреев, подавая ее в негативном свете.

Стремление изменить жизнь к лучшему — ДНК еврейского народа. Для этой цели нас и избрал Всевышний. Но изменять жизнь — и свою и других народов — евреи должны только одним путем: неся в мир свет моральных императивов Торы. Переставлять кастрюли на политической кухне или, пуще того, бить на ней горшки — дело хозяина кухни, а не гостя. Есть только одно место в мире, где гражданская активность евреев оправданна и поощряется. Хотите заниматься политикой, господа евреи, езжайте в Израиль. Чем, кстати, активно и успешно занимаются сегодня в Израиле выходцы из России.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ХАМЕНИИ УЖЕ НАЗНАЧИЛ 2014 ГОД

ГОДОМ ЛИКВИДАЦИИ ИЗРАИЛЯ»

А́ааао́ а́ааао́ Ì ео́ае́е́ Я́аае́у́о́о́ае́í

Ì ÈÒÀÈÈ ÿÁÀÈÛÒÒÀÈÍ Чем закончатся волнения в Сирии, распадется ли она?

ÁÁÁÁÍ ÈÈ ÑÀÒÁÍ ÍÁÑÈÈÈ Последнее, что нужно Израилю, — это распад Сирии, так что будем надеяться, этого не произойдет. Асаду удалось зачистить плацдарм в Хомсе, который создавался для того, чтобы была территория, где можно собрать самозванное правительство, тренировать войска, перебрасывать туда оружие, а для защиты всего этого объявить бесполетную зону. Но опыт Бенгази научил всех: такого рода площадки надо ликвидировать очень быстро. Плюс Россия и Китай абсолютно не готовы давать карт-бланш на ооновскую бесполетную зону. А мандат ООН американцам, европейцам и всяким примкнувшим к ним туркам нужен непременно: в США и Франции скоро выборы, вопрос, куда делся предвыборный пацифизм Обамы, республиканцы ему непременно зададут. И операция по свержению Асада забуксовала. Вдруг Хиллари Клинтон высказалась, что в Сирии, оказывается, есть «Аль-Каида», так что ж, мы ей будем оружием помогать? Мятежники не смогли захватить ни один из пригородов Дамаска. А если партизанская война уходит в сельскую местность и в горы, то это уже проще — с ней начинает работать авиация, это мы наблюдали в 1990-х в Алжире. Поэтому у Асада есть шанс отбиться. Ситуация может начать развиваться по тому пути, который намечен конституционным референдумом: власть перейдет другому клану, в правительство войдут оппозиционеры, готовые говорить с властью, убрана статья о монополии партии «Баас», убрана идея, что можно пере-избираться бесконечно, — в общем, нормальная эволюция режима. Если нужно, чтобы режим перестроился, — вот она, перестройка. Но нужно не это, поэтому Катар в бешенстве, Саудовская Аравия — в тяжелом бешенстве...

Ì ÿ Но министр иностранных дел Израиля заявил, что мировому сообществу необходимо принимать более активное участие во всем, что происходит в Сирии.

ÁÑ Авигдор Либерман — человек мудрый и прагматичный. Он съездил в Россию — и сказал, что здесь все правильно с выборами. Съездил на Запад — сказал про Сирию. Его задача — не ругаться с руководством западного блока или России, а работать приятным собеседником.

Ì ÿ А если распад Сирии все же произойдет, какое государственное или квазигосударственное образование может возникнуть на израильско-сирийской границе?

ÁÑ Если Сирия будет распадаться всерьез, то велика вероятность, что не уцелеет и Ливан. Тогда, скорее всего, на границе с Израилем восстановится государство друзов, которое существовало когда-то в районе Джебель-Друз.

Ì ÿ Что стоит за трогательным единством Лиги арабских государств и всего прогрессивного человечества?

Áñò ðá:à ì ðáì ùáð ì èí èñò ðá Èçðáèÿÿ Áèí ùñ ì íà Í àòáí ùñòó è ì ðáçèááí òà ÑÏÀ Ááðáèà Í ááì ù.

5 ì áðòà 2012 ááá

АИ За этим стоят деньги — деньги Катара и Саудовской Аравии. Люди кроют под себя халифат — неужели для такой цели жалко чемоданов с кэшем? А коррупция в той же Франции вполне бесхитростна. Мне неоднократно рассказывали, в том числе свидетели процесса, как Миттеран, Ширак и тот же Саркози радовались маленьким, но очень приятным знакам внимания со стороны Рафика Харири или африканских диктаторов. Да и рассказ сына Каддафи Сейфа аль-Ислама о 50 миллионах, переведенных его отцом на счета Саркози, вполне заслуживает внимания. Кроме того, есть еще жирные доли в пироге нефтяных, газовых или военных контрактов, из-за чего, собственно, Саркози с Каддафи и поссорились. Ситуация с Сирией точно такая же. Катар и Саудовская Аравия зачищают светские арабские автократии. Это не обязательно прямые интервенции, где-то они просто продвигают своих ставленников, вбрасывая деньги. Так произошло в Египте, где внезапно салафиты получили от 25 до 27% мест. Еще недавно их в Египте не было вообще, потом наивный Садат разрешил открыть на саудовские деньги кружки по изучению Корана, и к началу «арабской весны» салафитов было четверть миллиона. Казалось бы, в 80-миллионной стране 250 тысяч человек четверть мест в парламенте не получают. Но полгода работы, четыре миллиарда, вброшенные в избирательную систему, раздача их нуждающимся — и вот результат.

То же происходит сегодня в Ливии, где представители сенуситов, долго отсиживавшиеся на территории Саудовской Аравии, объявили об автономии Бенгази, а различные группы, за которыми стоят опять-таки Катар и саудовцы, захватывают один плацдарм за другим, включая кварталы Триполи, вырезают те кланы, которые поддерживали Каддафи, а заодно африканские племена в глубинке и сильно насаждают на берберов у границы с Тунисом.

Прибавим сюда победу исламистской партии «Ан-Нахда» в Тунисе, чей лидер Рашид Гануши — человек из мюнхенской мечети, то есть близкий к «Хамас», «Братьям-мусульманам» и всем этим «муфтиям Гитлера», которые окопались в Мюнхене со времен второй мировой, а во время «холодной войны» были взяты под крыло Эйзенхауэром.

И Что представляют собой рулевые этого процесса — Саудовская Аравия и Катар?

АИ Весь саудовский королевский дом — это глубокие старики, понимающие, что после них страна может развалиться, и смертельно боящиеся шиитского Ирана. А эмир Катара Аль-Тани, захвативший трон в 1995 году, напротив, не стар (ему 60 лет), хитер и очень амбициозен. Он превратил ваххабитский Катар в государство с человеческим лицом — всего-то и надо было разрешить женщинам управлять автомобилями и открыть либеральнейший канал арабского мира «Аль-Джазира». Катар сегодня — это крупнейший экспортер сжиженного газа и транспортный перекресток («Qatar Airways» — одна из лучших авиакомпаний в мире). Кроме того, весь эмират можно считать пристройкой к американской военной базе Эль-Удейд, что решает проблемы безопасности. При этом Аль-Тани умудряется поддерживать какие-то отношения с Ираном.

Как следствие, Лиги арабских государств в прежнем виде просто нет. Есть некий инструмент в руках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. К этой группе пришиты Иордания и Марокко — потому что, во-первых, монархии, а во-вторых, у них серьезные армии.

Мы находимся в преддверии тяжелого столкновения монархий Аравийского полуострова с Ираном. Главная задача Эр-Рияда — добиться ирано-израильской войны. Мечта ваххабитов — это евреи, воюющие с шиитами, после чего из Аравийской пустыни выходят отсидевшиеся ваххабитские монархи и

добивают — военным или политическим путем — уцелевших. Давайте не забывать, что евреи вряд ли будут финансировать предвыборную кампанию Обамы, а вот саудовцы — будут.

ИИ В Иране 2 марта прошли выборы в парламент. Как изменилась после них конфигурация власти?

АИ Ахмадинежад был с треском разгромлен, даже в родном городе президента его сестра не прошла. Прагматики и либералы в большинстве своем просто не были допущены к выборам. Пул победителей состоит из трех групп, ориентированных на верховного аятоллу — рахбара — Али Хаменеи. Это классические консерваторы во главе с Лариджани, любимцем Хаменеи; это ультраконсерваторы аятоллы Месбаха Язиди, ставившие на Ахмадинежада, но отошедшие от него, когда он поссорился с рахбаром; наконец, это генералы Корпуса стражей исламской революции и милиции Басидж, которые убедились, что Ахмадинежад к власти их не приведет.

Президентские выборы в 2013 году, никого из своего окружения Ахмадинежад на этот пост уже не протащит, даже его попытки ставить своих министров вопреки Хаменеи провалились. По всей видимости, его сменит кто-то из людей рахбара.

ИИ Что это значит для Израиля?

АИ Для Израиля ничего хорошего отсюда не вытекает. Хаменеи уже назначил 2014 год годом ликвидации Израиля. К этому он добавил, что ракеты — легитимное средство удара по Израилю, а также, что кровь евреев и мусульман должна быть отделена друг от друга на Ближнем Востоке, что означает геноцид. То есть агрессивную риторику Ахмадинежада он перехватил, при этом уровень авторитета верховного аятоллы в иранском обществе несравнимо выше, чем уровень авторитета президента. Рахбар — глава государства, человек, объявляющий войну и заключающий мир, а президент — глава исполнительной власти и не более того.

ИИ Мартовские переговоры Нетаньяху и Обамы привели к положительным результатам?

АИ Переговоры показали: военная опция у американцев на столе, и срок не год, а несколько месяцев. Из Обамы выжали заявление, что он не готов дать Ирану возможность получить ядерное оружие. А значит, любая война Ирана с Израилем — а также с Катаром, Саудовской Аравией, Кувейтом — означает для Америки необходимость включения в войну. То есть ситуация для Израиля теперь куда лучше, чем была до визита Нетаньяху — в том числе потому, что впервые они с Обамой говорили о чем-то, кроме тупиковой палестинской проблемы, дискуссия по которой способна только ухудшить отношения.

ИИ Война Израиля с Ираном неизбежна?

АИ Есть шанс, что произойдет чудо и Хаменеи внезапно сделает то, что в свое время сделал аятолла Хомейни. Тот в какой-то момент просто приказал забыть об Израиле, и весь период, пока Израиль в рамках сделки «Иран — контраст» поставлял запчасти к иранской авиации, Израиль врагом не был.

Может ли рахбар вывести ситуацию на уровень взаимного сдерживания или договоренности о неприменении друг против друга ядерных технологий — вопрос. Ответ на него будет и ответом на вопрос, насколько историческая фигура аятоллы Хаменеи. Он блестящий тактик, он больше двадцати лет удерживает под контролем политическую ситуацию в стране, переигрывая всех противников, отправляя в политическое небытие уже третьего президента. Но не слишком ли далеко зашел Иран в идеологический тупик, сделав конфронтацию с Израилем главным стержнем всей своей политики? Узнаем в ближайшее время.

«ДЛЯ МЕНЯ НЕ ОСТАВАЛОСЬ ДРУГОГО ПУТИ, КРОМЕ ОТЪЕЗДА»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн

«Лехаим» продолжает беседу с известным исследователем русской литературы профессором Лазарем Флейшманом (начало см.: Лехаим. 2012. № 3). Среди героев его воспоминаний — Глеб Струве, Кондолиза Райс и Дмитрий Быков.

Ἐὰς ἀδὴ Ὀἰᾶέσι ἀί. 1972 ἄᾶ

Ἴ ἘῶἈἔἔ Ὑᾶἔῦ ὉῶἈἔἱ Как возник замысел вашей пастернаковской дилогии?

Ἐᾶς ἀδὴ Ὀἰᾶέσι ἀί Меня все шпыняли — мол, нет книги. И я понял, что у меня много неопубликованных материалов по Пастернаку в 1920-х годах, и сел собирать их вместе. Мне очень помогло то, что я читал в Иерусалимском университете курс по Пастернаку и у меня были замечательные студенты: Анна Шмаина-Великанова, Миша Вайскопф, его сестра Ирена, впоследствии жена Ронена. И я написал книгу, она получила хорошие отзывы.

Я понял, что надо браться за 1930-е годы. Над ними работать было намного труднее: и архивных материалов меньше, и главное — Пастернак мало писал в это время. Любопытство толкнуло меня к старым газетам, я читал параллельно «Правду» и «Известия» — и «Последние новости» и «Возрождение». Когда читаешь их параллельно и подряд, а не просто выбираешь то, что существующая библиография тебе подсказывает, возникает очень сильное ощущение протекания времени, эпохи. И когда после двухгодичного пребывания в Беркли я уезжал из Америки, как мне казалось, навсегда, я вез с собой в Израиль большую сумку с выписками — ксероксов тогда еще было не так много. Это было сырье для монографии, потому что я не столько пишу, сколько ввожу собранные материалы в книгу.

Ἴ Ὑᾶ В России за последние два десятилетия опубликовано огромное количество архивных томов с материалами Союза писателей, ЦК и так далее. Насколько сильно эти публикации изменили ваши представления о Пастернаке в 1920–1930-х годах и вообще о советской литературе того периода?

Ἐῶ С 1920-ми годами положение более благополучное, потому что та книга больше сфокусирована на анализе текстов, и тексты эти настолько загадочные, что работать с ними было интересно. А когда речь идет о периоде молчания, о спорадических выступлениях, там ты больше зависим от понимания общей картины. И я, в общем, с гордостью заметил, читая новейшие публикации, что в большинстве случаев у меня нет ошибок, процентов на 90–95 все верно.

Так что новые публикаторские тома я читаю как увлекательнейшие романы, мне интересно, потому что я знаком со всеми участниками. Но пока я не находил ничего такого, что потребовало бы от меня решительной переделки. Хотя, конечно, во второе издание монографии «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» я ввел новые материалы.

И YA интерес к русской эмиграции родился из этого сквозного чтения парижских газет?

Е O Нет, он возник в Риге, когда Тименчик, Тоддес и я ходили в спецфонды, где можно было выудить неизвестные материалы о наших героях — об Ахматовой, Пастернаке. Я говорил, что мы ориентировались на пушкинистику, поэтому хотели заниматься не только самим писателем, но и его окружением, его эпохой. Но азарт ознакомления не с отдельными именами, а с целой запретной эмигрантской культурой совершенно нас захватил.

Когда я приехал в Израиль, для меня это отчасти было материализацией моих книжно-газетных представлений, полученных в Риге. Я увидел пожилых людей, выходцев из России, с особым старинным петербургским произношением, которые дружили, скажем, с Ремизовым. Это были люди космополитического воспитания, говорившие на многих языках и с замечательным русским языком, какой бывает только у людей, воспитанных в нескольких культурах, — и вдобавок с еврейским темпераментом, витальностью, азартом...

Мы с Сегалом и с Франком Больдтом мечтали о большой работе, посвященной эмиграции в сопоставлении с литературой метрополии. А потом меня два года подряд приглашали в Беркли, где я познакомился и по-дружился с Глебом Петровичем Струве. Это одна из самых важных встреч в моей жизни — как Синявский, как Оксман, как Лотман. У него был очень жадный интерес к людям «оттуда», он следил за работами тартусцев, заочно знал Тименчика, Суперфина, Топорова. Кстати, один из первых вопросов, который я ему задал, был именно об Оксмани. У них ведь была переписка, из-за которой Оксман пострадал: у него провели обыск, он был отовсюду выгнан на пенсию. И масштаб взаимопонимания между этими людьми с совершенно несвязуемыми биографиями казался мне чем-то мистическим... Струве, по сути, создал науку о литературе русской эмиграции, и разговоры с ним на самые повседневные, казалось бы, темы имели для этих моих штудий громадное значение. Он знал, что я этим интересуюсь, я был для него представителем таинственного поколения из Советского Союза, которое говорит об этом в духе, близком ему.

Νέοι ἄνθρωποι (ἡ οὐρανόσκαφος) ἐπιτίθενται ἐπὶ τὴν ἀρχαία

τὰ ἐπιτόκια οὐρανόσκαφος, ἡ ἀρχαία τὴν οὐρανόσκαφος ἀρχαία ἐπιτίθενται ἐπὶ τὴν ἀρχαία τὴν οὐρανόσκαφος

Ἀρχαία 2001 ἀρχαία

И мы с Робертом Хьюзом и его женой, Ольгой Раевской-Хьюз, совершили поездку в Стэнфорд, чтобы разведать архив Гуверовского института. Я помню, как Боб меня убеждал, что там вряд ли будет что-нибудь литературное, это общественно-политическое собрание. А я ему говорил, что в большом архиве не может не быть литературных материалов. И только мы вошли, только открыли каталог — и увидели в

описании архива Николаевского весь будущий «Русский Берлин». Сразу было решено, что мы это выпустим книгой.

ИУ Когда вы публикуете малых эмигрантских поэтов — Божнева, Барта, только что вышел трехтомник Льва Гомолицкого, — для вас имеет значение, нравятся вам их стихи или нет? Или же это заполнение некой историко-литературной лакуны?

ЕО Это, конечно, не просто охота за чем-то неизвестным. Мне важна эстетическая ценность этих стихов, но оценка базируется не на моем личном отношении, а проецируется на вкусы, уровень, представления эпохи. То есть тут изучение какого-то периода и белых пятен в нем и эстетическая оценка очень тесно переплетены.

Я не могу сказать, что Божнев мой любимый поэт. И вообще, если ты в детстве впал в культ Пастернака, потом тебе очень трудно ко многим другим поэтам относиться с такой же душевной самоотдачей. Но я думаю, что наша близость к тартуской школе и к лотмановским занятиям историей литературы стоит и за тем желанием заполнять белые пятна, которое вызвало к жизни эти издания.

И потом, есть еще одно соображение: если ты этого не сделаешь, то, может, никому в будущем не удастся. Потому что часто бывает так, что тебе просто повезло: в твои руки попал более или менее стройный комплекс рукописей, редких изданий, документов. Чувство долга за этим стоит, если хотите. Вот, например, Гомолицкий: это 16 лет адской работы, самой трудной в моей жизни. Я ее заканчивал весь позапрошлый год и боялся, что если что-то сорвется и я не смогу ее довести до конца, то другого такого эксцентрика и чудака, который отдал бы полтора десятилетия на то, чтобы все это разобрать, рассортировать, может и не найтись.

ИУ Давайте вернемся к вашему рижскому периоду. Наивный вопрос: после университета и до отъезда никакой научной карьеры вы не сделали — почему?

ЕО В Риге не было аспирантуры по русской литературе, надо было ехать в столицы. Правда, аспирантура была в Тарту, но ее держали для своих. Лотман предлагал нам писать диссертации и защищаться — но об аспирантуре речи не было. А писать диссертацию вне аспирантуры тогда было очень сложно, потому что надо было работать, и работать по восемь часов в день. Я делал чистосердечные попытки устроиться в Пушкинский Дом и в ИМЛИ, мои наивные друзья Синявский и Саша Чудаков твердили, что я должен поступить в аспирантуру. Только теперь я понимаю полную абсурдность этих пожеланий и моих мечтаний. А вот Оксман мне сразу сказал: «Ничего не получится. Есть негласное распоряжение, увольнять евреев не будут, но ни продвигать, ни принимать новых не станут». Так что для меня не оставалось никакого другого пути, кроме отъезда.

ИУ Вы уехали в 1974 году. Чем вы занимались здесь восемь лет в промежутке между окончанием университета и отъездом?

ЕО Единственная работа, которую я смог получить, — библиотекарь в районной детской библиотеке. Выгода ее была в том, что начальница давала мне отгулы — день, иногда два в неделю, и я мог бегать в республиканскую библиотеку. Но это было занятие унижительное и нравственно тяжелое, потому что моя библиотека располагалась в трущобном районе, и я должен был ходить по домам, среди ужасающей нищеты, и собирать просроченные читателями книги. Не думаю, что я был готов к работе в такой среде или создан для этого.

ИУ Вообще Рига вызывает ассоциации скорее с материальным благополучием...

ЕО Да, но меня взяли только в такой район. В более благополучные я не подходил по разным причинам. А потом меня приняли на работу в университетскую библиотеку, ее директор знала меня со школьного возраста. Она, кстати, была первым человеком, которому я сообщил о намерении уехать в Израиль.

ИУ А ваши ученые занятия как-то продолжались?

ЕО С Тименчиком и Тоддесом мы издали, о чем сейчас немного стыдно вспоминать, студенческий пушкинский сборник. Мы были тогда на втором-третьем курсе, опьянение типографским станком проявилось у нас очень рано. Потом был еще один пушкинский сборник, уже не такой

студенческий. И конечно, каждый из нас занимался понемногу своей темой. Моя первая большая статья о Пастернаке написана была в Риге еще, а вышла, по-моему, уже после моего отъезда в «Russian Literature» в Амстердаме. А до этого были выступления в студенческих тартуских изданиях, в материалах конференций.

ИҮ В 1960-х годах начинали возникать какие-то неофициальные литературоведческие кружки — связанные с изучением Мандельштама, в частности. Вы как-то их деятельностью интересовались, пересекались?

ЕО Вы говорите с твердокаменным провинциалом, который мог приезжать в Москву раз в году на две-три недели во время отпуска. Я предпочитал проводить это время в библиотеке, а не ходить по гостям. Когда Синявский был еще на воле, то я сидел у него и по ночам читал то, что он мне приносил и давал. У нас был свой кружок в Риге — Тоддес, Тименчик и я, — и состоял он не в том, что мы собирались и читали друг другу доклады, а просто мы встречались в библиотеке и потом, отсидев положенный срок, вечером последними из нее уходили. И так каждый день. К нам приезжали тартусцы, к нам иногда приезжали москвичи, были контакты с Суперфином, Димой Борисовым. Но тесный кружок были мы трое и наши друзья, которые не были филологами, — актеры Женя Ратинер и Игорь Хохловкин, а также Боря Равдин, который в те годы служил в армии, но тоже входил в нашу, как это тогда называлось, «кодлу».

ИҮ А вас не пугало, когда вы уезжали, что архивы и большинство людей, знавших Пастернака, здесь, а вы оказываетесь там?

ЕО И да, и нет. Я через всю жизнь пронес любовь к Евгению Борисовичу и Елене Владимировне Пастернак. Но я ни их, ни других людей, знавших Пастернака, не интервьюировал, и встречи были крайне редкими. Кое с кем я встретился тогда, но понял, что не могу положить полученные от них сведения в основу моих занятий. Лучше побольше посидеть в библиотеке или в архиве. К моменту отъезда я покрыл, наверное, все доступные тогда государственные собрания. А в частные я не считал нужным ломиться. Поэтому по пастернаковской линии моя программа здесь была исчерпана.

А что касается жизненных перспектив, то, конечно, никакого будущего в СССР я не видел. Наоборот, чем больше я узнавал об Иерусалиме, тем больше азарта вызывала у меня возможность поездки туда, создания чего-то нового. Поэтому я ехал хоть и с волнением — не провалюсь ли, но с чувством, что в научном отношении это даст мне возможность вырасти.

ИҮ Рассказывают, что Кондолиза Райс, в бытность ее стэнфордским ректором, пыталась закрыть кафедру славистики, но вы ту войну выиграли.

Ἰὰ ἐπίσημὴν ὁδὸν «Ἰὰ ἐπὶ αἰῶν ἡν Ἀἰθιοπία Ἰ ἀνδραγαθία».

Ἰαῖα ἰαὶ ὁαῖ: Ἀεῖ ἂ ἐ Ἀαῖ ἐ ἐ Ἰ ἀνδραῖ ἀε, Ἐαῖα Ὀεῖα ἐ ἰ, Ἐδὲ ἰ Ἀόα ἰ ἰ-Ὀἰ ἐ ἂ

Ἰαῖ Ἰ ἂ ἐ 2001 ἂ ἂ

ЕО Это не совсем точная формулировка. Она хотела не закрыть нашу кафедру, а слить ее с другими. И все эти кафедры против ее идеи воевали и продолжали войну и после ухода Райса в политику, при новой администрации, которая гнула ту же линию. Мы отбивались 15 лет, но два года назад решение о слиянии все же было принято. Я очень тяжело это переживал. Но я тогда работал над статьей, для которой мне пришлось заняться биографией Романа Якобсона. И я увидел, что, как только он приблизился к так называемому «предельному возрасту», когда ему надо было выйти на пенсию, его гарвардскую кафедру, которую с такими усилиями создавали, слили с остальными кафедрами иностранных литератур. И тогда я иначе посмотрел на себя и свои мучения. Я понял, что есть свой внутренний ритм в американской академической жизни, и не мне пытаться его сломать. Тем более что кафедра славистики в Гарварде теперь опять существует автономно, то есть отливы сменяются приливами и наоборот.

ИВ последние годы появились две оживленно обсуждавшиеся книги о Пастернаке — Ивана Толстого и Дмитрия Быкова. Как вы к ним относитесь?

ЕО Работа Толстого оживила интерес к истории публикации пастернаковского романа, и в этом его заслуга. Но меня у него не устраивает разухабистость и журналистичность изложения. Причем я вынужден был прочесть его книгу дважды, и с досадой понял, что это не просто журналистика, а журналистика устная. В ней нет такой старательной работы над словом, которая характерна для людей, привычных к письменной речи, думающих над каждой формулировкой. В радио-беседе можно позволить себе большую раскованность, там выше ценится броскость. К своей теме Толстой отнесся как к легковесной приключенческой истории, которая должна во что бы то ни стало поразить читателя.

Причем он подает как сенсацию некоторые вещи, которые для любого человека, выезжавшего на Запад в 1960–1970-х годах, совершенно очевидны. Например, понятно, что все те книги, которые путешественникам из-за «железного занавеса» давали бесплатно, издавались на деньги правительства. А Толстой связывает это именно с Пастернаком. Или абсолютно абсурдное предположение Толстого, что Нобелевскую премию Пастернак получил только потому, что вышло русское издание романа. Он настолько увлекся своими построениями, что теперь, когда мы публикуем и анализируем документы из нобелевского архива, оказался в смешном положении.

Его работа над «Отмытым романом Пастернака» и моя над монографией «Встреча русской эмиграции с «Докто-ром Живаго»» протекали практически параллельно. Откровенно говоря, я немного потянул с выходом своей книги, чтобы дождаться издания работы Толстого и иметь возможность на нее отозваться. Но я знал основные положения его книги, так же, как он знал основные положения моей, потому что года за два до этого мы выступали с докладами по будущим монографиям на устроенной мною конференции в Стэнфорде и там столкнулись и полемизировали. Я советовал Толстому не спешить, не увлекаться скороспелыми заключениями. Интересно ведь не то, что ЦРУ оказалось замешано в издании «Живаго», а кто в ЦРУ симпатизировал Пастернаку и кто мешал. Ведь кто решал вопрос об издании? Люди, которые ни бельмеса по-русски не понимали. И они должны были сделать очень ответственный для американца вывод — давать деньги или нет. Понятно, что они опирались на мнение людей, которые могли прочесть роман, то есть эмигрантов, которые не обязательно были внутренне близки Пастернаку, не обязательно понимали и любили его поэзию, но поняли значение запрещенной в Советском Союзе книги и значение публикации этого романа. Это не имеет никакого отношения к Нобелевской премии.

Что до книги Быкова, она оказалась намного лучше, чем я ожидал. Надо сказать, что я вообще очень ценю Быкова как поэта, правда, не знаю его как прозаика, потому что у меня нет времени для чтения, я должен себя ограничивать и отграничивать от текущей литературы. Но даже его политические стихи «на случай» — это великолепные поэтические произведения. В политическом отношении у меня бывает много с ним несогласий или скепсиса. Но с его поэтическими выступлениями невозможно не соглашаться, потому что сам по себе механизм поэзии, который там представлен в очень сильной степени, несмотря на то, что, казалось бы, это минутки, заставляет его высказывать истины в такой сложной форме, которая существует только в поэзии.

Его «Пастернака» я считаю книгой очень полезной и очень нужной, насыщенной материалом, в том числе не документированным, а полученным путем личного контакта — то, что я себе всегда воспрещал. Слабость этой книги для меня в том, что там очень большое место отведено личным оценкам пастернаковского романа Быковым-критиком. Он явно не может остановиться, все это выливается у него так же легко и свободно, как его стихи. Это совершенно фантастическая одаренность, но в настоящей строгой науке никто себе такого позволить не может. Хотя к его «Пастернаку», конечно, нельзя подходить как к строго научной книге, а для своего жанра она хороша.

И YA современную литературу вы совсем не читаете?

Е O Когда я поступал в университет, кругом меня все мои сверстники-абитуриенты, которые уверовали в то, что я умный еврейский мальчик, говорили: «Как, ты не прочел “Звездный билет”?» А тогда его все читали. Да, я не прочел «Звездный билет». Я и до сих пор его не прочел, но сейчас никто не ставит это мне в вину. Мне было 17 лет, но я уже тогда понимал, что нужна какая-то хронологическая дистанция. Это не априорное отвращение, просто времени в жизни отведено мало.

ГЕРОЙ СТИЛЯ. ПАМЯТИ АСАРА ЭППЕЛЯ

יָאֵל אֶלְעָאֵנַי אֲדִיאַ, אֶעֱוִי דְאִי עֵוֹאֵל

יָאֶעֱוִי אֶלְעָאֵנַי אֲדִיאַ, אֶעֱוִי דְאִי עֵוֹאֵל

אֶלְעָאֵנַי אֲדִיאַ אֶעֱוִי אֶלְעָאֵנַי אֲדִיאַ, אֶעֱוִי דְאִי עֵוֹאֵל

Аҗааао аааао Аоаіаӧе І аі ааіа

Іаіаеааі а еіоаааір іі саі аоое: «В ааааа і:аіуі ііа сат еі аеӧӧ еоаааоооіе, а оаеаа іаааіааі е, оааооіі, ееіі, ііӧӧе е аіо ііӧӧаі еа 15 еао сат еі арӧӧ іоісіе. І іаеіі ӧеааоуі :оі ӧ іоіоі ііео:аp іо ӧоіаӧ ааіаеуӧаеа». Аоі аp, еі аііі аеаааааоӧ ӧоіі о «іоіоіі о» (ӧеіоаі ааі аа а ооаао аіааоіі о) іааіео ааіаеуӧаеа ііео:ааі е іу, еіааа :еоааі ӧаіоіее ааі оаӧеааіа — «Ооааӧіоp оеоо» еее «Оаі іеіуі і іае аеӧіе». Еаеаоӧӧ, ӧоі ааіаеуӧаеа іо ӧаі іа іоіоаӧа іеӧӧ а е ііоіаеі іӧаіе ӧоеуу — «ӧоеуу ӧііаеу». Іі іаӧііаііі оаеаа е оі, :оі ааі ӧоеуу еіоіоііо іі аіе аааі аі ііӧеаіаа, іаӧіооӧ іа оіоае а :оаіааііе ааіі:ііӧе, іаӧіоаіоаіііӧе, аіеіаіааеӧӧ ааі е, іоааоаіоаіааеіе сатӧоӧі іоісіе. «В аоі аp, ааі іоі:оаііа еіаа-еаі іііp, іеааіаао ӧаіа аеӧіеа Аааао, :оі :еоааоуі аа-оі ооао е іуоіааоуі :оі ӧоа ооаа — оаіе ӧаӧіоаііуе оеоі», — ааӧое іі а оіі аа еіоаааіp. Іі іаааіаее іоіеааііеу Іаооаое, Аіеа-:і, ӧаіеае-а, Аоаоа, Ееіеіаа, оіоеаіаӧеа ааеаау е ӧааӧеа іаӧе Аоаа Еаоаае-а е, еііа-іі аа, Аоуі Ооеуа ӧ Еаіііеуаі ӧоаооіі. Іі іеӧӧе еаааооі е іpееаі е ӧаіаое е оеуу аі, ӧӧа е і:аое, еааеіӧӧ іао оаеіа ааі оа а еоаааоооа еіоіоіе аіе ау іа ііа ӧео Ааао Еӧаае-а

ОӧІАӧ ӧІІАӧВ ІА ІОІІОӧЕІІАӧАІ ААДО

יָאֶעֱוִי אֶלְעָאֵנַי אֲדִיאַ

ОӧЕІІЕІА, ЕЕОАДАООБІ ОЕ ЕВЕОЕЕ

АОАІАӧЕЕ І АІ ААІА Думаю, нет надобности объяснять, почему у литературных критиков часто не складываются отношения с писателями. У тебя с Асаром Исаевичем были достаточно теплые приятельские отношения, с чего они начались?

ІЕЕІЕАЕ АЕАЕНАІ АДІА Наше знакомство с Асаром Исаевичем произошло довольно неожиданно и прошло не вполне гладко. Я написал рецензию в «Дружбе народов» на один из его рассказов, напечатанный в том же журнале, который затем вошел в книгу «Травяная улица». Острая наблюдательность Эппеля, детальное описание останкинского «барачного» быта показались мне натуралистической придирчивостью, мелочностью, свидетельством нескромного отношения к человеку. Потом журнал «ДН»

вручал премии своим авторам. На вечере был Асар Исаевич. Был и я. Узнав, что я и есть тот самый Александров, которому не понравилось описание бородавки, украшавшей одного из героев его рассказа, Асар Исаевич подошел ко мне и спросил, почему эта художественная деталь меня так возмутила. Я попытался объяснить. Асар Исаевич, в свою очередь, тоже стал объяснять, что описания его проникнуты совсем иным чувством. Я понимающе кивал, но по-настоящему осознал его правоту несколько позднее. Как бы то ни было, с этого дня между нами установились нежнейшие отношения.

АИ Как-то мы с Асаром Исаевичем «держали ответ» на радиостанции «Говорит Москва». После передачи уже мне одному Эппель читал свои давнишние стихи. Замечательные. Я спросил его, почему не издает, и он ответил, как бы в шутку, что много лет тому назад познакомился с поэзией Иосифа Бродского.

АА Я помню, как во время Иерусалимской книжной ярмарки, на которую прибыла солидная делегация российских писателей, мы ехали на микроавтобусе, кажется, в Тель-Авив, а может быть, в Хайфу на встречу с читателями. Дмитрий Александрович Пригов, Мария Арбатова, Асар Эппель, Дмитрий Быков и я. Эппель, сидевший рядом с Быковым, полдороги развлекал его своими лимериками. И Быков громко смеялся. То есть слышен был с переднего сиденья только смех Быкова, а стихов Асара Исаевича, читавшего по обыкновению тихо, слышно не было. Так что даже завидно становилось, тем более что я знал — лимерики Эппель пишет замечательные. Как я его ни просил потом, он так и не соглашался на публикацию, предпочитая чтение в узких кругах. Мой любимый лимерик был вот какой: «Разгребли на заводе Бадаева / Неизвестный фрагмент Чаадаева. / Что ни слово, то ять, / Ни ... не понять / И девать неизвестно куда его». Год назад, когда для сайта «Букник» я снимал небольшие пятиминутные интервью с разными писателями, я, разумеется, встретился и с Эппелем. Лимерик про Чаадаева он прочел на камеру. С режиссером Антоном Гонопольским мы даже решили весь цикл назвать «Фрагмент Чаадаева». Но в этом виде наш проект не прошел, хотя интервью с Асаром Исаевичем осталось.

АИ Эппель был один из тех немногих писателей, кто мог без особого ущерба для приятельских/товарищеских отношений честно высказывать свое мнение по поводу того или иного произведения. И дело не только в том, что чаще всего замечания были по существу, кажется, причиной тому удивительная деликатность Асара Исаевича.

АА Необыкновенная чуткость, деликатность Асара Исаевича, кажется, выражалась во всей фигуре его, в какой-то невероятно грациозной и плавной, мягкой походке, в тихом голосе, в чуть ироничной интонации, с которой он рассказывал анекдоты или читал свои замечательные лимерики. Нет, конечно, и в рассказах своих он не был коварным наблюдателем, и руководила им в его живописаниях послевоенного московского (почти подмосковного) быта — любовь. Та же поездка с делегацией писателей в Израиль памятна мне не только лимериками. Мы приехали на встречу. В зале собрались интеллигентные люди, пожилые в основном, — все как будто знакомые лица, которых сегодня так не хватает. То есть при взгляде на них вдруг понимаешь, что когда-то ты этих людей часто встречал в Москве. А сегодня нет. Начался вечер. Публика сразу же стала довольно яростно задавать вопросы Дмитрию Быкову. Пылкость объяснялась просто. Дмитрий Быков, оказавшись в Израиле, сразу же сказал, что считает образование Государства Израиль ошибкой, потому как «соль на то и соль, что должна быть в супе, а не в солонке». Иными словами, пребывать в рассеянии, а не быть собранной в одном месте. Атмосфера накалялась, и тут слово взял Асар Исаевич. Он встал и произнес: «Здравствуйте, дорогие друзья. Прежде всего, я должен вам сказать, что я всех вас люблю». И дальше стал говорить про свою семью, про идиш, на котором в его детстве говорили многие. «А теперь, — спросил Асар, — поднимите руки, кто знает идиш?» Несколько рук поднялось. Но главное — изменилась атмосфера, то есть сразу как-то заметно потеплело, исчезли настороженность и некоторая подозрительность. И все пошло своим чередом.

АИ Что определяло необыкновенное внимание Асара Исаевича к речи и языку?

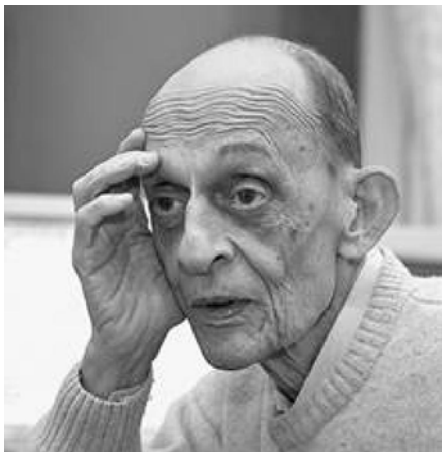
АА Такт и чуткость... В его переводах это сразу бросается в глаза. За примерами ходить недалеко. Скажем, «Люблинский шукарь» — название конгениальное произведению Исаака Башевиса Зингера и, право же, дорогого стоит. Но дело не только в переводах. Эппель остро воспринимал слово — и письменное, и устное. Он был внимательным хранителем московской речи, тут же ловил малейшую ошибку. Удивительное чувство языка, бережное отношение к речи видны в оригинальных рассказах Эппеля. Как-то странно, что его сборники: и «Травяная улица», и «Шампиньон моей жизни», и другие — остались как будто в стороне, на периферии, как будто до сих пор не востребованы, не прочитаны. Может быть, я ошибаюсь, но все-таки успех Эппеля у публики (а он был, конечно, как было и признание) не пропорционален его писательскому дару, его художественному мастерству, его внутренней душевной

деликатности, наконец, которая открывает благожелательность к человеку и благоволение к миру истинного творца.

ΑΒΟΙΪ ΘΟΕΪΟ ΙΑΘΑΕΪ ΪΑΔΑΪΑΪΑ×ΕΕΑ ΪΪ ΪΑΕΒ

ΑΕΕΘΪΔΑΪΕΪΘΑΑ

ΪΑΔΑΪΑΪΑ×ΕΕ

ΑΪ Одним из своих учителей Асар Исаевич считал поэта, переводчика и художника Аркадия Акимовича Штейнберга. Человека-легенду. Бытовавшие рассказы о нем нередко смахивали на предания. Каких только в будущем маститых поэтов и переводчиков не было на этих посиделках/семинарах. Какое место среди них занимал Эппель?

ΑΕΕΘΪΔ ΑΪΕΪΘΑΑ Аркадий Акимович Штейнберг был кладезем разнообразных и неожиданных познаний, но, главное, заражал искусством всех окружающих. Молодые люди вокруг него немедленно становились художниками и писателями — вовсе не думая об этом, а просто существуя, он как-то ломал стену между искусством и неопределившимся человеком. В этом смысле Асару Эппелю повезло, хотя не сомневаюсь, что и до семинара у него был основательный литературный опыт. Сам я семинаров не посещал, поэтому о его роли там ничего не знаю.

ΑΪ Блок писал, что стиль — величина метафизическая, его не выбирают и не меняют, он не куется, но рождается совокупностью жизненных обстоятельств; потеря стиля или смена его ведут к творческой катастрофе, Блоку вторил Бродский. Асар Эппель — «писатель языка», «писатель стиля», творческой катастрофы избежал, но не избежал пересудов. Некоторые критики заявляют, что появлению «своего стиля» Эппель обязан исключительно переведенному им же Бруно Шульцу.

ΑΑ Мне кажется, что именно Шульц нашел (заочно) переводчика Эппеля, человека, который по своим душевным качествам и стилистическим склонностям смог и захотел отдать должное этому писателю, а вовсе не научился у него писать. Эппель начал писать рассказы задолго до того, как напал на Бруно Шульца. Интересно, почему бывает так трудно признать за человеком оригинальность?

ΑΪ Виктор Топоров в очерке «Чистая переводная работа» высказывает мнение, что Эппель был блистательным переводчиком, а прозаиком — посредственным: «Сплошные шифоньерки — одна другой красивее и безвкуснее». Вообще, возможно ли отделить Асара Эппеля — поэта-переводчика от Асара Эппеля — прозаика?

ΑΑ Эппель — переводчик стихов и прозы и Эппель — прозаик, по-моему, неразделимы. Когда его одаренности стало тесно в переводе, он начал писать прозу. Он прекрасен в переводе и своей прозой сильно добавил красочности нашему литературному пейзажу. Исступленная верность точному слову, любовь к выпуклой детали, замечательный слух и юмор присутствуют и там, и там. (В переводе последнее, конечно, по мере надобности, а в своем рассказе он может рассмешить до слез.)

АИ Есть вещи, плохо поддающиеся дефинициям. Не успел уйти из жизни настоящий писатель, как одни его стали называть русским писателем, другие — русско-еврейским, третьи — еврейским. Есть ли выход из этой бесконечной апории?

АА Литература не режимное предприятие, и литераторам пора последовать примеру милиции и отказаться от пятого пункта. Асар Эппель писал на русском языке о жизни в России — он русский писатель. Еврей. Факты собственной биографии — социальное происхождение, среда, национальность, образование, — естественно, сказываются на писательском взгляде. Он впитал русскую культуру и другие — и польскую, и еврейскую, — как и подобает просвещенному человеку.

І І ДААÑÒÀÄĖBĚ ÑÎÁÎÉ × ĂÑÒÛ ÑÎÁÎĂÉ Ĭ ĐÎĈÛ

ĂĚĂĖĂÎ ĂĐĖĂĂĂĖÎĂ

Ĭ ĖÑĂÒĂĚÛ

АИ Сегодня одни поклонники Эппеля считают, что он был счастливым писателем и при жизни в полной мере оценен, другие — напротив, полагают, что Асар Эппель — писатель недооцененный. С кем вы?

ĂĚĂĖĂÎĂ ĐĖĂĂĂĖÎĂ Мое мнение — Асар Эппель был совершенно недооцененным писателем. Прежде всего, Эппель-писатель не очень широко известен читателям, хотя тот, кому случайно выпадало прочесть хотя бы раз один его рассказ, в дальнейшем становился преданным его читателем. Эппеля могли бы читать куда больше, если бы у него была большая вдумчивая критика. К сожалению, таковой критики у Эппеля не было. К тому же часто критики были к нему несправедливы и недоброжелательны. Не был Эппель избалован и премиями. Единственной, в сущности, литературной премией оказалась Казаковская — за рассказ «В паровозные годы». А ведь его симпозиумовский трехтомник: «Дробленный сатана», «Травяная улица» и «Шампиньон моей жизни» — мог бы получить премию «Большая книга». Вообще, Асар очень ревниво относился к критике и к разного рода литературным наградам. Скажу честно, насколько я знал Асара, он тяжело переживал эту свою недооцененность.

АИ Почему Эппель не писал романов? Ведь, наверное, были еще причины, помимо той, что он старался обойтись без насилия над своими собственными устремлениями?

ĂĖ Видите ли, писать романы в той технике, в какой Эппель писал свою прозу, на мой взгляд, было просто невозможно. Это все равно что попытаться вышить бисером государственный флаг, который поднимается над Кремлем. Асар лучше, чем кто-либо, понимал, что попытку предпринять можно, но попытки такого рода, за редким исключением, не остаются в истории литературы. Единственным писателем, кто писал романы в схожей технике, в технике «вышивания бисером», был Платонов. Но на то он и Платонов. Он один. И Асар, высоко ценивший Андрея Платонова именно как мастера прозы, попросту говоря, даже не замахивался на это.

АИ Насколько стиль Эппеля соответствовал его образу жизни?

АЭ Эппель — тот несчастный случай, когда жизненный стиль писателя совершенно совпадает со стилем его литературы. Асар с его манерой горделиво закидывать голову, как люди не очень высокого роста, с его фуляром под бородой, старательно вырезанным воротом, с такой осанкой — грудью вперед, сам представлял собой часть своей прозы.

АИ Мы почитаем Асара Исаевича в первую очередь как мастера рассказа, это был несомненно его жанр, он не только владел им в совершенстве, но и умел ценить рассказы коллег. Не случайно именно Эппелю доверили составлять сборники серии «Проза еврейской жизни». Как вы оцениваете его работу составителя?

АЭ Эту работу, которая стоила ему немало сил, Асар делал с особой тщательностью, впрочем, как почти все, за что брался. Те, кто предложил ему быть составителем серии «Проза еврейской жизни», сделали абсолютно верный выбор: Эппель был не только блистательным писателем, но еще и прекрасным критиком. Его вкус нельзя подвергать сомнению, у Эппеля он был безукоризненным. (Во всяком случае, на мой взгляд.) Асар не привнес ничего инородного в эти сборники — что часто случается, — ничего, кроме оценок качества издаваемой прозы и своего уважения к ней. Хотя я знаю, что кое-кто и упрекал Асара за то, что в публикуемых рассказах мало «еврейской жизни». Но, во-первых, глупо судить за это Эппеля, «еврейская жизнь» не какая-нибудь жизнь в изоляции или на другой планете — это жизнь людей своего времени; во-вторых, Эппель как составитель не мог влиять на написание рассказов, которые писались тогда, когда писались, и так, как писались, а вот отобрать качественно тексты Эппель мог и должен был. Он прекрасно справился с этой работой.

ІАУАІЕАЊІЕІ АУЕІ ІДАСАІЕЕІІ

ЕНАЕВ НОВАДИНАЕУНЕАВ

ІАДААІАХЕЕ

АИ В одном из интервью вы говорили, что самым трудным писателем для вас оказался Сенкевич, роман которого «Огнем и мечом» вы переводили совместно с Асаром Эппелем. Он — первый том, вы — второй. Что вам как переводчику, как человеку дало соавторство с Эппелем?

ЕНАІ ЕВ НОВАДИНАЕУНЕАВ Куда важнее для меня был наш первый совместный опыт. Несколькими годами раньше Эппель, с которым мы были едва знакомы, редактировал мой перевод прозы польского поэта (роман «Черти» Тадеуша Новака). Признаться, я сильно волновалась, отправляясь к мэтру «на суд», пришла, как любил Асар повторять, «ощетинившись», готовая сопротивляться. А ушла восхищенная и очарованная. Поправки все были по существу и очень точные, иногда с забавными комментариями (например, я усадила кого-то доить козу на табурет; Асар на полях рукописи нарисовал скрюченную фигурку, пытающуюся с табурета дотянуться до вымени). Они стали камертоном, настроившим меня на нужную волну. А работая над «Огнем и мечом», мы первым делом определили общую тональность, а потом постоянно обсуждали сложные или сомнительные места, реалии, согласовывали имена (при переводе значащих имен Асар был необыкновенно изобретателен) и в конце придирчиво прочли друг друга.

АИ Язык Эппеля очень узнаваем, его не спутаешь ни с каким другим. Удавалось ли Эппелю-писателю осадить свое писательское «я», когда дело касалось переводов?

КС У Эппеля множество переводов из «разного времени», и, конечно же, в его исполнении у каждого автора свое лицо — вот уж их между собой не спутаешь. Но талант, фантазия переводчика были так велики, что порой «били через край», ему трудно было удержать в себе искрометные находки и, случалось, он дарил их автору (щедро, хотя не всегда заслуженно). Кстати, сам говорил, что его переводческая стилистика близка его же писательской.

АИ Асар Исаевич признавался: «Будучи причастен разному литературному труду, я уверенно могу сказать, что ничего увлекательнее переводческой работы не знаю». Так или иначе, жизнь свою он в первую очередь отдал именно переводам. Какую из переводческих работ Эппеля вы считаете наиболее выдающейся?

ЕН Великая заслуга Эппеля в том, что он подарил русскому читателю «странного и поразительного» Бруно Шульца. И великолепную Виславу Шимборскую. В его поэтических переводах густо рассеяны жемчужины... всего не перечесать. Взять хотя бы эти, кажется, уже общеизвестные, гениальные строки (из Леопольда Стаффа): «Все плещет, все хлещет он, проливень-ливень, / Колотится в окна, тосклив и надрывен, / И катятся капли, и стучают в стекла... / И стекла продрогли... и рама измокла, / И тусклого дня полумрак неизбывен... / И плещет, и хлещет он, проливень-ливень...»

АИ Самая ценная часть багажа художника — это то, чем он отличается от других в искусстве и в жизни. Чем Асар Исаевич отличался от других в искусстве? Какая из его черт вам наиболее импонировала в жизни?

ЕН Чем отличался? Хм... Покажите мне двух неотличимых художников (заслуживающих звания «человек искусства»). Просто перечислю кое-какие черты Асара Эппеля. Мощь и своеобразие таланта, нестандартность суждений, метафоричность речи, трепетное отношение к слову и способность находить самое яркое и выразительное (при том, что запасы таких слов у него были неисчерпаемы), блестящий юмор. И в творчестве, и в жизни. Такое не может не импонировать. Общение с ним было праздником.

*Αδαι ἡ ἱεραειά, +οἱ ὕψαεῦ οαε ἀεααε οαείαι ἐ πῆαᾶ δαι ἀεᾶ, +οἱ ἰδααίσαε ἰ ἱῆαῶ
αἱεᾶ εδοῦῖῖῖῖ ἔ ὑαᾶδῖ ἀγταᾶᾶαεαῖῖῖῖῖ ᾶαδᾶῖ αἱῖῖῖ ἱᾶαεᾶε. Ἰῖ αῖε ἰαῖῖαδᾶαεαῖῖ ὑῖ ἱαδᾶαῖῖ
ἱαᾶῖῖῖῖῖῖ ὀαῖαεῖεᾶ ἔ +αᾶῖῖῖ ὀδᾶεῖεᾶ, αῖῖεαεᾶαᾶ ᾶῖῖῖ ἰ αᾶῖ ἂ ᾶαδᾶῖ ἔεοαδᾶαδᾶῖῖ
ᾶαῖῖ. Ἐῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖ ἔα αεεῖῖ ἱεᾶαεῖῖ ὀαείῖῖ ὀῖῖῖῖ, αῖῖ ὀαῖῖ-αᾶῖῖ ᾶαῖῖῖῖῖῖ «ἰῖῖῖ
ᾶαῖῖῖῖῖ ἔ ᾶαῖῖῖ, ἔ αῖῖῖῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖ «αᾶεῖῖ ἰῖ ὀῖ ἔδᾶῖῖῖ».*

НАШ НЕКРОЛОГ. АСАР ЭППЕЛЬ: ПЕРО ОСТАНКИНСКОЙ ЗАКАЛКИ

*20 óááðáëŷ íà 78-í ááó æéçé á íáííé èç òòíéé-íúó áíéüéó òéíí-áéŷ áíááðúééŷ
í éŷáóáéüé í áðááí-á-éé Áíáó Èŷááé-ŷ Ýííáéü*

Асар Эппель создал уникальный памятник давним своим соседям по Останкино. Благодаря удивительному этому писателю мы узнали об удивительных людях: в начале девяностых годов — о героях «Травяной улицы», первой его книги, к которым позже прибавились герои «Шампиньона моей жизни», «Дробленого сатаны» и последнего прижизненного сборника рассказов, «Латунная луна», финалиста премии «Большая книга — 2010».

Не всем своим персонажам автор дал имена, но даже за безымянными его героями прочитывается родство по останкинскому интернационалу: рядом с евреем живет тат, рядом с татом — русский... Память писателя сберегла для нас эпизоды их по-разному трудной жизни, расцвела ее подробностями, придумать которые нельзя. В своеобразном этнографическом музее Асара Эппеля воссозданы обставленные в духе времени комнаты в коммунальных бараках, откуда утром дети шли в школу, а взрослые на работу и где вечером, перед отходом ко сну, подушки после дневного пребывания в аккуратных пирамидах занимали каждая привычное ночное место.

Корни Эппеля-человека и Эппеля-писателя — там, на останкинских улицах. Его жизненная сила, его чувство юмора, его перо — тамошней, останкинской закалки. К Бабелю, по чьим рассказам он создал искрометное либретто мюзикла «Биндюжник и король», и к Башевису Зингеру, чей роман «Люблинский шуток» он блистательно перевел с идиша на русский, Асар Эппель пришел оттуда — из московской еврейской слободы сороковых—пятидесятых годов прошлого века.

В каком бы жанре он ни писал, Асар Эппель оставался поэтом. «Поэтами рождаются» — это и про него. Прозе, драматургии, эссеистике предшествовали яркие собственные стихи, большая часть которых еще ждет встречи с типографским станком, и волшебные поэтические переводы — главным образом с польского. Переведенные Асаром Эппелем Тувим, Стафф, Галчинский, Ивашкевич, Шимборская — это только XX век великой польской поэзии и начало века нынешнего (нобелевский лауреат Вислава Шимборская тоже скончалась в феврале — на двадцать дней раньше своего лучшего, по ее признанию, русского переводчика).

Польский язык А. Эппель выучил сам: в годы его юности польские журналы были у нас маленьким оазисом свободы. Нельзя исключить, что интерес к польскому возник и благодаря тому, что мать Эппеля, Ревекка Марковна, была родом из Люблина.

Можно услышать, что слава Эппеля-писателя затмила его славу переводчика. Согласиться с этим трудно. Литературная слава Асара Эппеля неделима на отдельные полочки, подтверждением чему

станет книга его избранных переводов из польской поэзии «Моя полониана», до выхода которой — а она выйдет скоро — Мастер не дожил.

Было время, когда тексты сообщений о смерти писателей, появлявшиеся в черной рамке на страницах печати, утверждались в ЦК КПСС. Начинались эти тексты приблизительно так: «Правление Союза писателей СССР с глубоким прискорбием сообщает о смерти...» Далее следовало имя покойного, предшествуемое его официальной характеристикой: «...выдающегося советского писателя имярек...» (варианты: «известного», «видного» и т. д.). Гадать о том, какого из этих эпитетов удостоился бы писатель Асар Исаевич Эпель, будь сегодня на дворе время «развитого социализма», бессмысленно. Никакого — потому что для советской, писательской и партийной верхушки такого писателя не существовало бы. Зачем ей он, большой русский писатель, выдающийся певец еврейской слободы?

Аса́р Исае́вич Э́пель

ВСЕЛЕННАЯ, СОЗНАНИЕ, ЗНАНИЕ

Àéàèñá àð Èéé-ááñéé

Философ Мераб Мамардашвили в одной из своих лекций о феномене сознания приводит историю, произошедшую в Дании с двумя создателями квантовой механики Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом.

Гейзенберг гостил в институте Бора. На закате одного из весенних дней они вышли к берегу моря. Свежий ветер расчистил горизонт, на севере показался мыс шведского полуострова Кюллен. Бор говорил о том, что для датчан море формирует важную черту национального сознания: когда они смотрят в морскую даль, то думают, что доля бесконечности дана им в обладание.

Прогуливаясь вдоль берега, они подошли к Кронборгскому замку, некогда воздвигнутому Фредериком II. Вместе восхищались архитектурой бастиона, его башнями, мостом надо рвом, заполненным водой, деревянной резьбой в часовне, медной кровлей, покрытой зеленой патиной; тем единством, которое замок образовывал с морским ландшафтом.

— Помните легенду о Гамлете, принце датском? — вдруг спросил Бор. — Никаких исторических свидетельств, кроме упоминания о нем в хронике, не осталось. А теперь внимание. Смотрите, что сейчас произойдет. Следите за собственным сознанием. Я сообщаю вам, что предание отождествляет Кронборгский замок с шекспировским Эльсинором.

Гейзенберг вспоминает о своем потрясении. Вроде бы ничто не должно было измениться вокруг после слов Бора, ибо даже неизвестно доподлинно, существовал ли Гамлет и в самом ли деле жил здесь, но тем не менее все вокруг преобразилось. Стены и башни засветились смыслом, по ним поползла тень отца Гамлета. Двор замка вдруг вместил мир трагедии Шекспира, в нем появились подмостки, и актеры на них стали разыгрывать рамочную пьесу «Мышеловка». В комнатах замка зазвучал тревожный монолог Гамлета, и тринадцатое столетие приблизилось вплотную.

Гейзенберг впоследствии часто ссылался на этот проведенный тогда Бором эксперимент с сознанием. В 1920-х годах остро стояла проблема смены научной парадигмы. Новое видение физического мира не укладывалось в сознании ученых. Новое мировоззрение, связанное с открытием микромира, требовало пересмотра основных положений в философии науки. Когда Гейзенберг и Бор вышли к Кронборгу, преобразившемуся в Эльсинорский замок, они обсуждали то, как знание, извлеченное из мира, способно этот мир изменить. Суть обсуждаемой проблемы можно сформулировать так: насколько непредсказуемо содержание мира. Оно выше логики, и от ученого требуется постоянная готовность к открытию в мире связей, несовместимых с привычным мышлением.

Теперь перенесемся в Москву и попробуем провести эксперимент, похожий на тот, что провел Бор над Гейзенбергом. А именно: перенесемся в легендарный район Пресню, особенно памятный по уличным боям революции 1905 года и по тому, что именно здесь Маяковский написал «Облако в штанах».

Для эксперимента нам потребуется описать ландшафт выбранного нами района, прилегающего к Белорусскому вокзалу, в начале Пресненского вала, точнее, в том месте, где он смыкается с валом Грузинским. Необходимо заметить, что обе эти улицы — часть Камер-Коллежского вала — кольца улиц

длиной 37 километров, охватывающих Садовое кольцо. Камер-Коллежский вал и заставы на нем были учреждены налоговым органом — Камер-Коллегией в 1742 году как таможенная граница Москвы.

Так что же окружает этот перекресток, из которого с Камер-Коллежского вала выходит Малая Грузинская улица?

Самое большее, что можно сказать об этой местности, — то, что она типично московская, трудно поддающаяся определению. Устройство ее принципиально нелинейное. Город никогда не строился по плану, охватывающему большие пространства. Вот отчего он похож более всего на улей. Он не проектировался, но лепился, как соты в диком дупле, — по окружности и радиусу. В Москве нет точек выверенной перспективы, вся историческая столица закруглена, срезана, наспигована, даже в самом центре, промышленными, учрежденческими, недоступными пешеходу участками, складами, зонами...

Топология Москвы бесвязная, с провалами, проходами, оградами, и особенно в том месте, которое всего более интересует нас сейчас. Окрестности Белорусского вокзала загромождены товарной станцией и множеством запасных путей, на которых формируются составы, краснокирпичными цехами Завода электромеханических изделий памяти 1905 года, великолепным памятником конструктивизма — хлебозаводом имени В. П. Зотова и забранным за высокий забор со спиралью колючей проволоки заводом «Фазотрон». Этот таинственный завод находится на углу Камер-Коллежского вала и Малой Грузинской улицы, южной границы исторического района Грузины.

По моим наблюдениям, район образует своего рода московские Бермуды, которые не столь страшны, сколь таинственны. Неспроста именно здесь в позапрошлом веке стояли таборы цыган. Близость летних ресторанов и цыганских балаганов с пляшущими медведями к зоопарку и речке Пресне была уместна. Теперь здесь находится самый дорогой и значный ресторан Москвы; из-за его забора летом можно услышать Земфиру, а редкая машина у него останавливается без сопровождения джипа охраны, из которого выпрыгивают с автоматами омоновцы и оцепляют участок переулка, поджидая, пока телохранители в штатском вынут из машины и проведут хозяина этой кавалькады к метр-дотелю. Зоопарк придает местности дополнительную экзотичность: здесь, как в калейдоскопе, собраны осколки обитателей всего земного шара.

Гам, стенание павианов, всхлипы выпи и вопли павлина, уханье шимпанзе, мускусный звериный запах и аромат ячьего помета, иканье лам и чей-то рык много лет сопровождали меня во время прогулок, пока обезьян не поместили в новые закрытые вольеры, и наступила тревожная тишина, которая, впрочем, недавно стала нарушаться волчьим воем.

Я проходил мимо «Фазотрона» двенадцать лет, совершенно не обращая на него внимания, но вот однажды заинтересовался его историей — и был потрясен не меньше Гейзенберга, узнавшего о предании Кронборга.

С архитектурной точки зрения завод этот не представляет никакого интереса. Он состоит из нескольких зданий, большая часть которых скрывается за трехметровой оградой. Создан был в 1917 году для производства альтиметров, измерителей скорости и другой авионики, необходимой для управления самолетом. Изначально назывался «Авиаприбор» и был одним из флагманов отечественного авиаприборостроения, шесть десятилетий выпускал радиолокационное оборудование для военной авиации.

Теперь внимание!.. Вся суть в том, кто этот завод создавал. В революционные годы первым директором его стал выпускник Петербургского университета, математик, физик и метеоролог, летчик-наблюдатель первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов, воздухоплаватель-рекордсмен, создатель динамической метеорологии.

Личность директора «Авиаприбора» была незаурядной и достаточно известной. Однако нас будет интересовать другая сторона его личности, малоизвестная, но уникальная настолько, что позволяет нам повторить эксперимент Бора.

Что знала о директоре «Авиаприбора» общественность? Он был петербуржцем, профессором университета, летчиком-асом, во время боевого вылета которого немецкая фронтовая радиостанция оповещала о приближении его самолета к Северо-Западному фронту. Родился в 1888 году в Петербурге, окончил физико-математический факультет, где стал читать лекции по высшей математике и работать в аэрологической обсерватории. С началом первой мировой войны наш герой ведет занятия в авиационной школе и возглавляет аэронавигационную и аэрологическую службу фронта.

Представьте себе, что мы стоим неподалеку от Белорусского вокзала и видим обыкновенный, довольно унылый столичный пейзаж, криволинейный, загроможденный кирпичными приземистыми зданиями завода авиа-приборов, и вдруг узнаем, что директором и создателем завода, заложившего фундамент в отечественное самолетостроение, был не только легчик-наблюдатель и метеоролог, а автор статьи «О кривизне пространства мира», адресованной самому Альберту Эйнштейну.

Способность владеть научным мировоззрением в масштабах Вселенной давно уже оставила науку. Современная наука страдает узостью. Чрезмерная сложность текущих научных моделей принуждает к строгой специализации. Но это не относилось к нашему герою, увы, рано скончавшемуся — 16 сентября 1925 года, 37 лет от роду, от брюшного тифа.

Его звали Александр Фридман. Он был основоположником современной космологии, автором библейского масштаба модели расширяющейся Вселенной, которая легла в основу теории Большого взрыва. Благодаря Фридману мы впервые получили достоверное представление о развитии и происхождении Вселенной. В 1920-х годах еще было совершенно немислимо представить себе динамическое устройство пространства-времени. Воображение не могло вместить догадку Фридмана о том, что мы живем на поверхности трехмерной сферы, которая раздувается в четырехмерном пространстве. Только полученные впоследствии Эдвином Хабблом данные при наблюдении галактик стали доказательством идеи Фридмана.

На примере Фридмана остается лишь поразиться силой воображения и ума, позволяющих в сотрудничестве достичь такой вдохновляющей мировоззренческой широты — от воздухоплавания до творения Вселенной.

НЕСГИБАЕМЫЕ СОБАЧКИ

עֵיטוֹ אִיִּדְעָה

...Живущий же на небесах Б-г да благоустроит путь ваш, и Ангел Его да сопутствует вам! И отправились оба, и собака юноши с ними.

Товит, 5:17

Na'î lã ïî aḥeḏa'ēu lã ÷o'î aḥu'î á Èḥa'ēá — yoi' yem'adu' ad'aa' i'ay, i'de'aa'ēá i'ḥu'edou' Di'ae'io' yoa'ē i'á i'adu' i'aa'ēu' O' i'eo' i'oi'utē, i'ie' i'ie'it'ú a'ēaa'ā'ōe'y, i'ie' i'de'aa'ēē eç yoi'ē a'ēaa'it'ē i' i'ne'at, a'ēaa'it'ā' i'up-È'ide'a, i'ae'ia, A'ade'ia á nup' i'da'eda'up' i'ae'at'ue'p' noda'it'á o'ae'ou'p' i'ie're'i'î è i'aa'it'. I'ie, aa'u, i'ade'it'ou' ai' i'ic'aa' e'it'oa'ē, á a'aa'it'á — yoi' a'a' ai'î di'ait'ē, di'ae'i' ay' noid'it'ea, i'ie' a'a' o'oo' ai' ç'ap'o, i'ie'i' ap'o' o'ia' a'ua'e'it'uo' i'di'oa'it'ā èi' a'a' i'li'yo'it, ÷o'î i'aa'it' n'aa'ea'ou' ÷o'ia'u' noda'it'á i'ai' a'ae'at'it' n'oa'ē e'ō-ōá Yem'ad, ç'ap'e'i'-e'ae'ēē i'á di'ae'io' i'io'ae'it'aa'ou' i'ai' o' è i'io'aa'ou' o'oi' o'ia, i'de'it'it'at'it' i'oe'e'-aa'ou'ny' i'o' o'ode'it'oa' o'at, ÷o'î o'ode'it'o' i'di'it'oi' ai' e'e'ya'ou'ny' ai'it' o'ed'at'it' è da'aa'ou'ny' i'fat'it' o'ii'uo'ç, yem'ad' a'a' da'aa'ou'ny' è ai' e'e'ya'ou'ny' a'e'it'io'ae'it'oa' È' ai' o'aa'it' ad'at' y' o'it'-a'ou'ny' i'ia'at'it'oe'ou' i'di' yoi'ò e'it'io'ae'it'oa'. I'it' i'ie'it' o'it'ie'eo' i'it'ie'ae, o' i'aa'it' a'it'aa'ou'ē i'it'uo' a'e'e'ç'ē á a'it'ie'ou'it' i'eda' ai' o'aa'ou'it'-ai' n'aa'it'ēou'ē i'it'ou' i'at'at'it'ae'it' i'it'it'it' è n'aa'it'at'ey'it' è i'it'aa'ē'ou'ny'.

А тебе надо отвести младенца в бассейн. Но твоя собака с утра съела- огрызок соседской паштиды из мусорника и теперь даже не меняет позу перед очередным приступом поноса: просто

переползает от предыдущей лужи на полметра вперед; по всей квартире идет интересный орнамент из луж, сделанный как бы Поллоком, но при помощи какой-то удивительно поганого качества охры, комковатой и водянистой. У собаки на лице такое выражение, какое, вероятно, было на самой заре государства у первых поселенцев, прорвавшихся на утлых суденышках к Обетованной земле: отступать некуда, это мой дом, здесь я и умру. Так вот, младенец, мать его (то есть жену твою), хочет в бассейн! Ты уже сказал ему слово «бассейн», отступать некуда, потому что младенец поет, как больной, «ква-ква-ква, цфардеа ерука!» и делает плавательные движения, и пока инструктор по плаванию не двинет его поролоновым веслом по голове, младенец не сочтет гештальт закрытым и не заткнется. Экспату не приходит в голову записать младенца в коляску, вывести собаку удобрять во дворе артишоки, подать тебе сумку с шестьюдесятью восьмью предметами, без которых израильский отец не выйдет из дому. Зато экспату приходит в голову побеседовать с тобой о важном: а что, младенцы в бассейне — это теперь тренд? И что, всегда отцы водят? А в какой пропорции отцы и матери — отцов процентов шестьдесят? Вау! Как интересно все-таки идет симбиоз архаичного восточного уклада и традиционной еврейской гипер-опеки по отношению к детям. И он, экспат, должен сказать, что в этом есть что-то фантастически израильское — «собака отравилась паштидой». В самых разных контекстах. Душераздирающе трогательное. Он должен это записать. Он в Нью-Йорке обязательно расскажет это своим коллегам по кафедре компаративной культурологии, их это тоже умилило. Израиль всех всегда умиляет. Особенно тех, кто здесь не живет.

Отдельное занятие — накормить экспата. Обожемой. Вечер субботы, ты всю неделю питался крекерами с хумусом, мучительно пытаешься загнать хумусную банку в угол между фотографией ребенка и принтером, потому что в одной руке у тебя крекер, а другой ты наяриваешь по клавиатуре. Все, чего тебе хочется, — это белая скатерть, запотевший винный бокал и ризотто, потому что его даже жевать не нужно. Экспат, в отличие от тебя, полон энергии и патриотического умиления. Он хочет в старый Яффо — есть хумус с харисой, какой подают только в «Али Караван». Надо брать порцию и есть на улице стоя. Колорит! Сантименты! Родина дорогая! Килограммовая банка с хумусом его не устраивает — разве это хумус? Это, извините, полухумус. Экспат же настоящий израильтянин, его не обманешь. После «Али Караван» надо тащиться с ним в торговый центр за омерзительными копеечными желевыми конфетами в форме яичницы. У продавца этой гадости глаза на лоб лезут: яичницу не покупают даже нищие бедуины и городские сумасшедшие, она присыпана пылью, как черным перцем. Но экспат когда-то ел эту погань в школе! Чудесные школьные годы! Чудесные кибуцные коровы, которых он один раз видел на школьной экскурсии! У них были такие же припорошенные пылью бока. Это хорошая метафора, надо записать, у нас на кафедре компаративной культурологии такое любят. Экспат пытается дать кусок резиновой сладкой дряни твоему младенцу: кушай, детка, у тебя тоже будет такой трогательный сантимент к родине, когда ты будешь жить в Лос-Анджелесе. Ребенок, к счастью, не дурак и немножко срыгивает на американского дядю. Лучший момент вечера.

Левантский покой тоже вызывает у экспата нежность. Он же в отпуске, в отличие от тебя, ему некуда спешить; все это так интересно, совсем другая логика бытия — там, в Бонне, от нее совершенно отвыкаешь. От ее медлительного обаяния. Тебе надо дойти до офиса телефонной компании и дать там кому-нибудь в глаз, потому что тебе постоянно приходят счета соседа, а ему — твои. Это потому, что вас обоих зовут Алекс, а бабка, которая занимается в телефонной компании счетами, не любит смотреть на фамилии, это кажется ей каким-то бездушным подходом (да, да, запиши, козел, запиши, не мешай только машину вести!). В офисе телефонной компании работает ровно один человек, перед ним сидит другой человек, они по очереди берут с демонстрационного стеллажа каждую, каждую модель телефона, и покупатель спрашивает продавца: «А в нем есть меню на иврите?» — «Есть, есть!» — «А в этом есть меню на иврите?» — «Я же сказал тебе, во всех есть!» — «И в предыдущем есть?» — «Есть, ты что, идиот, ты что, иврита не понимаешь?» Экспат умилен до потери контроля над собственной мимикой, у него уже пальцы от записывания свело, но ему же, в отличие от тебя, некуда спешить, он же хочет поучаствовать в настоящей левантской беседе: «Вы же знаете, ребята, как это у нас в стране: написано, что есть меню на иврите, а дальше как Б-г пошлет. Бе-эзрат а-Шем. Йом хаса, йом баса. Рак ше-нийе бриим» — и так далее, все присказки, которые есть в иврите. Экспат в этот момент испытывает единение с корнями. Ты в этот момент испытываешь смертную тоску и какое-то ощущение богооставленности — тем более что от экспатской реплики продавец и покупатель забыли, на каком аппарате остановились. Им приходится начать все сначала. У тебя десять минут назад закончился обеденный перерыв. «Так, значит, в этом вот телефоне есть меню на иврите?» — «Да во всех есть! Да чем же ты слушаешь, болван! Во всех есть меню на иврите!» — «И в синем тоже есть?» — «А-а-а-а, маму твою туда, и сюда, и так и сям!..» — не выдерживает продавец. Покупатель белеет лицом: «Как ты можешь такое говорить? Как тебе не стыдно такое говорить? Это же не только моя мама, это же и твоя мама! Как тебе не стыдно такое говорить про нашу маму?!» Записать! Записать скорее!

Единственный способ утихомирить экспата и привести его в нормальное человеческое состояние — сделать так, чтобы он приехал на родину не в отпуск, а по работе. Чтобы ему тоже

понадобилось что-нибудь аккуратно, срочно, разумно сделать. Не просто по любви, а как-то по-человечески. Чтобы ему, например, понадобилась таблетка от головной боли. «Извините, в вашей аптеке есть такая-то таблетка?» — «А что у вас болит?» — «Голова». — «А где?» — «Вот тут». — «Разлитая боль или острая?» — «Разлитая, а вот тут, в середине, вроде как острая». — «Хм... А внезапно началось или медленно подступало?» — «Вроде медленно... Простите, мне бы таблетку, а то очень много работы и уже пора...» — «Да мы не аптека, мы только витаминами торгуем. Я просто очень вам сочувствую». Пусть у экспата будет ремонт, обеденный перерыв, ребенок, орущий про «цфардеа» и норовящий стукнуть смиренную, настроенную терпеть реальность такой, какая она есть, поносную собаку порононовым веслом по голове, стоит вам отвернуться; банк, в котором все ему говорят: «Ой, здравствуйте, Ицик! Как ваши дела? Как ваша тетя, выписалась из больницы?» — хотя его зовут Алекс и они потеряли его номер счета. Пусть-ка поживет на родине — посмотрим, как долго он будет все записывать. Небось быстро перестанет. Небось научится, поганец, родину любить — не как гость, а как положено нормальным людям: со страстью, с преданностью, с ненавистью, с отвращением.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: НАШ ФОРУМ

אַיִן עֵשֶׂה דִּי אֵי אִנְשֵׁי:

«אֵי אִנְשֵׁי אֵי אִנְשֵׁי» יְדִוּעַ אֲבָרָא. אֵי דֵּנְאִי עֲדַעִ אִנְשֵׁי, 1900-1950

2012.2

MICHAEL YUDANIN, [facebook.com/profile.php?id=523713522](https://www.facebook.com/profile.php?id=523713522) По избытию фактов статья тянет на университетский реферат. А по тенденциозности — увы... Факты подаются исключительно «определенного сорта». Не зная контекста, трудно оценить их по достоинству. Антисемитизм в первой половине XX века в США был менее распространенным явлением, нежели расизм по отношению к другим этно-религиозным группам.

Автор как-то поверхностно отнесся к тому факту, что антииммигрантские настроения имели не только и не столько расовую, сколько гражданскую подоплеку: многие в США опасались, что люди, воспитанные в монархическом или революционно-анархическом обществе, привезут с собой соответственные нормы поведения и похоронят американскую республику как демократическое государство. Покупка голосов избирателей, коррупция власти и пр. За примерами подобного рода не надо совершать экскурсии в историю. Один взгляд на политическую жизнь современного Израиля, законопроекты, выдвигаемые «русскими» депутатами кнессета, позволяет понять подобные опасения. Антисемитизм не уникален. Это лишь один из подвидов болезни ненависти. В США эта болезнь была и есть, но не приобретает масштабов, характерных для других мест, — как 50 лет назад, так и сегодня.

איִדִּיעַ אַיִן

Я, мама Ромы Ширяева Эмма, на данный момент нахожусь вместе со своим сыном в Екатеринбургском детском онкологическом центре. Обращаюсь к вам с просьбой о помощи, как мать ребенка, которому поставлен страшный диагноз — лейкоз. В течение семи лет вместе с медицинскими работниками онкологического отделения Областной детской больницы г. Екатеринбурга я боролась за жизнь и здоровье своего ребенка. Трагедия заключается в том, что все проведенное лечение за данный период не принесло никаких результатов. Болезнь вернулась. У моего ребенка остался последний шанс, чтобы выжить! Этот шанс не может быть реализован в условиях больницы, где на данный момент находится мой сын. Единственную возможность спасти и вылечить сына предоставляют сотрудники клиники «Хадасса» в Израиле. Я не хочу мириться с тем, что мой сын не проживет счастливую жизнь, как все обычные люди. Как мать, находящаяся в безвыходном положении, которая в любой момент может потерять своего сына, прошу вас, ПОМОГИТЕ! Без вашей помощи в сборе материальных средств на лечение Ромы мой сын не выживет.

Сама я еврейка, по маме и по папе. Рома до болезни учился в Екатеринбургской еврейской гимназии «Ор Авнер». Окончил 10 классов. Посещал синагогу и принимал участие в жизни еврейской молодежи в школе.

Мой телефон: 8-950-1908433

Получатель платежа: Благотворительный детский фонд «МЫ ВМЕСТЕ»

וְאֵלֶּה «עֵי אִנְשֵׁי אִיִּי»
(אִי) «וְאֵלֶּה»
דִּי-אֵי: 4070381031600000063
עֵי-אֵי: 3010181060000000941
עֵי: 6670210124 עֵי: 667001001
אֵי: 046568941

יְדִוּעַ אֲבָרָא: אֵלֶּיךָ דְּאֵי דְּאֵי וְעֵי אִיִּי «יִוּאִי אִנְשֵׁי»
אִיִּי «וְאֵלֶּה אֵי דְּאֵי וְעֵי אִיִּי» אֵלֶּיךָ דְּאֵי

ð/ñ-àò: 40703810962130000025
é/ñ-àò: 3010181090000000795
ÈÌÌ: 6670210124 ÈÌÌ 667001001 ÁÈÈ: 046577795
Í àèì áí íááí èá í èàòáæà:
Áéääò áí ðè ò áéúú ú é áí í ñ

Áæþ ò í ú é ñ-àò: Correspondent Bank COMMERZBANK AG FRANKFURT/MAIN, GERMANY. Cur:
EUR. SwiftCode:
COBADEFF. Account N: 400886875400 EUR. INTERMEDIARY. ACCOUNT WITH INSTITUTION THE
URAL BANK FOR RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT, EKATERINBURG, RUSSIA
SWIFT CODE: UBRDRU4E
ACCOUNT: 40703978862130000025
BENEFICIARY Áéý Óèðýáää Ðíí ú

P. S. Íà í íí áí ò ñá-è í ñí áðà á íá-àòú í íýáèèáíú èí óí ðí àòéý í òíí, ÷ òí Óèðýáää í Ìéó-èèè èçðáèèíííá áðáè-áíí ñò áí è 21 í áððà ðæá áúúó á Èçðáèèá, áíá í áéú-èéó í ðáííðíèð èá-áí èá á èèéí èá «Óáááííí». Í Ìéá í áèçáíðíí, áúúò èè èá-áí èá ááí èá ò í ú. Í ú ñí áú èí ÷ èò àò áéýí í í áíí ò è í òí áá èá-áí èý Ðíí ú Óèðýáää.

ЗАЛМАН ШНЕУР

Á áééææéóáá áááŷ á éçááóáéúúóáá «Éíéæíééé / Óæíó» áúóáéó á íáóó íáúóíéé dáííéáçá Çæí áí á Óíáóá «Óééíáóú». Í ú óæá íóæééíáæé dáííéáçú éç áúóáŷúááíŷŷ éçááíéŷ (íŷ .. 2010, ¹ 9). Í óáééááááí áí éí áí éþ ÷éóáóáéé áúá í áéíéúéíéí dáííéáçá

Í ÁDÁÁÍÁÑ ÈÄÈΘÀ ÁÄÈÄΘÈΒ ÁÚÌ ΘÈΘÀ

ХОДЯТ «НА УГОЩЕНИЕ»

1

И на Пейсах ходят «на угощение». Но праздники с самыми большими «угощениями» - это Суккес и Симхас-Тойре. А «угощение» в Шклове — это, да будет вам известно, такая штука, которая определяет отношения между родственниками в течение всего следующего года. Все зависит от того, когда приходят «на угощение», как приходят, сколько съедают, пробуют ли ото всех яств или только от некоторых, кривят ли родственники носы при виде того или иного блюда или нет. И вообще, в этом деле все измеряется очень чутким прибором, настоящим «угощёметром». И не дай Б-г пропустить угощение у близких родственников или не прийти на ответное угощение. За такое не расплатишься ни на этом, ни на том свете. Можно и рассориться, по крайней мере, до следующего Рош а-Шоне[1]. Короче говоря, если вы человек миролюбивый, лучше вам беречь традиции угощения как зеницу ока: от всякого блюда попробовать, посмаковать все кушанья и закуски, даже если они уже в горло не лезут.

Но тот, кто считает, что сходить «на угощение» к нескольким шкловским родственникам подряд — дело простое и приятное, простите, глубоко ошибается. Шклов — это вам не Минск... А шкловское угощение — это не минское угощение. И шкловские родственники — это не минские родственники. Мы приведем в качестве примера меню одного угощения у одной только тети Фейги, которое она предлагает дяде Зяме, тете Михле и их единственному сыночку, чтобы они «перекусили», и по нему вполне можно будет сделать вывод о всех других угощениях, с которыми приходится расправляться за один праздничный день.

Сразу после произнесения шеакол[2] или бейре-при-агофен[3] стойкий шкловский родственник должен закусить увесистым куском медового лекеха. Медовый лекех бывает двух сортов: ржаной и пшеничный. Ржаной лекех темный, как шоколад, жирный, тяжелый и сытный, а пшеничный — посуше, полегче и посветлее. Но оба тают во рту и вкусно прилипают к нёбу. И тот, кто хочет выполнить заповедь родства по всем правилам, должен обязательно попробовать оба сорта. Только после этого можно по-настоящему выпить и закусить ломтем яичного печенья, воздушного и подрумяненного, которое одним махом впитывает полстопки водки. Вот какую притягательную силу заключает в себе шкловское яичное печенье! Затем закусывают хрустящими медовыми тейглех, посыпанными маком и нарезанными вкось, так что шарики теста, как зубы, весело скалятся на вас из потемневшего меда: «А ну-ка кусните нас, а ну-ка справьтесь с нами!» Справьтесь только с большим куском свежих медовых тейглех, и дальше дело пойдет веселей. К вам пододвинут шарики из лесных орехов, отваренных с изюмом, затем — отваренные с черносливом грецкие орехи, которые тонут в темном медовом сиропе. Затем — не хватайте!.. Затем пряники из имбиря, меда и мацовых фарфелех[4], оставшихся с Пейсаха. Затем сахарное печенье, свернутое, как конверт для младенца, с начинкой из сладкой корицы. Затем апельсиновые корочки на шкловский манер, то есть красивые кусочки плавают в зеленоватом сиропе вместе с разрезанными пополам ядрами миндаля. Одно удовольствие: что смотреть, что пробовать — двух мнений быть не может! Затем варенье из тертого хрена, из редьки, нарезанной соломкой, и из ломтей свеклы, сваренной с медом и имбирем. Это вершина шкловских праздничных вкусов! Кто не пробовал это варенье, с тем и говорить не о чем! Затем тугая пастила из черной смородины и крыжовника, сваренная с большим количеством сахара и пряностей, нарезанная на длинные ломтики и посыпанная сахарной пудрой, якобы для того, чтобы ломтики не слипались... Только для этого! Но на самом деле это просто выражение рафинированного гурманства, потому что сахар лежит на пастиле, как густая изморозь, и вкусная чернота выглядывает из-под голубоватой белизны притягательно и соблазнительно сладко. И надо ослепнуть и лишиться вкуса — нашим врагам такое, — чтобы удержаться и не ухватить полную пятерню эдакой вкусноты... Вот вам перечень сладких закусок. Не забудьте же всего отведать, и если вы, как честный человек, не захотите опозорить тетю Фейгу, то воспримете языком целую гамму праздничных вкусов.

А теперь — йаамейд!^[5] Бесконечная шеренга маринадов и холодных закусок, кислых и соленых.

Во-первых, маринованная селедка кусочками, плавающая в собственном мутноватом рассоле и обложенная лавровым листом и луковыми колечками. Кусочки маринованной щуки наполняют стол своим ароматом. На срезе они белые, как сыр, а шкура — аппетитно-голубоватая, так как каждый кусочек лежит в чем-то вроде прозрачного студенистого желе с кружочками лимона и приправами. А вот тонущие в уксусе, сахаре и перце маринованные тоненькие огурчики, из тех, что собраны последними. Они очень полезны для здоровья, вы обязательно должны отведать парочку. Они разгоняют желчь, приободряют, готовят место для других закусок. Потому что, не забудьте, нам предстоит еще закусить рубленным яйцом со смальцем, а также холодными шариками из вареного карпа в луковом соусе. И не забудьте, что мы еще не притрагивались к холодным куриным пупкам. И если вы не хотите, чтобы на вас дулись, нужно во все, что есть на столе, потыкать вилкой, все отведать. Честное слово, лучше лишний раз облизнуться после таких вкусов, чем нажать себе врагов...

Я вижу, что вы уже собираетесь произнести «длинное благословение»^[6], встать из-за стола и откланяться. Ерунда какая! Сядьте. Извините, дорогой родственник, что вы голодным сидите. Сейчас подадут горячее. Тсс! Вот уже несут, прямо из печки. И я узнаю каждое блюдо по запаху. Во-первых, кусочки рубленого куриного белого мяса в пряном коричневом соусе. Затем гогелех. Это шкловский деликатес. Гогелех делают из тертой пареной свеклы, взбитой с яйцом и крошеной халой и поджаренной на курином смальце. Райский вкус! Напоминает жареные телячьи мозги, только намного, намного вкуснее. Ну а теперь горячие куглы, нарезанные ломтями: кугл из манки с изюмом, кугл из лапши, кугл из поджаренной муки со шкварками, их называют еще «замерзшие куглы», потому что от них совсем не идет пар и они кажутся остывшими. Осторожнее, родственник! На самом деле в них столько жару, что опасно для жизни! Их прокалывают вилкой и дуют на них, пока они немного не остынут. И только после этого вкушают с особыми, праздничными «уф-уф-уф», полными пара и мирских радостей. Ну а где же оладьи, и как поживают фаршированные шейки? Не могу больше — скажете вы! Не поможет! Горячее — это суть угощения. Только горячее пахнет настоящим праздником и возвышенным искусством тети Фейги. Я вам советую, соберитесь с силами и все попробуйте. А если вы, не дай Б-г, не справитесь, тетя Фейга может подумать, что вам что-то не понравилось, что вы бы с удовольствием перекусили чем-нибудь другим... И из бездонной печки сейчас же начнут маршировать новые пузатые горшочки, чугуники и кастрюльки, наполненные ароматным цимесом, жареными гусиными ножками, кусочками тушеного языка... Короче, лучше сразу попробуйте то, чем вас потчуют. Может быть, тетя Фейга сжалится над вами и оставит пузатые горшочки стоять в печи под их слишком тяжелыми чугунными крышками, не без лихости надвинутыми на спрятанные под ними яства...

А чтобы вам лучше елось, вот вам совет: время от времени прихватывайте освежающую сливу, замаринованную в пряном уксусе, или кусочек вареной груши с брусникой, они же стоят тут, рядом с вами на столе. С горячими медальонами из белого куриного мяса они идут совсем неплохо, а кому не нравятся мясные блюда «без ничего», тот может заесть круглой яичной булкой... Неплохо, к тому же не надо утираться. Тетя Фейга тоже так говорит.

Ну, конечно, многие закуски любят, чтобы их смачивали, так что не забудьте отдать должное настойкам и попробовать и простой шестидесятиградусной водки, и ароматного девяностоградусного спирта, оставшегося с Пейсаха... Ну, вишневка — это вишневка. И померанцевка, которую тетя Фейга настояла на пуримском апельсине, — это померанцевка. И зубровка, настоящая на лесных травах, — это зубровка. Вы не уверены? Что значит — не уверены? Это бабы закусывают, но не пьют. Они пьют только смородиновую и морщатся от ее «крепости». Тоже мне крепость! Пусть себе морщатся на здоровье! А мы примем по капельке, а потом повторим — настоящей, семерной очистки горячительной изюмной водочки. И давайте выпьем с добрыми пожеланиями. Лехаим, родня! Дай Б-г, чтобы, чтобы, чтобы...

Я вижу, вам очень хочется пожелать, «чтобы мы уже, в добрый час, встали из-за стола, избавились от шкловского угощения и животы наши остались невредимы»...

Но это не поможет. Торжество — это торжество. И никто не хочет нажать себе врагов. Так что думайте себе, что хотите, но вслух желайте, чтобы мы через год дожили до праздничного угощения не хуже нынешнего. И скажем: «Аминь!»

И давайте учиться у дяди Зямы, потому что именно это он желает и самому себе, и тете Михле, своей жене, и Ичейже^[7], их единственному сыну, когда тетя Фейга так отменно потчует их сладким, и

холодным, и горячим. Дядя Зяма, обращаясь к тете Фейге, умудряется даже соответствующим образом подшучивать над каждым блюдом:

- Ну, золовка, вот теперь мне сладко!

Золовка, пссс!..

- Мне холодно, золовка! Мне жарко! Мне солоно!

- Золовка, ай-яй-яй!

А про маринованные сливы он каждый год шутит одинаково:

- Пока сладкое и кислое дерутся, я получаю удовольствие!

Но, когда гости чуть живые выходят из Уриного дома и направляются восвояси, лица у них вытягиваются. Тетя Михля, самая слабая в семье, первая начинает шупать у себя под ложечкой. Она икает и очень тихо говорит, что тетя Фейга, чтоб она была здорова, ее убила... Просто взяла и зарезала...

А Ичейже, ее единственный сын, добавляет: ему, напротив, намного лучше. У него в животе маринованная селедка всего лишь поссорилась из-за гогелех с отварной щукой. Ах, нет, что это он говорит? Это в нем телячьи мозги препираются с куриной шейкой из-за медовых тейглех... Кто может знать наверняка. Вот они пихают его в бок! Вот-вот, теперь он понимает, что значит ваисрейцецу[8]...

Сам Зяма, слава тебе Г-споди, едок опытный, основательно поднаторевший в угощениях. Ему, конечно, давит повыше брючного ремня, но дядя Зяма молчит. Однако, как человек практичный, подмечает, что супруга и сын что-то слишком расшутились. Он боится, как бы из их шуточек не вышло чего-нибудь по-настоящему нехорошего, как бы эти шуточки не кончились слишком серьезно. Он думает о том, как бы подбодрить полуобморочных членов своей семьи и помочь им переварить угощение, однако не находит ничего лучше, чем напомнить им о своих трех сестрах: Блюмке, Этке и Марьяшке, которые с ним в ссоре, и поэтому его, дяди-Зямина семья, слава тебе Г-споди, избавлена от девяностотарелочного угощения еще в трех домах.

— Не расстраивайся, — говорит он, — Михля! Ури, Фейге и их сыновьям завтра предстоит как следует поработать. Можешь сказать гоймл[9] за то, что три другие твои золовки на нас в обиде. А тебе, Ичейже, не следует думать о жирных гогелех. Лучше подумай о маринованных огурчиках, о квашеных лимонах, о нашатыре...

Говоря так, то есть заговаривая зубы, дядя Зяма подбадривает своих до самого дома и, наконец, вместе со всей ослабевшей семейкой спасается в воротах. А что там происходит, это уже не наше дело.

2

Прав дядя Зяма. Урины гостевые страдания гораздо тяжелее. Со своими сестрами он, к величайшему сожалению тети Фейги, не в ссоре. Он моложе двух своих братьев. Он человек ученый, воспитанный. Он по характеру мягче Зямы, тот ведь грубиян, простой скорняк... Он, Ури, не обидит сестер, особенно старшую, Блюмку-высокую, вдову, не дай Б-г, он ведь помогает ей и ее двум сиротам. Даже с риском для жизни Ури не откажется от ее угощения. А поскольку две младшие замужние сестры живут в соседстве со старшей, в их наследственном доме, Ури тоже придется зайти к ним «на угощение». Пиши пропало.

Наступает второй день праздника, и после молитвы дядя Ури начинает потихоньку вздыхать, понемножку охать. Он идет домой в задумчивости, сдерживая шаг, как раскаявшийся, как человек, которому вскоре предстоит рискнуть жизнью, пересекая реки крепких наливок и взбираясь на горы тортов и маринадов.

Придя домой, дядя Ури прямо в пальто делает кидуш в сукке, пригубливает для приличия чуть-чуть вина и съедает немножко торта. Потом снова вздыхает и начинает мобилизацию сыновей: Велвла, который уже учит Гемору, Файвки-сорванца и младшенького — Рахмиелки. Он заранее знает, что большого

удовольствия ему от них не будет, что гораздо проще, чем тащиться к сестрам с целой ватагой детей, было бы оставить их дома. Но как быть? Он не столько думает о праздничных удовольствиях для детворы, сколько о том, что они помогут ему съесть угощение. Трем угощающим тетям придется волей-неволей заняться тремя дорогими племянницами, а тем временем их родители смогут у каждой из них проскочить мимо пяти-шести закусок. В таком тяжелом деле и это неплохое подспорье. Ничего, в том, что касается лакомств и вкусов, он может положиться на всю честную компанию, и Б-г в помощь.

Тетя Фейга прикалывает к парикку свою праздничную шляпку, очень красивую шляпку из голубого атласа, черного крепа и проволоки, в форме бумажного кораблика. Кораблик нагружен редисками, разными ягодами и виноградом, нанизанным на проволоку. А из винограда высовывается утиная головка на золотисто-зеленой шее и с желтым подклювьем, свисающим на лоб — на тети-Фейгин лоб. Сделает тетя Фейга резкий шаг — тут же закачаются редиска с виноградом, утиный клюв слегка раскроется, а стеклянные зеленые глаза глянут испуганно:

- Не так быстро, тетя Фейга! Дай дух перевести!

Вот так празднично принаряженная семья отправляется на угощение. Папа с мамой посередине, младшенький крепко держится за маму, а Велвл и Файвка — рядом с папой. Идут спокойно, но чувствуется некоторая озабоченность. Тетя Фейга идет с поджатыми губами, а дядя Ури — со смущенной улыбкой под усами, будто хочет сказать: «Бывают вещи и похуже, Фейга, жена моя...»

Они шагают к рынку, где в большом доме, доставшемся в наследство от деда, да покоится он в мире, живут Бломка-высокая, Марьяшка-короткая и Этка-средняя. Дед, реб Хаим, да покоится он в мире, не хотел отпускать дочерей на чужбину. Выдав замуж очередную дочь, он сразу пристраивал к старому дому новый флигелек. Две или три бревенчатые стены вырастают на старом срубе, как желтые грибы на почерневшем от ветра и дождя трухлявом пне... Крышу покрывают дранкой, прорубают между старым и новым жильем дверь в глухой стене, и живите себе, доченьки, до ста двадцати лет вместе!

Только к печи, которая занимает треть старого дома, никогда не притрагивались, чтобы не было беды [\[10\]](#). Ею все три замужние дочери владеют совместно.

Вот к этой-то трехквартирной колонии замужних сестер и шагает дядя Ури со своей семьей, чтобы отработать каторжный труд угощения и выполнить долг перед каждой сестрой в отдельности. Кто на самом деле доволен происходящим, так это три сына. Они знают: все будут ходить из двери в дверь, поздравлять друг друга, лакомиться, объедаться вкусовыми. Они шагают, пританцовывая, надувают щеки, а потом «лопают» их... Но дядя Ури раздражен:

- Вы мне будете ходить как люди, вы мне!..

Увидев такую процессию из пяти человек, идущих на угощение, соседи высовываются из окон, умиляются и делают комплименты, так чтобы тетя Фейга и дядя Ури слышали:

- Чудные дети... Прекрасные, такие милые...

В действительности они очень хорошо знают Уриных сорванцов, этих околачивателей груш, побивателей свиней, пугателей кур, преследователей козлов и похитителей репы, и только делают вид, что понятия не имеют обо всех этих «добродетельных поступках». Сегодня праздник, на сердце хорошо, так отчего бы не доставить удовольствие соседям...

- Вы слышите, — говорит очень довольный в душе дядя Ури, - вы слышите, что говорят? Смотрите же, чтоб это было правдой!

Но тетя Фейга весьма сдержанна и недоверчива, она знает соседей лучше, чем дядя Ури. Она трясет уткой надо лбом и редисками на шляпе и кривится:

- Так я им и поверила...

Меламеды, и тот, который учит младшего, и те, с которыми старшие мальчики уже учат Пятикнижие и Гемору, стоят у дверей своих опустевших хедеров. Кажется, что их отдохнувшие лица тают от удовольствия при виде учеников, шагающих в праздничных костюмчиках между папой и мамой.

- С праздником, реб Ури! С праздником, хозяйка!

- Отвечайте: с праздником! - сердится дядя Ури на сыновей.

- С... с... с праздником! - хором отвечают «хорошие» ученики и краснеют. Но в душе они очень недовольны папиным уроком вежливости и думают про себя: почему это мы должны отвечать? Отвечал бы сам!..

Так, сопровождаемая торжественными приветствиями и цветистыми речами, семья дяди Ури шагает при всем параде по узким улочкам до самой рыночной площади, до большого наследственного дома дедушки реб Хаима, да покоится он в мире.

ОТ ТЁТИ-К ТЁТЕ

1. О О"ОЕ АЁР І Ū

На дедушкином крыльце, высоком крыльце без перил и с подковой на нижней ступеньке, стоит тетя Блюма-высокая, старшая сестра дяди Ури, и ждет гостей на угощение. Она ставит ладонь козырьком над глазами, здоровым и косым, и видит дядю Ури вместе с его семьей. Но встречать гостей радушной улыбкой не в ее природе. Она вдова, и у нее претензии ко всему свету, а больше всего к Ури. Ури ее содержит. Так к кому же у нее должны быть претензии, как не к нему? Она поджимает ниточкой свои тонкие губы и встречает брата и тетю Фейгу гримасой:

- Доброго праздника, доброго года! Я уж думала, вы не придете.

Тетя Фейга понимает из этих слов, что метят в нее. Ее, кажется, подозревают в том, что она уговаривает Ури не ходить к сестре на угощение, так же как не ходит дядя Зяма... Фейга вскидывает голову так, что дрожат цветы на шляпке, и тоже хочет сказать колкость. Но косой взгляд Ури удерживает ее. Фейга и сама видит, что вдова заряжена ради праздника, как ружье, специальным праздничным порохом. Чуть что не так, она сердится и «стреляет»... Фейга срывается на своих детей в новеньких пальто:

- Где ваше «доброе праздника»?

- Доброго праздника! — вместе выпаливают старшие мальчики: и тот, который уже учит Гемору, и Файвка-чертенек. А младшенький запаздывает. Он смущенно пищит свою долю приветствий, когда все уже отпоздравлялись:

- До... Доброго праздника!

Этот писк слегка разгоняет тучи, которые уже начали было собираться над дедушкиным крыльцом. Тетя Блюма милостиво улыбается, поворачивается и торжественно ведет за собой все семейство дяди Ури. Сперва сыновья Ури в тысячный раз дивятся на подкову на нижней ступеньке. Затем они подхватывают полы своих слишком длинных пальто и взбираются на крыльцо. Все входят в большую столовую, слегка дуясь, придавленные вдовьим гонором и сухостью ее приема. На столе уже стоят подносы со всевозможными яствами. Из-за приоткрытой железной заслонки мрачно выглядывают три шеренги горшков. Каждая шеренга принадлежит одной из сестер. И из каждого горшка нужно попробовать. Ури вздыхает и спрашивает вскользь, дипломатично:

- А где же Марьяшка? А где Этл?

Тем самым он хочет намекнуть, что было бы весьма разумно расправиться с угощением всем вместе. То есть... Все-таки один дом, одна семья.

Но Блюма-высокая раскусила его и поджимает губы:

- Еще успеешь их увидеть... Садись, Фейга! Садитесь, дети, снимайте пальто. Ури, говори благословение!

Ури хладнокровно сбрасывает пальто рукавами назад на высокую спинку старого, обитого кожей стула, на котором обычно сидел их отец, да покоится он с миром. Он наполняет из графина большой серебряный кубок, украшенный кавказской чернью, тот самый кубок, который достался Блюмке в наследство от отца, да покоится он с миром. Потихоньку наливает из графина и заводит «бам-бам-бам»^[11]. На сердце у него не слишком весело. Ему до сих пор досадно, что этот кубок после смерти отца забрала себе Блюмка. Кубок для кидуша принадлежит сыну, а не дочери. Но она же вдова. Вот он и промолчал. Зяма сердился. Он нет... Кроме того, он в душе немного побаивается больших круглых подносов со сладостями и холодными маринадами... У кого хватит сил все это съесть, чтобы умиротворить Блюмку-вдову? Хасидским «бам-бам-бам» он хочет отогнать от себя дурные мысли, которые вызваны дурным побуждением... С помощью «бам-бам-бам» он подбадривает себя перед битвой с большими, плотно заставленными подносами. «Бам-бам-бам» означает: «С Б-жьей помощью... и это преодолеем...»

Ури уверенно ставит на четыре вытянутых вперед пальца наполненный кавказский кубок, придерживает его большим пальцем, раскачивается и произносит благословение. Кубок прочно стоит на ладони. Ури раскачивается, но из кубка не проливается ни капли. Только настоящий хабадский хасид может так искусно управиться с полным кубком. Ури отпивает и спокойно ставит кубок на стол. И тут перед его испуганными косыми глазами начинает вращаться первый поднос — со сладкими закусками...

Немцы считают, что великий театральный маэстро рабейну^[12] Рейнхардт^[13] первым применил вращающуюся сцену, чтобы сэкономить время и дать пьесу в любом количестве картин... С этим можно поспорить! Еще до того, как этот гаон^[14], этот рабейну Рейнхардт, со всеми своими талантами появился на свет, в Шклове уже придумали подобную хитрость: вращающиеся подносы с угощением...

Эти старомодные медные подносы, немного продавленные посередине, сплошь заставлены наполненными тарелками и стеклянными мисочками, а в центре каждого помещается тяжелый графин с подкрашенной водкой — для устойчивости. Гость садится с одной стороны подноса, гостеприимец — с другой, точно напротив. Хозяин вращает поднос, а гость шарит вилкой по всем тарелкам и пробует. Вот так: и время экономится, и гость не может отвертеться с помощью какой-нибудь уловки и вынужден все попробовать, потому что хозяйка или хозяин, сидящие напротив, полностью контролируют все закуски и видят, в каких уже побывала вилка, а в каких еще нет.

Не успел дядя Ури не то что проглотить — дожевать последний кусочек лекеха, как — ага! — поднос поворачивается как по волшебству и перед косыми глазами Ури вырастает стеклянная мисочка с грудой медовых тейглек; каждый кусок величиной с кулак и на изломе как будто слеплен из белой фасоли. В это же время перед тетей Фейгой останавливается тарелочка с мягким яичным лекехом, который женщины любят макать в рюмочку и спрашивать при этом, сколько яиц вбито в тесто... У тети Блюмы все просчитано. Она режиссирует спектакль своими ловкими сухощавыми и властными ручками из-за кулис вращающегося подноса. И под это вращение раздается ее сердитый голосок, в котором звучит приказ:

- Попробуй мои тейглек, Ури! Фейга, что молчишь, обмакни-ка кусочек торта!

В бороде у дяди Ури застряла медовая «фасолина», выпавшая из тейглек. Борода покачивается, и «фасолина» покачивается вместе с ней. Только Ури не до того. Он отчаянно грызет рассыпчатые тейглек и скашивает глаза на остальные тарелочки. Не сглазить бы! К этому праздничному дню они умножились и двинулись, как рыбы на нерест. Урожай на угощения! Дядя Ури грызет тейглек и поглядывает на сестру, которая, кажется, увлечена разговором с тетей Фейгой о рецепте яичного лекеха: сколько сахара, сколько растительного масла и сколько минут... Ури надеется, что сможет сам как бы невзначай повернуть поднос и пропустить несколько блюд, как пропускают несколько, не рядом будь помянуты, молитв во время поздней минхи... Но тетя Блюма хоть и беседует с Фейгой, а за братом следит. Поднос поворачивается, и в поле зрения косых дяди-Уриных глаз вкатывается очень глубокая тарелка с имбирным печеньем, твердым как кость и толщиной с палец. В то же время перед носом тети Фейги оказываются медовые тейглек, которые Ури уже пережил.

- Ешь, ешь, не заставляй себя просить!.. — подгоняет тетя Блюма с другой стороны подноса. — Попробуй, Фейга! — говорит она невестке и поджимает губы.

Потом подъезжает тарелка с бурым вареньем из хрена, сваренного в меду.

Полагаясь на Б-га, Ури пробует повернуть поднос чуть дальше, чтобы перескочить через несколько липких бабьих закусок. Но тетю Блюму не сбить со счета. Она не позволяет.

- Кажется, я уже пробовал...- оправдывается Ури и опускает глаза.

- Нет, ты не пробовал! -парирует тетя Блюма строго и сухо.

И поднос вертится обратно...

К тому моменту, как Ури покончил с имбирным вареньем, у него темно в глазах. Выкатывается стеклянная мисочка с печеным черносливом с орехами, затем — позеленевшие от нагрева апельсиновые цукаты... Так сменяются перед ним цвета, они мелькают, как новенькая лаковая краска перед глазами отчаявшегося, проигравшегося любителя рулетки. А игра еще далеко не закончена...

Вдруг Ури становится заботливым отцом, кормильцем целой ватаги сластен и зовет, накалывая на вилку большой кусок черничной пастилы:

— Дети, идите сюда, попробуйте!..

Его замысел состоит в том, чтобы дети помогли ему доесть этот кусок печеного «дегтя». В суматохе дележки, он, быть может, незаметно отделается от других медовых, сиропных, приторных угощений, но Блюма-высокая тоже не лыком шита и поджимает губы:

- Детям дадут отдельно, детям... Ешь, ешь!

И она раздает, кому — имбирный пряник, кому — шарик вареного изюма, кому — сахарный лекех с корицей. И перед грустным взором дяди Ури снова начинает вращаться огромный, не меньше колодезного колеса, ужасный поднос, похожий на ярмарочную карусель.

Хвала Всевышнему, со сладостями покончено! Теперь надвигается, словно туча, новый поднос — с маринадами и соленьями. С этим черным, с полустертой позолотой подносом, доставшимся Блюме в наследство, Ури знаком уже немало лет и боится его, как, бывает, боятся пауков. У этого подноса два отвратительных ушка, он плоский и вращается не так хорошо, как предыдущий, медный и уже раскрученный. Но ничего, тетя Блюма справится: она усердно работает, не покладая своих властных исхудалых вдовьих ручек. И перед глазами Ури проплывают: селедочка, огурчики, маринованная рыба, фаршированная рыба, маринованная тыква, куриные желудочки и рубленое яйцо.

- Дети! - кричит Ури, как утопающий.

Но Блюма-высокая не дает ему поднять головы.

- Что «дети»? Вот же они, едят! — говорит она и кривит тонкие губы. - Ты еще не пробовал моей наливки...

Теперь начинают выползать из печи горячие горшки и чугуны. Тетя Блюма достает их длинным хватом. Делает она это ловко, как пекарка, сажающая в печь мацу. И вот уже в старинных тарелках с красными птичками и синими львами дымятся и благоухают изюмной подливкой, гусиным жиром и пряностями всевозможные тефтельки, куглы, ячменные и гречневые оладьи...

Но все на этом свете заканчивается. И даже угощение тети Блюмы подходит к концу. Ее хватка, колкости и гримасы слабеют. Дядя Ури, радуясь в душе, произносит «длинное благословение». Труднейшее застолье пережито! Шутка ли сказать! Угощение тети Блюмы... Доброго праздника, доброго года! Чтобы-чтобы-чтобы... вам-вам-вам...

2 Ó Ò`ÒÈ`YÒÈÈ`

Но тут открывается дверь из флигеля, и на пороге между комнатами появляются Этка, средняя сестра, со своим мужем Мендлом:

- С праздником, Ури! С праздником, зять! С праздником, невестка! С праздником, дети! Вас уже ждут...

Суматоха. Радость, казалось бы? Да? Но при этом Этка и ее муж с большим подозрением смотрят на дядю Ури, следят за каждым движением тети Фейги. Не хотят ли Ури и Фейга улизнуть, не сговорились ли смыться... А тетя Фейга и дядя Ури, в свою очередь, трепеща, бросают взоры на то, что виднеется между Эткой и ее мужем... Что же там? Гигантский поднос, с бутылочками и графинами, с тарелками и блюдецками, стоит приготовленный ради них на столе в глубине комнаты. Он лукаво подмигивает им полированным хрусталем рюмочек:

- А ну, родные мои. Идите-ка сюда!..

Накидывает Ури пальто на плечи, как плащ. Даже руки в рукава не вдевает. Похоже, он все-таки идет в гости в следующий дом... Вот так Ури отправляется к Этке, своей сестре, в ее жилище, с очередным, новехоньким «бам-бам-бам».

Не дожидаясь приглашения, он отгарабанивает благословение над бокалом вина. И первый поднос начинает вращаться. Тетя Этка переняла это изобретение у старшей сестры. Ей тоже достался в наследство старый медный поднос, посередине вогнутый, а по краям загнутый. Вращается он легко, бесшумно, движется так неуследимо мягко, как будто подкрадывается в шерстяных носках.

- Кушай, кушай, Ури!

У Ури уже голова идет кругом, ему кажется, что не сестра Этка и не ее муж Мендл говорят ему это. Это говорит ему сам поднос. И никакой это не поднос. Это оборотень. Оборачивается и при этом подло посмеивается над ним всей своей полированной медью, делает из него дурака:

- Ури, вот имбирное печенье, удалось на редкость!

- Нечто совершенно особенное, зять!

- А мои тейглех ты совсем не попробовал?

- А печеный чернослив?

- Ну а торт? Совсем нет?

- Кушайте!

- Кушайте, кушайте!

У Этки есть муж, дай Б-г ему до ста двадцати, и сама она — младшая сестра... Но все же и ее нельзя обидеть. Вот и приходится делать все, что можешь. Удастся даже преодолеть несколько блюд, сладких и кислых. Тут уж не отвертишься. Но когда доходит до горячих горшков из печи, Ури отказывается наотрез. Этка не должна на него обижаться. Он не в силах съесть ни ячменные оладьи, ни гречневые, ни кугл... Он уже все это ел у Блюмы...

- Ах та-а-ак! - затягивает Этка и сверкает глазами. - Почему же именно у Блюмы?

Видит Ури, что попался, что совершил большую дипломатическую ошибку, что дело пахнет ссорой, и пробует выкрутиться: он хотел сказать, сказать хотел он... сам-то он, со своей стороны, всегда... только вот фершел, она ж его знает, фершела этого... так вот, фершел его предостерегал... чтобы... не дай Б-г...

Однако Этка тверда как сталь. Настаивает на своем:

- Фершел, значит, сказал нельзя?.. Почему ж тогда у Блюмы можно?

Видит Ури, что так ему не выкрутиться, и пробует пойти на компромисс:

- То есть... если у тебя есть что-нибудь... что-нибудь, действительно что-нибудь такое, то есть... такое...

Этка ненадолго застывает с профессорской миной, переглядывается со своим мужем и вдруг всплескивает руками: есть! У нее есть нечто такое, этакое... кое-что... вот сейчас он увидит...

Мендл, ее муж, явно не понимает, что она имеет в виду. Тем не менее он поддерживает ее интригующими ужимками и речами:

- Нечто, говорю тебе, Ури... весьма, весьма... в общем, нечто в весьма особенном роде...

Этка выбегает из комнаты и вскоре вбегает обратно с синим полумиском, полным странных четырехугольных кусочков, коричневатых и полупрозрачных. Шкварки — не шкварки, холодец — не холодец. Ури заинтригован.

- Это что за райская птица? - удивляется он и пробует вилкой. - С ума сойти! Ке-зейре гад...[15] Прямо коляндр[16] какая-то, прости Г-споди!.. Короче, Этка, что это?

Этка и Мендл тают от удовольствия. Вот как? Он не знает... Ха-ха. Если так, пусть тогда попробует.

Ури уже со всей серьезностью втыкает свою вилку в кушанье и подносит ко рту сочный, пропеченный четырехугольный кусочек. Жар странной закуски обжигает его. Он осторожно дует, откусывает кусочек и медленно, вдумчиво жует. Жуя и прислушиваясь к вкусовым ощущениям, чтобы понять, что это такое, он негромко обращается к своей сестре:

- Слышь, уф-уф, Этка... А чего это оно такое «холодное»?

Этка от смеха чуть живот не надорвала. Ха-ха-ха да хи-хи-хи. Вот как? «Холодное»? Да уж, и правда «холодное»... вот уж сморозил!.. Он еще не понял, что это такое? Раз так, он должен-таки попробовать еще кусочек. Вот этот кусочек. О! Только этот — и всё!

- Недурно! — произносит Ури и героически глотает. — Важная еда, - икает он. - Короче, Этка, не мучь меня, открой секрет. Готов поклясться, что это, кажется, так сказать, это...

- Вымя... — подхватывает Этка, - тушеное коровье вымя.

- Ах вот оно что! - снова икает Ури. - Весьма, весьма!

- Вы же знаете, сколько с ним возни! — похваляется Мендл мастерством своей жены. - Чтобы оно перестало быть мясо-молочным[17], требуется, во-первых, пропечь его целиком на ухвате над сильным огнем, чтобы молоко с него стекло. Потом его сперва нарезают на квадратики и ставят преть в печь на... сутки, с луком и с петрушкой, с чесноком и с... с морковкой...

- Тихо ты, куда торопишься! - перебивает его Этка. - Что за морковка? Как сюда попала морковка?

От такой аппетитной беседы, в которой каждое обсуждаемое блюдо полно намеков и толкований, Файвка совсем теряет голову. Он не столь жаден до еды, сколь ужасно любопытен. Ему страх как хочется попробовать кусочек тушеного вымени.

Он не может дождаться, когда говорливая тетя Этка закончит свой рецепт и угостит племянников. И пока все заняты вкусными разговорами, он сам протягивает свою вилочку, накаливает четырехугольный толстый кусочек и отправляет его, недолго думая, прямо в рот.

О том, что это блюдо — холодное, он только что слышал от папы и понял из смеха тети Этки. Караул, беда! Вместо приятного холодка, вместо того вкуса, о котором папа говорит «весьма», он чувствует, что эта еда ужасно обжигает нёбо и огнем горит на языке. Файвка выплевывает ее, как расплавленный свинец, и, теряя от боли всякий стыд, ревет во все горло:

- У-у-у, ой, ма-ма!

Все бросаются к нему до смерти перепуганные: «А? Файвка? Что такое? Что с тобой?..»

Из клубка людей сперва доносится гул голосов и плач, один вопрос заглушает другой, потом — общий смех и «тьфу». Все утешают Файвку и смеются. Все жалеют и стыдят его одновременно: «Задыхаешься? Нет? Обжегся? Чем? Ха-ха! Тьфу, чтоб тебя! Чего хватаешь? Больно? Кто тебя заставлял хватать? Вымя держит жар. Мальчик не должен хватать, мальчик, который ходит в хедер, должен научиться ждать... Хе-хе, уж оно такое, это вымя... Совершенно правильно!.. Ладно, до свадьбы заживет...»

Ури видит, что ничего страшного не случилось: Файвка обжег язык, и только... Он пользуется суматохой, садится обратно на свое место и начинает спешно тарабанить «длинное благословение». Сперва тихо, а чем дальше, тем громче и выразительнее: «Ай-ай-ай... в-ал тнувас а-соде в-ал эрец хемдо тейво у-рхово[18] (И за урожай полей, и за землю желанную, прекрасную и просторную)... ай-ай!..»

Он тарабанит благословение, а в душе радуется, что надул Этку. Одним стратегическим ходом остановил войска новых закусок, которые сестра замышляла еще послать на него.

Заслышав триумфальные нотки в Урином «длинном благословении», Этка отрывается от своего незадачливого племянничка и бросается к брату. Она хочет удержать его, хочет разгромить его наступление.

- Что такое, Ури, Б-г с тобой! У нас еще будет холодный кугл, у нас еще будут яблочные оладьи...

Но Ури в ответ очень благочестиво пучит глаза и трубит:

- Ну, о... в-ал мизбехехо в-ал хейхолехо... тсс-сс... у-вней ерушалаим ир а-кейдеш... («над жертвенником Твоим, и над храмом Твоим! И восстанови Иерусалим»). О... Ну!

То есть: поздно, дело сделано, надо было раньше говорить. Она же сама видит!.. Он уже в самой середине:

- Ай-ай... ве-самхейну бевиньёно... у-неворехехо олехо... («И возвесели нас при восстановлении его... И будем мы благословлять Тебя».)

Тетя Этка начинает сердиться на своего дорогого племянничка, который своим хап-лап расстроил все ее планы, дал Ури так обдурить ее. Она забывает о том, что минуту назад сюсюкала над Файвкой, и срывается на него:

- Что ты расхвтался? Мальчик должен ждать, мальчик...

Файвка грустно облизывает обожженное нёбо и удивленно смотрит на тетю Этку. Б-г ты мой! Куда это вдруг подевалась вся ее доброта?..

И не находит объяснения.

С последними звуками завершающего трапезу благословения Ури становится чуть легче на душе оттого, что он так искусно перехитрил Этку с ее чертовыми горячими горшочками. Однако несварение желудка от столь обильных угощений распирает ему живот ниже брючного ремня. Он тоже начинает придирается к Файвке:

- Ну разве можно хватать горячее?.. На тебе... Небось теперь сам понял!

При этом он не столько воспитывает Файвку, сколько хочет загладить свою вину перед обиженной тетей Эткой, подольститься к ней, показать, что она права, что ее гнев на племянника-лакомку — справедлив. Но Файвка-чертенок не понимает таких тонкостей и ухищрений. Он сидит, скорчившись от боли и обливаясь холодным потом. Он чувствует жгучую обиду на отца и на его икающие нравоучения. Сперва этот человек соблазнил его своей шуточкой насчет «холодного» вымени, и Файвка так ужасно обжегся, а теперь еще сыплет соль на раны. От обиды он обращается не к дяде Ури, а к тете Фейге:

- Раз папа сказал, что это холодное, папа...

Это и ответ, и жалоба... Тетя Фейга, которая уже до смерти устала от угощений, кивает пучком цветов на шляпке и берет мальчика, который учит Пятикнижие, под свою материнскую защиту:

- Вот что выходит, когда подшучивают над детьми...

Ури встает и в сердцах накидывает пальто как плащ. Он взбешен. Мало того что его сыновья не облегчили ему застольные труды, они их еще и усугубили. И он говорит жене:

- Знаешь, что я тебе скажу, Фейга? Лучше было бы оставить это твое «сокровище» дома.

Тетя Фейга дуется и хочет ответить, что это вовсе не она, а он, Ури, потащил детей к своей сестре... Да. Он, он... А теперь еще цепляется...

Тут, однако, торжественно открывается деревянная дверь второго флигеля, и на пороге между комнатами появляются младшая сестра Ури, Марьяшка-короткая со своим мужем Генехом.

- С праздником, Ури! С праздником, невестка!

Вот так радость.

З О Ò ÒÈ Ì ÀÐÛΒΘÈÈ

За Марьяшкиными низкими плечами и коротенькой головой Ури различает в следующей комнате знакомую картину. Тоже мне новость! Круглый поднос со сладкими угощениями и тяжелыми бутылками посередине. Начинается третий акт угощения.

К Марьяшке семейство Ури идет не в духе. Во-первых, Марьяшка — младшая, да еще и «короткая» в придачу. Во-вторых, Ури и его брат Зяма выделили ей ее приданое, так что она может не строить из себя невесту что... В-третьих, Ури сердится на свою жену Фейгу из-за того, как она воспитывает детей, а Фейга сердится на него. У Файвки болит язык, а младший и старший, тот, который уже учит Гемору, просто подавлены общим дурным настроением.

Развязнее, чем к другим сестрам, входит Ури в жилище Марьяшки и сбрасывает свой «плащ» с решительным видом человека, который не собирается церемониться. Глядя с нескрываемой ненавистью на поднос с закусками, он ясно дает понять Марьяшке: она может сердиться сколько ее душе угодно, но никаких тейглей, никакого имбирного печенья и никакой другой сладкой дребедени он есть не будет, и кончено, и точка...

- Кто же это в силах съесть столько сластей? - поддерживает Ури его благоверная и качает прической.

Марьяшка-короткая выходит из себя: «Как же так? Ни за что ни про что! За что ж такое унижение?» Ее голос дрожит.

Ури становится жаль бедную сестру, и он предлагает компромисс:

- Ладно, чего уж там... Благословение, огурчик, то, сѐ...

Подхватываются тут же Марьяшка и Генех, ее муж, убирают большой поднос с опозоренными сладостями и подают поднос поменьше — с соленьями.

Ури повеселел от того, что ему удалось одним махом отделаться от пятнадцати тарелок со всякими липкими штуками. На радостях он даже выпивает с Генехом, Марьяшкиным мужем. Они чокаются рюмочками водки, и Ури желает:

- Лехаим, Генех, лехаим, Марьяшка... Послушайте, дай Б-же, чтобы... чтобы, бы, бы...

- Чего ты бубнишь? - тихо говорит ему тетя Фейга. Она видит, что Ури, ее мужу, водка уже слегка ударила в голову, что язык у него начинает заплетаться. — Хватит выпивать, лучше закуси!

Раздается смех, праздничный смех, и Марьяшка подхватывает:

- Так или иначе... чтобы было чем закусить. В этом все дело...

Закусывают, и становится веселее. Невесел только Файвка. У него, бедного, болит обожженный язык... Младшенький лопает с блюдечка маринованные сливы; Велвеле, который уже учит Гемору, хрумкает квашеным огурчиком. Файвл тоже хотел бы полакомиться, но не может. Марьяшка подсовывает ему угощение, а он отнекивается.

- Чего это ты отнекиваешься, Файвеле? — громко удивляется Марьяшка. - А? Чего это он отнекивается? — обращается она к остальным.

- Он язык обжег, - проговаривается Рахмиелка, смакуя маринованную сливу.

- Кто тебя спрашивает, обжора? - вспыхивает Файвка и пихает его в бок.

Но это не помогает. Все смеются. Даже папа, который так подло заманил его отведать горячее коровье вымя, и тот смеется. У Файвки от стыда наворачиваются слезы. Он и полакомиться больше не может, и в печенки ему еще лезут. Чтоб оно сгорело, это вымя! В жизни он в рот его больше не возьмет.

Но вскоре Файвке предоставляется случай позлорадствовать над папой. Наступает черед горячих закусок, и Ури снова бастует. Он слегка опьянел и немного груб с Марьяшкой, которой выделил приданое, а она возьми и выйди замуж за такого болвана, как этот Генех.

- Последний раз повторяю, - заявляет в сердцах Ури, - нет! Еще раз нет, и точка!

И размахивает вилкой.

У него кишки не казенные, нет... Сколько раз он умолял, чтобы три его сестры готовили угощение вместе... Вот с Зямой сестры уже давно в ссоре... Хотят, видно, и с ним поссориться. Ладно!

Видит Марьяшка, что ее горячим горшкам не повезло. Старшие сестры перехватили у нее Ури вместе с его желудком... Напичкали его. Она делает грустное лицо, а Генех выпучивает глаза, как теленок, который жует край скатерти. Ури становится жаль их обоих. Слегка устыдившись, он пожимает плечами: «М-м... да!..» Уловив это движение, Марьяшка тут же решает воспользоваться мягкосердечием Ури. Она делает плаксивое лицо и тихо говорит, что собиралась... что хочет предложить ему только одну закуску, нечто легкое, совсем легкое.

- А именно? - прощупывает почву Ури, оставляя вилку в покое.

- Фаршированные куриные шейки! - с великой скромностью отвечает Марьяшка.

- Фаршированные шейки! - вторит ей Генех, ее муж.

- Это у вас называется легкой закуской? - сверкает Ури косыми глазами.

- Не мукой фаршированные, - оправдывается Марьяшка, - а манной крупой.

- Манной крупой, — вторит Генех.

- На чистом курином жире и с куриными шкварочками.

- С куриными шкварочками, - вторит Генех.

- Что ты все подпеваешь мне, как помощник меламеда? - злится Марьяшка на мужа.

Видит Ури, что фаршированные куриные шейки могут нарушить мир в семье. Он сдается:

— Ладно, давай сюда свои куриные шейки!

Марьяшка-короткая, забыв о должном почтении к мужу, убегает на своих коротеньких ножках на кухню.

На стол куриные шейки прибывают в виде толстых кружков, чтобы Ури видел, что они уже нарезаны, уже зажарены, и не передумал. Нужно отдать должное, толстые монетки, на которые нарезаны шейки, прозрачно-буры, как старый янтарь, крупинки манки сыплются из среза, как мелкий бисер, воткнутые в крупу шкварочки сияют, как желтые топазы, а сама кожица прожарена до хруста... Сплошной соблазн, а не куриные шейки! Нужно обожраться, как Исав[19], чтобы не найти в себе сил попробовать такой праздничной начинки. Дядя Ури укрепляется духом, распускает под столом узкий брючный ремень, выпивает последнюю рюмку, запускает вилку в мелкий бисер и желто-золотистые шкварки лучшего кусочка шейки и принимается закусывать — в последний раз, из последних сил. Он мучается, сопит и с трудом глотает.

- Ну, разве плохо? - справляется Марьяшка. - Кушай, кушай на здоровье! Возьми еще кусочек, вот этот вот, о!.. Что Б-г послал, то и... и то, то... то и... Что это... что с тобой? А?

В ту самую минуту, когда Марьяшка желает ему здоровья, дядя Ури слегка бледнеет, вилка выскальзывает у него из руки, он хватается за сердце, лоб покрывается потом.

- Ох... — слабо улыбается он и не может больше ничего сказать.

К нему бросаются до смерти перепуганные Генех-болван, Марьяшка-короткая и, разумеется, тетя Фейга, его жена:

- Что с тобой? Ури! Не пугай меня... Что ты молчишь?

- Ик!.. - хочет отшутиться Ури, но больше не может сказать ни слова.

Единственный, кто совершенно спокоен, это Файвка. Сцена напоминает ему ту, что до этого случилась с ним самим. Сперва он, теперь папа. Ему очень любопытно, чем все это закончится.

- Тихо! - кричит Генех и выпучивает глаза.

Он вспомнил! У него в спальне есть толченая лимонная кислота с содой. Пусть зять Ури выпьет полстакана и приляжет, все сразу пройдет...

- Э... - соглашается Ури, но больше не может сказать ни слова.

Ури торжественно отводят в спальню. Он еле волочит ноги. Конец его ремня свисает из-под сюртука. Его, как шаферы жениха, поддерживают под руки Марьяшка с одной стороны, Генех - с другой. Тетя Фейга идет следом и озабоченно покачивает шляпкой.

Пока взрослые в спальне суетятся, за оставленными подносами с всевозможными угощениями достаточно долго остается только детвора. Дети слегка испуганы папиным обмороком, но рады тому, что

стало свободней и не нужно сидеть на месте. Хватит, насиделись и наелись, как индюшки, из тетиных рук. Они сами с усами...

Первым вскакивает Файвка. Настал его час. Теперь он расквитается за свой обожженный язык, за насмешки над собой. Он танцует вокруг стола и шарит по всем тарелкам, нюхает все бутылки. Он, воплощенное «дурное побуждение» с обожженным язычком, прыгает вокруг стола. Сам он уже сегодня не может «грешить», но искушать других — пожалуйста.

- Ребята! — обращается он, лукаво прищурясь, к своим братьям. - Чего притихли? Налетай!..

Младшенький тут как тут, хватает с отставленного в сторону подноса огромный кусок имбирного печенья и торопливо, как голодная мышь, врывается в него. Велвл, мальчик, который уже учит Гемору, немного стесняется. Он бочком подходит к сладкому подносу и вилкой зачерпывает бурое варенье из хрена, сваренного в меду. Варенье мягкое, оно не хрустит, в отличие от твердых тейглей и имбирного печенья... У Файвки еще сильно болит язык, поэтому он не может справиться с такими пряными лакомствами и выискивает себе что-нибудь, что могло бы послужить ему компенсацией, что могло бы успокоить душевную боль. Он замечает на комодике красивую хрустальную вазочку, полную крупных грецких орехов. Может быть, Марьяшка приготовила их для племянников и забыла раздать? Может быть — да, может быть — нет. Но гадать некогда. Время — орехи!

- Смотрите, ребята! — показывает Файвка на эту хрустальную вазочку и подмигивает. - Чего сидим?

Рахмиелка, младшенький, тут как тут. Он немедленно начинает набивать карманы. Мальчику, который уже учит Гемору, стыдно за этот грабеж среди бела дня, совершаемый, пока папа испускает дух в соседней комнате. Он краснеет и отворачивается к окну. Пусть младшие братья делают что хотят. Он ни о чем не знает.

Файвка смеется ему в спину:

- Посмотрите на этого праведника!.. Он не хочет? Ну и не надо! Ничего, дома поклянчит орешков... Вот увидишь, Рахмиелка.

За минуту все грецкие орехи исчезают в карманах Файвки и младшенького.

Аккуратно сделав свое дело, они, как ни в чем не бывало, рассаживаются по местам и ждут с показной тревогой на лицах, когда же папе станет лучше.

Примерно через полчаса из спальни выходят: тетя Фейга — рассерженная, бедные Марьяшка и Генех — очень пристыженные, а за ними — сам дядя Ури. Он все еще изжелта-бледен, но выглядит бодрее. Ему явно полегчало в соседней комнате. Отчего? Файвка подозревает, что не от одной только содовой воды...

Тетя Фейга издает «уф», садится еле живая и произносит:

- Дети, берите пальтишки, мы идем домой...

Начинаются пожелания и поздравления: «Доброго праздника! Доброго года!» Марьяшка о чем-то вспомнила... Она поворачивается к комоду, к хрустальной вазочке. Она намерена загладить скверную историю с фаршированными куриными шейками, она хочет одарить детей Ури на дорожку, каждому — горсть орехов, и тем исправить дело... Но вазочка пуста. Ни скорлупки не осталось.

Поворачивается Марьяшка с закушенной губой к сыновьям дяди Ури. По тому, как они отводят глаза, Марьяшка понимает, что дорогие, любимые племяннички оставили ее с носом. Не дожидаясь ее, они сами разобрались с приготовленными ею подарками... Но она молчит. Пропало дело. Угощение есть угощение. С праздником, Ури, с праздником, детки!

ΥΑΔΑΪΤΑ ΝΕΑΪΕΘΑ ΕΑΪΔΒ ΑΟΕΑΟΪΑΝΕΪΑΪ ΪΪΑ ΔΑΑΑΕΘΕΑΕ ΑΛΕΑΔΕΒ ΑΥΪ ΘΕΘΑ

ЯРМАРОЧНЫЕ ЧУДЕСА

1

На Троицу, это после Швуэс, в Шклове большая ярмарка. Прибывают мужики со всех окрестных деревень; везут скот, подросших телят, лён, щетину, невыделанные овчины и остатки прошлогоднего зерна. Приезжают цыгане с лошадьми, кацапы из Расеи — с конфетами, оловянными игрушками, деревянными куклами и разноцветными платками. Местные евреи бегают, суетятся. Лавочники засучивают рукава, ставят к прилавку всех своих чад и домочадцев. А приезжие, незнакомые молодцы в высоких сапогах, с раскрасневшимися лицами устанавливают длинные палатки и разгружают в них полные телеги овчинных шуб, грубых сукон, легких немецких плугов и тяжелых русских топоров и серпов — всякого товара для деревенского люда. Все кипит и шумит три дня подряд. И над шумной толкучкой стоят жаркие испарения человеческого пота и скотских тел. Ни на рынке, ни на окрестных улицах нет ни одного свободного колодца. Вокруг каждого столпились лошади и как через соломинку тянут холодную воду из ведер сквозь свернутые в трубочку губы... Потом обыватели обнаруживают — на то и ярмарка — в чае сварившиеся зернышки овса... и кривятся. Шамесы, раввины и габай многих синагог молятся минху одни. Трудно собрать миньян. Зато на большой рыночной площади воздеты к небу оглобли понаехавших телег — целый лес деревянных рук. Кажется, они вместо захопотававшихся людей молят Б-га и за евреев и за мужиков, чтоб послал Он им всем добрую ярмарку, ярмарку доходную и удачную...

Дела дяди Ури никак не связаны со Шкловской ярмаркой, поэтому на Троицу его почти никогда не бывает дома. Он объезжает на пароходе все города по Днепру от Могилева до Киева и скупает по дешевке старую бронзу, шитую парчу, серебряный лом, а если попадутся, то и хорошие камни: старые драгоценности с «розами»^[20], с молочными опалами, с пластинками бирюзы — камнями он тоже торгует. У дяди Ури есть в Расее свои постоянные покупатели, главным образом, на Нижегородской ярмарке, которая бывает перед Рош а-Шоне.

В этот раз дядя Ури тоже был в поездке. И Файвка решил сам изучить Шкловскую ярмарку как следует. Тетя Фейга не такая строгая, как дядя Ури, у нее нет времени присматривать за всеми сыновьями: что они там вытворяют и куда ходят. Раз и навсегда он, Файвка, должен почувствовать вкус Троицы. Как сказано: Им лей ахшов, эймосей^[21] («Если не теперь, то когда»)?

Сколько лет Файвка живет на свете, столько он видит ярмарку, но издали. Видит только задранные дышла, слышит только отдаленный шум людской толпы и глухое ржанье лошадей. Когда он был поменьше, мама приносила ему с ярмарки всякий год свинцового петушка за копейку. Подуешь ему в хвост — он закукарекает. То есть не закукарекает, а запищит, как пищит котенок, если его ущипнуть... Но мама говорила, что петушок кукарекает... А еще, бывало, приносила мама Файвке пятнистую лошадку с льняным хвостом. Хвост отваливается, едва за него потянешь, и на его месте остается черная дырка. Нальешь в эту

дырку чуть-чуть воды, получается из лошадки ком мягкой пакли — что-то вроде недопеченной оладьи — и это должно называться «получать удовольствие от ярмарки»!

С тех пор как Файвка начал учить Пятикнижие, свинцовых петушков стал получать младшенький, а он, Файвка, только смотрел издали на задранные дышла. Много лет подряд он просил тетю Фейгу, чтобы она взяла его с собой на ярмарку, а она в ответ пугала его лошадьми, которые едва завидят еврейское дитя, не достигшее возраста бар мицвы, так сразу норовят его затоптать подковами. Такой уж отвратительный норов у лошадей на Шкловской ярмарке. Файвка верил и начинал плакать. Тетя Фейга угощала его несколькими добрыми подзатыльниками и наказывала глядеть в окно. «Вон лошади бегут к колодцу! Вся ярмарка перед тобой...» Нашла кому зубы заговаривать!

На этот раз Файвка решил обстряпать все по-тихому, никому ничего не рассказывать, ничего ни с кем не обсуждать. Никому ни слова, ни старшему Велву, ни младшему Рахмиелке. Они трусы. Они боятся... Кроме того, каждый ходит в свой собственный хедер в соответствии с тем, что изучает. Так на что ему сдались обсуждение и ожидание? У него и так мало времени. На обед ему отведен час... Еще на один час он просто опоздает на занятия в хедере, какая-нибудь отговорка всегда найдется. Нет, правильной всего — самому.

Поутру, до того как уйти в хедер, он надел другую пару штанов, старую залатанную пару. Если штаны забрызгают или даже порвут в ярмарочной толчее, то тете Фейге не за что будет его ругать, не к чему будет прицепиться. Все должно быть гладко, никаких следов ярмарки на нем не должно остаться. И тогда все будет хорошо...

Защищенный старыми штанами от любой неприятности, Файвка в обеденный час свернул в сторону большой рыночной площади и нарочно тут же заблудился в лесу телег и задранных дышел для того, чтобы все посмотреть, а себя не показывать...

На распряженных телегах, набитых сеном, привольно сидят молодые крестьянские девки в красных белорусских хустках. Они заигрывают и кокетничают с хлопцами в новехоньких кожухах. Кокетство это весьма грубое. Они, например, хлопают хлопцев по животам, а те тискают их под микитками или пихают в бок, отчего девки заходятся громким гогомом, как гуси, когда их щиплют. На глазах после таких тычков у них выступают слезы, непонятно, то ли от боли, то ли от удовольствия. Распряженные лошади с привязанными к мордам торбами с овсом стоят рядом и качают большими головами, глядя на шалости женихов и невест:

- Очень хорошо! Ровня друг другу! Точь-в-точь!

На многих телегах нежности зашли так далеко, что дело уже клонится к помолвке. Иначе говоря, выпивают прямо из бутылки и закусывают селедкой. Но воспитание требует не закусывать селедкой, как она есть. У нее прежде всего откручивают и съедают голову. Затем, благовоспитанности ради, с селедки снимают кожу и тоже съедают. Только после этого делают добрый глоток из бутылки. Сват показывает черным ногтем жениху, докуда тому пить, жених показывает сватье своим ногтем, сватья невесте — своим. Так и пьют, как из градусника, и закусывают уже почищенной селедкой. Каждый отщипывает свой кусочек селедки двумя крепкими пальцами, словно закусочной вилочкой, и держит его в руке деликатно, как драгоценный камень. В другую руку он берет четверть буханки черного хлеба и откусывает. Ужасающие куски хлеба и крохотные кусочки селедки...

2

Первое, что сильно заинтересовало Файвку в огромной шумной толпе, был тихий уголок около крыльца Кивы-пряничника. Стоит себе мужичок с узкими татароватыми глазами, с кнутовищем под мышкой, и препирается с Кивой. Небольшая мужицкая телега стоит поодаль, запряженная парой мелких пузатых лошадок. На телегу нагружены мешки... угадайте с чем? С маком, с маком! Файвка сразу почуял, что это мак, тот самый мак, который Кива варит с патокой и продает на рынке. И вот вам доказательство: на зеленой табуретке, стоящей на крыльце, насыпано несколько пригоршней на пробу — черный, серый и белый мак^[22]. Кива ежеминутно подбегает к табуретке, берет щепотку на ладонь и тычет мужику в его татароватые глаза — пусть сам убедится, можно ли драть такую цену. Кива кипятится, необрезанный холоден. Отвечает коротко и сплевывает сквозь зубы, как из спринцовки. Кива слегка подольщается к необрезанному и называет его хажайн, в то время как мужик называет его попросту «Кивка», как человек,

который ничуть не беспокоится о своем товаре. Кива делает вид, что уходит, и ступает на лесенку, тогда мужик начинает слегка волноваться и хватается Киву за щипец:

- Теринанцать дашь?

Кива спускается с лесенки и торгуется:

- Хажайн, двананцать.

Мужичок хватается Киву за руку и с размаху бьет по ладони, так что Кива от боли закусывает губу:

- Теринанцать!

Но уступить нельзя. Кива делает вид, что удар пришелся ему по душе, и, насколько хватает еврейских сил, хлопает в ответ по ладони необрезанного:

- Двананцать!

- Теринанцать!

- Двананцать!

Вот так они и хлопают друг друга по рукам, точно в ладошки играют, пока Кива не замечает, что так он, врагам бы Израиля такое, останется совсем без руки. Он накидывает еще полпятналтынного [\[23\]](#) за пуд мака, и необрезанный отпускает его опухшую руку.

Снимает мужик мешок мака с телеги, а Кива ему помогает. Мешок несут на английские весы на крыльце. Кива двигает медный язычок, а мужичок стоит рядом и смотрит во все свои узкие глазенки, чтобы Кива его не надул.

- Три пуда! - объявляет Кива.

Мужик согласен.

- Добра, — говорит он.

Спускают с телеги второй мешок. Вынимает Кива пригоршню новеньких серебряных гривенников, отсчитывает три и кладет их на зеленую табуретку на крыльце, около проб мака, а потом говорит необрезанному так:

- Кольки пудов, столько гривников!

Необрезанному нравится этот знак. Он согласен.

- Добра, - заявляет он.

И второй мешок поднимают к весам. Файвка ест мешки глазами, потому что за всю свою жизнь не видел столько мака зараз. Он знает, что мак поспевает в маковых головках. Сначала надо месяцами ждать, пока мак зацветет, после цветения мак делается белый и горький как желчь. Только в конце лета, если не лакомиться раньше времени и ждать, маковые головки становятся коричневыми и мак начинает шуметь в них, как горошины в детских погремушках. Сорвешь ермолочку с поспевшей маковой головки, увидишь там много-много угловатых комнатов, которые все сбегаются к центру. Со дна этой многоугольной коробочки можно вытрясти маленькую горстку мака, не больше понюшки табаку. Черного, белого или серого мака. Чтобы набить столько мешков, сколько же это пришлось вытрясти маковых головок подобно тому, как вытрясают милостыню из копилки Меира-чудотворца?.. [\[24\]](#) Удивительно!

Тем временем новенькие гривенники умножаются на табуретке, которая стоит на крыльце. Кива-пряничник старается раскладывать их покрасивей да поискусней на зеленой табуретке. Лежат блестящие монетки, наполовину прикрывая одна другую, как рыбы чешуйки, извиваются, как кавказский наборный пояс... Приятно посмотреть! После каждого мешка появляется три-четыре новых гривенника. Сколько пудов, столько гривенников.

Вдруг Кива хлопает себя по своему глубокому карману, ищет в жилетке. Ой вей! Кончились гривенники... Говорит Кива мужику, чтобы тот хорошенько стерег выложенные на табуретке серебряные деньги... Хажаин, слышь-нет? Стереги хорошенько!..

Мужик остается один на один с монетами. Мгновение он стоит задумавшись, потом начинает испытывать беспокойство. Взглянув своими татароватыми глазами направо, потом налево, мужик поворачивается к Файвке спиной, загораживает табуретку с серебряными деньгами своей сермягой, стремительно, как стрела из лука, дергает локтем и сгребает что-то под полу... Файвка скорее чувствует, чем видит, что необрезанный утащил горстку серебряных монет... Сердце у Файвки начинает учащенно биться. Да что же это такое, крадет среди бела дня! И кроме того... Как теперь Кива вспомнит, сколько он взвесил пудов мака?.. Но, прежде чем Файвка приходит в себя, возвращается Кива-пряничник, позванивая серебряными деньгами в кармане...

- Ёщц, ёщц![\[25\]](#) - кричит он радостно необрезанному.

Это значит, что он отыскал еще гривенников и можно взвешивать дальше. Кива сбоку подходит к зеленой табуретке на крыльце и мельком смотрит на разложенные гривенники, добрая треть которых пропала... И глянь только!.. Вот ведь дурень! Он ничего не замечает... Наоборот, дружелюбно хлопает необрезанного по плечу и потом снова себя по карману:

- Ёщц, ёщц!

- Реб Кива, — не может сдержаться Файвка, в котором кипит жажда справедливости, реб Кива, этот мужик украл много гривенников, этот мужик!

Но тут происходит нечто такое, чего Файвка совершенно не ждал. Файвка-то думал, что Кива бросится пересчитывать лежащие деньги, потом схватит мужика, потом сбегутся люди и начнется триятр... Вместо этого прыгивает Кива-пряничник с крыльца и дает затрещину именно ему, Файвке... а не мужику, да такую, что он, Файвка, два раза перекувыркивается. Лицо у Кивы красное, как у разбойника:

- Кто тебя, паршивца, спрашивает! Ты вообще кто такой? Ты чего здесь делаешь? Пошел вон ко всем чертям!..

И как будто этого мало, на Файвку бросается необрезанный, который только что от большого смущения скреб в затылке... До него вдруг дошло, что на него гнусно донесли, и он, размахивая кнутом, пускается защищать свою честь:

- Ах ты, сукин сын!

А Кива-пряничник, обворованный дурень, еще и подзуживает:

- Дай ему, дай ему!..

3

Чуть живой убегает Файвка от этих ужасных людей. Это только так говорится: убегает... Не легко бежать среди множества телег и крестьян. Файвка очень разочарован. Совсем не на такое гостеприимство у Кивы он рассчитывал. Вот и заступайся после этого за человека!.. Только... Только что-то там нечисто с этими гривенниками! Файвка ломает голову: какие к нему-то претензии? Предупреждаешь человека о том, что крадут его деньги, а он дерется... Загадка!

Файвка протискивается сквозь толпу до тех пор, пока, совсем уже заблудившись среди дышел и телег, не наткнется на Хацкеля Шишку... Тот идет, а мужики перед ним расступаются.

Хацкель — степенный, широкоплечий еврей. Его отец был николаевским солдатом[26], да он и сам, отслужив в армии, получил награду. Так вот, за «заслуги отцов» и за собственные заслуги его сделали добровольным десятским и дали ему медную бляху, на которой так и написано: «десятский». Хацкель Шишка терпеть не может появляться среди евреев со своей бляхой. Что он там забыл? Он для евреев совсем не «шишка»! Евреи боятся его бляхи, как прошлогоднего снега. Уважение есть еще только среди мужиков, точнее, среди незнакомых мужиков из дальних деревень.

Круглый год Хацкель Шишка пилит доски. Он пильщик. Он стоит либо над высокими козлами, либо под ними. Его борода и брови густо посыпаны опилками. Месяцами копится в нем обида за поруганную честь, за осиротевшую медную бляху с номером. Он тянет большую пилу и кричит «Ха-ах!», и еще раз «Ха-ах!», то есть: еще настанет мой день, тогда и посчитаемся...

И, как и было сказано, этот великий день настает, это день ярмарки. Оставляет Хацкель Шишка свою пилу — гори она огнем, эта работа — и выходит на рынок наводить порядок. Один такой день стирает все унижения, которые претерпела его власть в прочие дни года.

Потертым ремешком он прицепляет на грудь медную бляху с номером. Он намеренно прикрепляет ее так, чтобы она была полуприкрыта лацканом и ее нельзя было сразу заметить. Дабы изумление среди мужиков было еще больше, он подходит к ним эдаким губернатором и начинает придирааться:

- Как лошадь стоит, а? Куда дышло торчит? Ты что, думаешь, рынок твой собственный? Рыло твое свиное! Осади назад!

И посмей мужик только пискнуть что-нибудь в ответ или промедлить с выполнением строгого приказа, он его со всего размаха награждает шишкой. Это один из тех солдатских ударов, от которых черепа гудят, носы расплющиваются, а скулы дробятся...

Вопит обиженный мужик, прибегают, выставив кулаки, другие мужики и орут:

- А ты, жид, чаво дярёшься?

Только тут Хацкель Шишка разом срывает с себя маску скромности. Одной рукой он приподнимает лацкан, а коротким корявым пальцем другой тычет в медную бляху и спрашивает тихим и страшным голосом:

- А ето што?

Видят крестьяне медную бляху десятского с выбитой на ней черной надписью — темнеет у них в глазах. Они рассыпаются в стороны, как зайцы, почуявшие пса. У каждого в его деревне есть свой десятский с точно такой же бляхой, который бьет его смертным боем... И здесь, в еврейском Шклове, снова та же история. Куда ни кинь — везде клин!..

И прежде чем у мужика побледнеет побитая щека, неподалеку уже слышно, как Хацкель ставит новую шишку. Хацкель-десятский наводит порядок, и его сиплый басовитый голос, голос пильщика, задает по новой все тот же неразрешимый вопрос:

- А ето што?

Файвка совершенно забывает о сумасшествии Кивы... Он вне себя от удивления, видя, какую честь и почет получает Хацкель от крестьян. Файвка идет за Хацкелем, как овечка за злым, всех бодающим козлом. Вместе с Хацкелем движутся его медная бляха, его тяжелые удары и его ето што... А за ним перепуганные мужики потирают побитые щеки. Нет, большего удовольствия на всем белом свете не сыскать!.. Видать, за это-то и заслужил Хацкель прозвище «Шишка»? Теперь понятно. Честно заслужил. Дал бы Б-г, чтобы он, Файвка, дослужился бы у правительства до медной бляхи с номером. Тогда бы он показал этому Киве-пряничнику, как драться... И мужичка бы его, того, который ворует гривенники, он бы сразу отвел к становому: марш, сукин сын! А вздумай тот ему хоть слово сказать поперек, на тебе, получай прямо в трэфную твою морду! И на, смотри своими татароватыми глазенками на бляху под лацканом! И еще спросить таким тихоньким и злым голосом:

- А такую штучку видел? А это што?

Файвка еще долго бы брел за Хацкедем-десятским. Но тут он подошел к канаве посреди рынка, по которой стекала вся грязь ярмарки, и наткнулся на новую сцену. Лежит себе, растянувшись посреди канавы, почтенный старый мужик, только седая острая борода и бледно-желтый нос торчат из-под глубокой барашковой шапки. Нижняя половина тела тонет в грязи. Жидкий лошадиный навоз достает до ушей и до середины лаптей. Глаза плотно закрыты. Беззубый рот открыт... Мужик мертвецки пьян. За его головой на цыпочках раскачивается мужик помоложе. Его колени разъезжаются, кажется, он вот-вот запляшет впрыскаду... Молодой тащит старого за оба уха. Тащит, но не может приподнять. Уши выскальзывают, и голова — плюх! — снова падает в грязь. Молодой тоже изрядно пьян. Глаза у него полуприкрыты. Но знать-то он знает, что в канаве лежит не просто так чья-то голова, это голова его папаша. Он снова пробует тянуть отца за уши и при этом обращается к нему голосом, дрожащим от почтительности, жалости и пьянства:

- Тятко, а, тятко? Пидём ето домой... ето! А, тятко?

А старик отвечает ему с закрытыми глазами, с глубоким и горестным чувством, он, кажется, совсем отчаялся... Воркует, как голубь, из грязи. Вот уж действительно, керахем ов ал-бонем[27]:

- Сынок, а, сынок! Бери нож, режь меня!.. Режь меня...

Становится дорогой сыночек от такой нежной просьбы чуть ли не убийцей. Скрипит зубами. Хватает отца с пьяной яростью за остроконечную седую бороденку, за нос, за уши:

- Дамо-ой, ета! Коли б тобя фра-анци!

За всю свою жизнь Файвка не видел, чтобы таким способом чтили отца. Вот это комедия! Но, как назло, ее не дали сыграть до конца... Черт принес Хацкеля-десятского с его бляхой. Он тут как тут, наводит порядок. Взбесившийся пьяный сын получает от него такой удар по затылку, что с катушек долой, и растягивается поперек своего папаша, сапогами тому прямо в бороду и в лицо. Крестьянин, только что мнивший себя жертвенным быком, чувствует свалившегося на него сына и вдруг приходит в себя. В руке у сына ему мерещится нож, и он испускает дикий крик:

- Ка-ра-ул!

Со всех сторон сбегаются крестьяне с кнутовищами:

- Что такое? Кто такой?..

А Хацкель стоит между тем совершенно спокойно, грудь колесом, тычет своим коротким пальцем в медную бляху и цедит сквозь полуоткрытый рот страшным голосом:

- А это што, а?

Сбежавшиеся было мужики мертвеют и разбегаются по сторонам.

יְאָדָאִי אֵינְי עֵאָעוֹא אֵאָעֵדֵב אִוִי סְעוֹא

[1] То есть на год.

[2] «Всё» (др.-евр.) — название благословения, произносимого перед вкушением различных продуктов, в том числе водки. Здесь имеется в виду именно благословение на водку. Любое благословение начинается со слов «Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Владыка вселенной...», а затем идет специфичная именно для данного благословения часть, по первому слову (словам) которой называют все благословение. В данном случае эта часть: «по слову Которого всё (шеакол) существует».

[3] Сотворивший плод виноградной лозы (др.-евр.). Название благословения, произносимого перед употреблением вина. Таким образом, автор хочет сказать, что перед угощением выпивали рюмку водки или вина.

[4] Мелкие шарики из муки и яйца для заправки супа и других блюд. Для Песаха, когда пользоваться обычной мукой нельзя, фарфелех, как и другие пасхальные блюда, готовят из мацовой муки, то есть из мацы, истолченной в муку.

[5] Буквально: «взойдет» (др.-евр.) Восклицание, которым вызывают к чтению свитка Торы.

[6] Обиходное название послетрапезного благословения, которое гораздо длиннее других благословений.

[7] Разговорная форма имени Ицхок-Йосеф.

[8] Буквально: «и толкались» (др.-евр.). Начало стиха: «И толкались сыновья в утробе ее» (Берешит, 25:22). Речь идет о близнецах Яакове и Эсаве в утробе их матери Ривки.

[9] Специальная молитва, которую произносит тот, кто избавился от опасности.

[10] Согласно широко распространенным верованиям, нельзя разрушать или перестраивать печь в доме. Имеется в виду не печь для отопления комнат, а большая кухонная печь типа русской, та, в которой пекут хлеб.

[11] Имеется в виду хасидский напев.

[12] Наставник наш (др.-евр.) — титул, который прибавляют к именам великих законоучителей. Здесь использован иронически.

[13] Рейнхардт Макс (1873–1943) — немецкий актер и режиссер, один из крупнейших

реформаторов театра XX века.

[14] Буквально: «великий» (др.-евр.) — почетный титул, которым именуют выдающихся раввинов и талмудистов.

[15] Как семя кориандровое (др.-евр.). Фрагмент стиха «И нарек дом Израиля хлебу тому имя: манна; она, как семя кориандровое, белая...» (Шмот, 16:31). Дядя Ури намекает на то, что, подобно -библейской манне, принесенное угощение имеет чудесное происхождение и вкус.

[16] Просторечное название кориандра.

[17] Иудаизм запрещает совместное потребление мясных и молочных продуктов. Тем не менее вымя есть можно, но приготовление его требует специальных ухищрений, в том числе обжаривания на открытом огне.

[18] Здесь и далее отрывки из послетрапезного благословения. Для удобства перевод на русский дан рядом с цитатой, а не внизу страницы. В оригинале перевод с древнееврейского на идиш отсутствует.

[19] Голодный Эсав, продав брату Яакову первородство за чечевичную похлебку, наелся досыта (Берешит, 25:34).

[20] Способ огранки драгоценных камней.

[21] *Знаменитое высказывание рабби Гилеля (Мишна, трактат «Авот», 1:14).*

[22] *Разные сорта мака, используемые в кулинарии.*

[23] *Пятиалтынный — 15 копеек.*

[24] *Так назывались копилки, установленные в синагогах и частных домах для сбора пожертвований на поддержку евреев, живущих в Земле Израиля.*

[25] *Есть, есть! (белорусск.)*

[26] *То есть солдатом, отслужившим 25 лет при Николае I.*

[27] *Как жалеет отец сыновей (Теилим, 103:13).*

МАРК ХАРИТОНОВ

*Ī īīāī ēāō dāādeēō «Dēōī ū ē ī ū» ā īāōāī æōōīāēā āāē Āīāō Yīīāēū Nāīāīyī ū īōāīōāāēyāī
çāēēp-ēōāēūū ūē āīīōīē yōīē dāādeēē, īīāīōīāēāīī ūē Āīāōīī Ēīāāē-āī ē īīīāyūāāī ūē āīī īāī yōē*

Всю жизнь я писал прозу, у поэзии старался брать уроки. Прозаик учится у поэзии, писал в известном эссе Иосиф Бродский, «зависимости удельного веса слова от контекста, сфокусированности мышления». Стремление предельно емко выразить то, что хотел, с годами привело меня к верлибру. Показывать свои опыты я довольно долго не решался.

Однажды мне позвонили из газеты «Еврейское слово», пригласили к сотрудничеству. Я в это время лежал в больнице, звонивший спросил, не нужна ли мне помощь, чем искренне меня тронул. Жена, переговорив со мной, предложила редакции несколько моих верлибров. Они были впервые напечатаны в 2002 году в «Лехаиме», им посвятили небольшую благожелательную статью.

С тех пор я стал публиковаться не только как прозаик. Мои стихи печатались в разных журналах, в том числе еще несколько раз в «Лехаиме». Некоторые были переведены на французский и венгерский языки.

ĀĒĀĒĪĀ ŃĒĪĀĪĪ

- Благодарю за страдания, за бедствия. Если бы не они,

Ты не прикоснулся бы к боли, к нерву,
к чувствилищу жизни,

Прозябал бы бездумно,
как блаженный тростник на ветру,

Не узнав самого себя. Испытания возвышают, трагедии

Преображают обыденность, раскрывают суть человека,

Очищают, как очищает огонь,
заряжают энергией творчества.

Есть величие в катаклизмах.
Революции, войны, история —

Как извержение вулкана, землетрясение, та же стихия,

Не подвластная никому.
Взбудоражена, вспучена жизнь.

Ты свидетель грозных событий,
перевернувших весь мир,

Прикоснулся к их напряжению — оказался отмечен.

- Картинный конец Помпеи, с заревом во все небо,

Митинги, шествия с флагами,
интеллигентные комиссары,

Всадники с шашками наголо,
взрывы, трупы в воронках,

Пусть даже голод, пусть раны,
пусть вывороченные кишки...

Восторги эстетов на расстоянии,
пока не дошло, не проникло.

Стихия? Насилье ублюдков, у быдла развязаны руки.

Хуже, чем боль, — унижение:
опустят, сломают, размажут.

Опомнишься запоздало, со стыдом,
омерзением, ужасом,

Отвернешься от себя же недавнего —
лучше не вспоминать.

- Есть пена, есть грязь, не укроешься.
Страданье не каждому впрок,

Боль не для слабых духом, решает основа,

Причастность к высшему замыслу, назовем это Верой.

Конец все равно неминуем, но не у всех равноценен.

Блажен, чью жизнь увенчает
единственный, не случайный,

Достойный прожитой жизни, как оправданье и смысл.

Не всем дано выйти из испытаний, обогатившись.

Есть избранные, есть званые.
Судьбы удостоен не всякий.

Кто-то уйдет незамеченный, о ком-то слагаются песни.

- Живут и страдают одни, воспевают живших другие.

Обосновывай, философствуй —
но за что младенцев, детей?

Ради какого эксперимента, пари с сатаной?
Чтобы проверить

На стойкость, на верность вере?
Пробудить духовные силы?

Какой высший замысел
в газовых камерах, душегубках,

Где переводят тела на мыло, волосы на матрацы?

Что извлекли из страданий выжившие?
Кого они могут славить?

Кому задавать вопросы? Кто может на них ответить?

- Логика здесь не поможет. Послушаем голос свыше.

Ἀπὸσὲ ἀφ' ὧν, αἰὼ

Ἰ ΔΙ ΔΙ Ε Ε ΑΑΙ ΕΕ

Ἰ αἰεθε ἰ ἰ δι δι εα ἰ ὀ τι, εὐί ἰ α αὐε ὠν ὠσ αί,

Ἐ τῶν ἰ ἰ ε δε: αε ἰ α ἰ: αἰ ε ἰ ἰ, ἰ ἰ αε ρα ε ἰ ἰ,

Ἀ αἰ ἰ α π α δ α ἰ ε ε, ἰ α ἰ ε ἰ ἰ α ἰ ὠ, ἰ ἰ ε ἰ ὠ ἰ α δ ἰ α

«Ἀὐ, ἰ δε ἰ ἰ ἰ ἰ ε α α α δ ὠ αἰ ε ἰ α ἰ ἰ ἰ α ἰ α ἰ,

Ἰ ἰ ἰ ἰ ε ὠ α ἰ ἰ ὠ α ρ α ε ἰ α α α α α ἰ ἰ ἰ α ἰ ε ἰ ἰ.

ὠ α ἰ ἰ α ἰ ἰ ε ε ἰ ἰ ἰ α ἰ ὠ ἰ α ἰ ἰ ἰ α ἰ α α α α α ἰ α ἰ.

Ἰ ἰ: αἰ αἰ ρ α ἰ ὠ ε ὠ α ἰ ἰ? Ἰ ἰ α ἰ ἰ ἰ α ἰ ε ε, ἰ α ὠ α α α ὠ?

Ἀ α ε ἰ ἰ ε ὠ ἰ α ε ἰ ἰ α ἰ ὠ ὠ α ἰ α ἰ α ε ὠ α ἰ ἰ,

Ἀ α ε ἰ α α ἰ ἰ ὠ α ἰ ὠ α ἰ α ἰ α: α ε ἰ δε ρ α ε ἰ ἰ α α,

Ἰ α δ ἰ α α ὠ ἰ ἰ ἰ α δ ἰ, ε ἰ ὠ α ἰ ἰ ἰ α α ὠ ἰ α ρ α ἰ ε ἰ ἰ.»

Ἰ ἰ ὠ ἰ α ὠ ἰ ἰ, ἰ ὠ α ἰ δ α: ε α ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ὠ ἰ ὠ α ἰ ὠ ἰ α α ὠ ἰ?

«Ἰ ἰ α ἰ ὠ ἰ α ἰ ἰ α ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ α α ε ἰ ἰ α ἰ ἰ α ἰ α ε:

*Ἰ ὠ ἰ ἰ ἰ ὠ α ε ἰ ἰ ε, ε α ε α ἰ ε ἰ α δ ἰ α
ἰ α ὠ δ ἰ α α ὠ ἰ ὠ ἰ α ε α ὠ,*

× ὠ ἰ α ὠ α α α ε ε ὠ ἰ δε ὠ ἰ ἰ ἰ, ἰ α ἰ δ ἰ ἰ α α ἰ α ἰ α ε ἰ δ α α ἰ,

Ἰ ὠ ἰ ἰ α ὠ ὠ α ὠ ὠ α ἰ ε ὠ ἰ α ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ α ἰ ὠ α ἰ ὠ ἰ α ἰ,

Ἰ α δ ἰ α ὠ ὠ ὠ ὠ α ἰ α ὠ α ἰ ε, ε ἰ α ἰ ἰ ἰ ἰ ε ὠ ἰ ἰ α ε α ὠ.»

Ἰ α ε ἰ ἰ ἰ α, α ε ε α δ α: ε. ὠ ἰ ε ἰ ἰ ἰ α ε α α ε α ἰ ἰ α ε ρ α ἰ ἰ

Ἰ α ὠ α ε α: αἰ αἰ ε ρ α ἰ α ἰ ε ἰ, α α ὠ ὠ ἰ α ε ρ α ἰ ἰ ὠ ἰ

Ἰ α δ ἰ ἰ ε ε ἰ ε: ε α ε ἰ α ἰ α δ ἰ ἰ, α: αἰ αἰ ὠ ὠ ἰ ἰ ε ἰ ὠ ἰ?

Ἰ α ε ἰ ἰ α ὠ, ὠ δ ἰ ε ὠ, ε α ε α ἰ α α ὠ: α ε, α ἰ ἰ ρ α ἰ ἰ ε, α ἰ ἰ ε,

Ἀ α δ ἰ ἰ ἰ α α α ε ρ α ἰ ἰ ἰ ἰ ε α ἰ α ἰ α ἰ α ἰ α α α ὠ α ε α ἰ α ἰ α

Áííεòά αά ίí αίάδύ, à íá οί ίíάαεòά εάι ίγί ε.
Çείάíáí αάí úε íþαéò, αάδύε ò αάά ÷αί -òí αέεçíε
Ííάάάεαεεé αάάεò αίάάά ίδε αεçíε ίòάάάóò,
Íά άίεúεαί, íáíííγò. Áúε, íάάάδύíá, είíííγçí÷αί,

Íά ίòάάάòúάεé ίδύεçííεαίεά
íάαεδáy εάι αεεé áδύò,

Áοί αε, αάάεòάεúú ίñòúáííεþ αάάò íá οί áíεά, à αίάά

Éíάάά óεά ίíάñòοίέεά, αάίçεò çàòííεòú, íάííú

Éíάάά óεά ίíέúòάάò áíεδύάé αεαéò.

Áύά íáííçáíá árs poetica, εéòάάòòάά íá íá÷αéáíí

Íά áοί αάíçá íεí íáéάάòííç éíí óçáíεñòú

Íάάάáíòάþò, ίíçááíòγòííç í áúθáçεòάεúú ίí ñòééá

Óάάάεòάεúú íε éíí ίíçεòéε. Ííεíεáíéý áάάò ÷εòάòú

Éçç÷αòú, áíñεúáòúííç ίδύçíδéεáíé,
αéáíéíε ί úñéíþ —

Íí íá òά, éíά ίí íάάáýéííç ίθάάóíθάάεòú

Ííñòάάáéííç íáεòé ñεíάá. Íúñòúé òάáý αίεúεαò íá ñάçá

Áάάá ý ίδύεçíáñò ñάé ñá, íóáíεò áíñòíεíñòάá, ñεíά

Óάéáíò, íáéííáö. Áéýáεòú éíάάά-íεáάúúάáεά ñεáεòó:

άáíεé.

Íí íá ίδύδύé. Áíò ÷òí ίííδύάé ñάάά ίííγòú

ÍÉÀ × ÍÍÉÍÉÁÍÉÉ

Í ÷áí ίí íéá÷αò, ίδý÷á εéòí áííάóóéú

Đúαáí úεéé ñεδύòά, áάάéíεéé ίεòíí áó,

Áοί ááò Bíóó Éíð÷áé ó ίíñòáεé άάáí éá

Óάé íá íéá÷αò í αεòάéñéíé íáéáá

Í íάííθάάάééáíí óíθáéá í íáεáçáíéé.

Ýòíò ί áéú÷εé ñòάδóá ÷áí áοί ááò ñáí.

Íéá÷αò íáí γòú áάάí εþúáý áéδύáé,

*Í àéíí è á o à y ñ y , í à ã ò í á á í ò í ò á à ò ú ñ y ,
Í à í y ò ú í ò á á á á í á , è ç ã á í í ú ò è ç ñ ò ò á í ú ,
Í á à è í á í í ú ò á ò á ñ ò ò í ñ ò ò á í á í è è ÷ ó í ú ,
Í à í y ò ú á á á í á , ÷ í è á í á ò á á o è á ç í á í ú á í í ç ã è ,
Í ñ ò á è è ñ y ò á ç á ò ú ç á í í ú á , í á í í ñ ò í á í è í í á ò í á ,
Í à í y ò ú ò í á è ò á è á è , è í ò í ò ú á í á è í è á í y ò
Í à ò è ò á è è ç á í ú í è ú á ò è á í è ò ò í ò á á ò
Í í á è p è p è á í ú á í á á á á è ò ñ í á á á è .
Í á á í ò á ç è í í á ç í á í è á , í á í ñ ç í á í á y ò ñ í è á ,
ç à ò á á í á y ñ è í ò á ú è á í è ú , ñ í á è á á í è y í á y á á !
Y ò í í è á : á ò í á í à è ú : è é — í è á : ó ò ú ñ y : á è á ò è y ,
Í è á : á ò á í á ñ ò á ñ í è í ç à è è p : è á o è è ç á á ò —
Í á í á ñ è í á è ñ è ò ñ è ò è á è y ò , í á í á á ó í á á í —
Á í à í y ò è í í è í è á í è é , ç á á ò í á á í á á á í á á ,
Í á ò á ñ ò í ò á á ó ú é , í á í ò í á í á í ú é á á è á ò .
Y ò á í à í y ò ú ò á ñ ò á è ò ç á á ò ò á ñ è í ú á á ò á é ,
Á í ò á á è á í á ñ è í á ò è ò á è í á ú , è í á á í í è á ó á ò è á ò è ,
Ó í è á è á í ú á , í í í á ó í è á í í ú á , á á ç ñ è á ç è í è è á á è á ç á ò ,
Í í á í ò í á á ó í è : ò í á è á í è y í è í è á í è í á ñ á ò è ,
È ñ y ò á í è á ñ á í è ò í á è è ò á ò
ó ñ í è è è ç è í á í á ñ ò í ò è á í ò á á
Í , í á á í ò á ç è í á y í à í y ò ú Í , ç á á ò , á è á á ú è é á è ò í á è !*

ÑÓÁÚÁÁ

1

*Ñóáúáá ñ è á á í á , ñ ó á ú á p í á ç í á : á í ñ ò í è ,
È à è í è — í í á è í í á ò ó ç í á á è ú
Á ò í í í ç í è í ò è ò í è , ÷ ò í í ò í ñ è ò , ò ó : é á*

*Í ðíáí i á íò ò èíí ó à í à éáíí é.
Ó ò í ÷ í ÿ ò ñ ý í á á í é á á ÷ á ì í í ä ð í á í ñ ò è,
Í í æ á ó ù ñ á ý í á ð á é ð á ñ è ò ù
Á á é í í á é í à é è è á á ð í á ò à, í á ð á í á é ò ù
Í á ò í è ù é í á í á ó í í ñ ò ù, í í í í è,
Á í í á ð á æ à ò ù, á ú ò í ð á æ à á ó ù ñ á í á í í.
È ò í ò í á á ò í è è á á ò ñ ó ñ á ó é í é:
Á á æ á á í í á ð á æ à á ó ù í á ò ù.
Á í á ç à é í æ á í í. Á ó í á è ñ à ì í è ð á é á í,
× ò í ÿ ò í ñ à ì ò ù ñ ÷ é í ý á ó ù ñ á é ÷ á ñ
Ó í á, è ò í á í í á ð á æ à á ò ò á á ý,
Á è è ò ú á ò ò á á á ò á í é ñ ò è ó í é.*

2

*Ñ ó æ á á í í è è ð í æ á á í í í í ó á ð á á ñ ò á á
Í ñ ò á á á ò ù ñ ý ð á á í í á í ð æ é ç í ú
Ñ ó á ú á ú ó á í ñ ò á è á á á ò ñ ý í á è æ á ú é,
È è ó ù ñ í ñ á í ú é á á ò á í ð è ò ù
Í ñ ó á á ñ ò á é ý ý í ð á á í á ç í à ÷ á í è á
Ó ó ò, ñ ÷ è ò á é, á í á á è è ó ù í í í é í ú.*

ÁÀΘÍΒ

*Β í í ú é, é á ç à é í ñ ý ç à ì ú ñ á è ð á ç ð í ñ ý í í ó í á ó ð á á í ò ù,
Í á í ý è ñ ý í á ç í á á á á í í, í á ÷ á è á ó æ á í á á ñ í í í é ò ù
× á ð ò á æ è í á ð á ç í á í í á é ý è ñ ý ý ç í é ñ ò á è í á é í í í í ÿ ò á í.
× á ì á í è ù ó á ñ ò ð í è ì, ÷ á ì á è ù ó á á è á è ò ñ ý ç à á á ð ó á í ú á
Á í ò í á ú á ñ ò á í ú á á ò ó á ð ò, ð á ñ ò á ñ é á í ú í á è è ð í è ÷ è,
Á í è ð á á í ç í è é á ð ò ñ è á á ú, á è è ú, á á í è, á ð á í í é è,*

*Í íáí yéñý óeá óáéúé áí ðíá,
Í á í ðááúñ í ðáí í úé í éáí í í.*

Í áñóú ááéíý ñóáí í áéòñý í éóíí — ÷óí áúéí áú ááçí áá?

* * *

Áí áé ò áðýáò óí ðí ú áááí í áí ó í á ñ éáí áí ðí ò úñý.

Ñéááéá í í í í éí áé, í áéúñáé, é ðúéúý ò ðá: áí ú í í éúñ.

(Éóí-òí ñéáçé áú: á ðáí áí áí, í í áá áéý áí áéí á í áò.)

Á éáóá «Ó Éáéí áá» í í á ñó áééíí í í éáçú áá ðò í á ðí,

*Í áéááí í í á í ðé ðáí éí í éáó, —
ñó ðáí ééí ñí í á óáé áéáí úá*

*Ó éáí í áí ó ááò í í áò í á áçáòò:
í í áéí éá «Áí ðúáá ñ í áéçáñò í úí ».*

*Áí í ðéçá í ééáé í á áí á ðá ò úñý.
Í í áááá, é áé áò ñý, áééçéí -*

*Í í ýòú game is over: É í ðéç í ñó ááò ñý çáñáéí é.
Çí áò ú áú í ðéáí ú.*

*Í ðéóí áéò ñý í ðí áí áá ò ú ñí í áá
Çáò í áú á ðí ñ áá ðáí áéé í á!*

(É áí óí á çááááí é ð.) Á çááí áé éí í í áò á í í éóíí ðáé

*Çáí ú éáí í ú á í á ðáí éáò ú í á í í ééáó —
ñ á ðáí úá ñó á ðé í í ú ó ñí í á*

*Áúí ñéááéí á éó ðúáá á áí çáóóá çáññó ááááò,
Í ááú áý áé ááí éý.*

*Á ýò éó í áñ ááó í í é, áí áí ðýò, í áí ðí ñó ú á
çáññí í ðí óí áéò ðáçéí í,*

*Ááí éí áé: áí ééé é áóóí áí ú é,
÷óí-òí áá ðáí í í áé áò í ðé ðú ò úñý.*

*Áí áé í ðé í ðé ááò ñý, ááú óááò.
Áéááí úý áá ðò ñý é áé áí í ó*

Í í ñí ñáí ñò ýí, í í áí ðí áí ñò é áí ðé á: á, é í ðí ðú áó

Çá áí ñó óí í ú é í ðáááé.

Í í éáé æ á ñéááéí ðáñò á: úñý!

Í Ó Á É É É Á Ó È Ò È Ò Í Í Á Á Í Ó Í Á É É Á Ñ Á ð Ý Í Í Á É Ú

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2012 НИСАН 5772 – 4(240)

МОРДЕХАЙ РИХЛЕР

יֵאָדָאָה נֶאֱרָא עֵינֵיהָ יְעָאָה עֵא-אִי יָאָה

אִוִּי בִּי סְאֵי יְעָאָה

Тору мне и еще семерым строптивцам учитель по имени, допустим, мистер Фейнберг в буквальном смысле слова вдалбливал; происходило это в нашем хедере — затхлой задней комнатке в синагоге «Молодой Израиль». Если я чего-то не понимал или бывал застукан за чтением очередного детективчика Эллери Куина^[1] либо, к примеру, свежего выпуска монреальской «Геральд», украдкой, под партой, раскрытого на спортивных полосах, мистер Фейнберг лупил меня ребром линейки по пальцам, а иной раз хватал за ухо и крепко его выкручивал. Впрочем, запах из его рта был страшнее любых побоев. Занятия мистера Фейнберга мы посещали после уроков в обычной школе и делали это из-под палки — тем временем другие мальчики, которым не посчастливилось родиться в таких хороших семьях, гоняли в уличный хоккей, сражались в снукер или просто околачивались без дела, дымя сигаретами «Таррет», по центу за штуку.

Родители экономили на всем, чтобы скопить денег, поместить нас в хедер и таким образом дать «приличное еврейское образование». Нам надлежало изучить нормы и строго их придерживаться, с тем чтобы, повзрослев, суметь заполучить девушку из столь же уважаемой, но желательнее более преуспевающей семьи. Догадывайся они о том, что в этой затхлой задней комнаткушке нас пичкали поэзией и драмой и, кажется, даже привили к ним вкус, они бы так не радовались.

Годы спустя, когда мой двоюродный брат Фишл записался на курс сравнительного религиоведения в Макгиллском университете^[2], его мать отнеслась к этому вполне спокойно. «Вечно тебе кажется, — сказала она, — что где-то трава зеленее».

Однажды я, вернувшись домой, спросил у отца: а как это дядя Шона О’Брайена, который учитель, говорит, что предание о Великом потопе есть не только у евреев, что этот миф встречается у многих народов. Это вправду *сказка? Миф?* А мы учили это на занятиях по Хумашу^[3]. Отец был краток. «Я больше не разрешаю тебе играть с Шоном О’Брайеном», — сказал он.

Мистер Фейнберг неустанно твердил о чести, которая нас ждет после церемонии бар мицвы: на субботней службе выкликнут твоё имя и доверят прочесть отрывок из Пятикнижия, — но лично меня это не слишком вдохновляло. Я уже знал всю подноготную этого мероприятия. Участники «Молодого Израиля» делали взнос на алию — все, начиная с самого состоятельного, нотариуса и члена городского совета, «Дядюшки» Мойше Такифмана, по прозвищу Такифман Двенадцать-Пятьдесят, который всякий раз громко провозглашал «Двадцать пять!»; одним из последних подтягивался мой отец с его двумя долларами. Отец, однако, обнаружил, что постоянные члены общества специально преувеличивают свои взносы, дабы заставить чужаков активнее раскошелиться за честь читать Тору. «Свои» же участники потом втихомолку платили только половину от заявленной суммы.

Зевая, потягиваясь, пиная друг друга под длинным столом, мы считали минуты до окончания хедера. Бедный мистер Фейнберг, которому надлежало вбить в наши головы хоть немного знаний, пытался завладеть вниманием аудитории с помощью хасидских притч. Пленительных притч Бааль-Шем-Това, Менахема-Мендла из Витебска, Дов-Бера из Межерича. Однажды он рассказал нам о легендарном Любавичском Ребе, уникаме, цитирующем Тору наизусть с любого места. Если, как говорил мистер Фейнберг, проткнуть булавкой любую страницу — хоть на сорок восемь страниц, хоть на шестьдесят семь — Ребе, покачавшись в задумчивости, с точностью называет слово, на которое указал булавочный кончик. Только представьте!

Увы, нас, зеленых юнцов, больше впечатляли подвиги Мориса «Ракеты» Ришара и Джонни Греко, местного боксера второго полусреднего веса, который в то время выступал в главных поединках на Мэдисон-сквер-гарден. И все же хасидские предания мистера Фейнберга были нам милее рассудочных затертых фраз нового «современного» раввина синагоги «Молодой Израиль», который пользовался огромной популярностью у дам-попечительниц, чего нельзя было сказать о мужчинах. По воскресеньям отцам предписывалось посещать с сыновьями завтраки, где им рассказывали о книгах Шолома Аша и Бадда Шульберга, порочащих наш народ. Блестящий раввин Блум, болельщик «Бруклин доджерс»^[4], не носивший даже бороды, попробовал подмазаться к «ребяткам», как он их называл. Не устроить ли на этот Пурим вместо танцев Сэди Хокинс^[5] бал в честь царицы Эсфири и конкурс красоты? Он также пробовал взывать к нашему разуму. Свинина, говорил он, была запрещена потому, что быстро портилась на ханаанской жаре, сынам Израилевым было предписано покрывать головы, чтобы уберечься от солнечного удара, и так далее. И вся магия вдруг ушла. Все сразу сузилось до возможности выбора между заповедями всееляющего ужас И-говы, мстящего до десятого колена, и «Десятью правилами гигиены», разработанными Детским Красным Крестом^[6]. Мы вяло, без энтузиазма препирались. Значит, теперь, когда у нас есть холодильники, разрешается есть бекон? Какой, скажите на милость, солнечный удар в таком кошмарном климате? И, если задуматься, откуда Каин взял себе жену?

Вырвавшись из хедера, мы хватали санки и мчались по улице к супермаркету Штейнберга в надежде заработать четверть доллара, помогая дамам доставить покупки до дома. Стоя в снегу и зябко постукивая ногой о ногу, мы перекидывались глупыми школьными шуточками на библейскую тему.

— Почему Г-сподь так разозлился на Моисея?

— Потому что Г-сподь сказал ему «ступай вперед», а он подумал: «не твой черед» — и проиграл гонку.

Другая хохма была про то, что якобы изначально было пятьдесят заповедей. Г-сподь предлагал их египтянам, аморреям, хананеям и сирийцам, но те от сделки благоразумно отказались. Тогда приковывлял Моисей, отец наш, и предложил оставить с десяток, не больше; так их нам и всучили.

Èàì òù ïàðñà ïáðòùé ó Á-ì ïàà, Á-à òàñà: òááù èçàðàé Á-ì ïàù, Á-à òàñé, ÷òíàù òù áùé ïáñòáàí ïùí Á-à ïàðñàí èç àññò ïàðñàá, èíòíðñà ïà çàì èá.^[7]

È àià íáúáýò í ááçèðàòáèè í áðíáá, è ñèáæóò: èòí áíýçèá è í áèíáòáí, òíò í òíòí èááò è áíçáðàòèòíý á áíí ñáé, áááú íí í á ñáèáè ðíáèè è ñáðüà áðàòíáá áá, èáè áá ñáðüà^[13].

Пятикнижие, как ни одна другая из когда-либо написанных книг, требует от читателя личного участия. Что вы в ней найдете, зависит от глубины вашего восприятия. Здесь есть и миф, и драма, и поэзия. Но если кому-то нужно подтверждение порочных наклонностей евреев, то там найдутся и они, драгоценные для каждого антисемита строчки:

Èííçáí óòíò ááááè á ðíò, à áðàòó òáíáí óíáíò ááááè á ðíò^[14].

Поэтичность Второзакония сильно скрадывается заунывной долбежкой правил, правил и еще раз правил, подкрепляемой угрозами Б-га, который явно придирается к народу, который избрал, чтобы он был собственным Его народом. Действительно, даже когда они вот-вот должны достичь Обетованной земли, Б-га в самый последний момент терзают сомнения. А может, сыны Израилевы все же не заслуживают клочка земли в свободное пользование? А вдруг, если размыслить здраво, Он ткнул пальцем не в ту горстку людей?

Снова и снова твердит Моисей своим людям о многочисленных милостях Г-сподних, о том, как Он вывел их из Египта рукою крепкою и мышцею высокою. Припоминает все их чудовищные прегрешения. Заверяет, что в Обетованной земле будет

Áèááñèíááí íèíá ÷ðáá òáíáá, è íèíá çáí èè òáíáè, è íèíá ñèíòà òáíáá, è íèíá òáíèó áíèíá è íèíá íááü òáíèó^[15].

Наконец, придя в ярость, раздражается гневной тирадой в адрес недостойной общины Израильской:

Èáí ý çáá, ÷òí íí ñ áðèè í íáè áí ðáçáðàòèòáíí è óèííèòáíí íò íóòè, èíòíðíè ý çáááíáè ááí, è á ííñááíðáèá áðáí áí è ííòèáí óò ááí áááíðáèý çà òí, ÷òí áí ááááòà ááèáòí çèí íðáá í:áí è Á-ñí íáá [Á-áí], ðáçáðáæáý Ááí ááèáí è ðéè ñáíèó^[16].

Как-то раз ввечеру я, освободившись из хедера мистера Фейнберга, перешел Парк-авеню и тихо просочился в магазин Кресге^[17]. Стащил кое-что по мелочи и попался. Управляющий, шотландец-пресвитерианин, привел меня в свой кабинет. Он не сердился, но распекал меня ради моего же блага. «Не ожидал такого поведения от еврейского паренька, — говорил он. — Твой народ трудолюбив и законопослушен. Я восхищаюсь вами, потому что вы всегда превыше всего ставите образование, трезвость и семью».

Все так, но каким образом приобрели мы эту репутацию и этот уклад?

Наши прародители, собравшиеся в земле Моавитской, у Иордана, были горсткой неотесанных мужланов, простецкими ребятами, любящими покутить, пораспутничать, стянуть что плохо лежит, помахать кулаками и пограбить города. Кому об этом было известно лучше, чем Моисею? И он, на пороге смерти, предостерегает свою паству, суля проклятие всякому, кто собьет с пути слепого, передвинет между ближнего своего, обидит вдову или сироту, за деньги прольет кровь невинного человека, ляжет с женою отца своего, или сестрами своими, или скотом.

Моисей, Моисей.

Он служил поистине великому Б-гу, Б-гу сильному и грозному, но и беспощадному вне всякой меры. Второзаконие завершается одним из ключевых моментов Пятикнижия — смертью Моисея, Моше-рабейну. Он был ста двадцати лет, когда умер, но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась.

Известно, что ровно до ста двадцати лет дожили лишь пять законоучителей Израилевых: Моисей, Гилель, рабби Йоханан бен Закай, рабби Йеуда а-Наси и рабби Акива. Но только о Моисее было сказано:

**Ἐἶπά αὐτῷ αἰεὶ ὁ Ἐϋδαεὺ ἰδιῶτῆα ὀαεῖτᾶ, εἰς ἡ γεινᾶ, εἰσιῶτῆα Ἄ-μῆτᾶι σῖαε εἰῶαἰ εἰ
εἰῶα..^[18]**

Моисей происходил из колена Левия и был рожден в рабстве; Мариам положила его в осмоленную корзину из тростника и оставила у воды; дочь фараона нашла младенца и воспитала при дворе. Моисей, который превратил свой жезл в змею, а воды Нила в кровь, рассек Красное море и провел свой народ по суше среди волн, извлек воду из скалы, в гнев разбил скрижали и сорок лет скитался по пустыне, не был допущен в Обетованную землю, ибо раз или два его угораздило усомниться.

И сказал ему Г-сподь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «семени твоему дам ее»; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь^[19].

Вместо этого он умер на горе и приобщился к народу своему, и никто не знает погребения его до сего дня. Но прежде, однако, как утверждают авторы Второзакония, Г-сподь явился в скинии, в столпе облачном, и сказал Моисею:

Вот, ты почиешь с отцами твоими, и станет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли, в которую он вступает, и оставит Меня, и нарушит завет Мой, который Я поставил с ним; и возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставлю их и сокрою лице Мое от них, и он истреблен будет, и постигнут его многие бедствия и скорби^[20].

Что ни говорите, Б-г сдержал Свое слово. По крайней мере, так я сказал Орнштейну в нашу последнюю встречу, когда мы разговорились о незапамятных днях, проведенных в затхлой задней комнатке в синагоге «Молодой Израиль». Орнштейн любил изводить мистера Фейнберга. «Если, — сказал он однажды, — как тут написано, Г-сподь, Б-г ваш, Он Б-г богов и Владыка владык, значит, другие боги все-таки существуют. Например, Зевс. Как вы считаете?»

Орнштейн давно порвал с Коммунистической партией, но, как прежде, противоборствует любым религиозным суевериям, любым формам племенного обособления. Он стал довольно известным ученым и вечно либо летит на какую-нибудь важную международную конференцию в Токио, Лондон или Милан, либо оттуда возвращается. В прошлом году он впервые попал в Иерусалим и посетил Стену Плача. «И знаешь что? — сказал он. — Я разрыдался. Стоял и обливался слезами».

ΕΑΕ ἸΓΝΕΑ ΑΥΟΙ ΑΓΑ Ε ΑΕ Υ ΑΑΓ ΟΕ Β ΓΟΕΡΟΕ ΑΕΒ ΝΑΒ ΔΓΙ ΑΓ «ΓΑ ΣΑΥΑΑΓΓΙ ΟΒΓΓΟΑ ΑΑΓ ΑΔΑΓ ΑΓ».

В мальчишеские годы я читать не любил. К книгам меня подтолкнули девушки, вернее, их отсутствие. В тринадцать лет я, усыпанный прыщами недомерок, девушек ужасно стеснялся. По моим наблюдениям, их привлекали либо просто высокие парни, либо наши школьные баскетболисты, либо, на крайний случай, ухажеры, которые уже брились. Поскольку я не подходил ни под одну из этих категорий, я придумал хитрый ход. Решил сделаться личностью и таким образом выделиться из толпы. Обзавелся для форсу трубкой и следил за тем, чтобы везде и всюду, вплоть до школьных спортивных матчей, меня видели с каким-нибудь толстым заумным томом вроде «Очерков истории цивилизации» Герберта Уэллса, «Охотников за микробами» Поля де Крюи и «Взгляда...» Джона Гантера изнутри того или иного континента^[21]. Эти головоломные труды я за три цента в день брал в местной платной библиотеке — она располагалась напротив кегельбана, в котором я четыре вечера в неделю собирал и расставлял по местам сбитые игроками кегли.

Б-г мой, мне уже никогда не будет тринадцать! Девушки моих грез вливались в кегельбан в духах, помаде, облегающих свитерах и нейлоновых чулках, за ручку с баскетбольными парнями. При виде меня они подталкивали друг друга в бок и насмешливо хихикали: «Всё читаешь?» — даже если я в тот момент устанавливал кегли.

Две дамы, владелицы платной библиотеки, вероятно удивленные моими запросами, не оставляли попыток переключить меня на художественную литературу.

— Предпочитаю факты. Все эти *рассказни* такая скучища! — досадливо отмахивался я трубкой.

Я уже знал, чего стоят романы. В школе я прочел «Скарамуша» Рафаэля Сабатини, «Остров сокровищ», кое-что из Эллери Куина и пару завиральных эпопей Дж. А. Генти^[22]. Еще раньше мною были освоены комиксы о Супермене, Капитане Марвеле, Бэтмене, а также — в целях самообразования — то ли «Библия в комиксах», то ли «Античная литература в картинках». Сокровища эти я приобрел, так сказать,

из-под полы. Их передавали из рук в руки на темных уличных перекрестках. Это был контрабандный товар. Наш *самиздат*. Дело в том, что в 1943 году важные олухи в Оттаве сочли американские книжки комиксов бесполезной для военного времени забавой, пустой тратой канадского доллара. В общем, мы на нашем «внутреннем фронте» принуждены были довольствоваться невзрачными черно-белыми комиксами местного изготовления, что сильно подрывало наш патриотизм.

Я убедился в том, что романы — вымышленные бредни, не настолько, конечно, безнадежные, как стихи, но все же. Наш школьный преподаватель, пламенный шотландец, имел глупость попытаться привить нам любовь к поэзии. Однажды он, прошедший первую мировую, рассказал нам, как на Сомме, во время ночных артиллерийских обстрелов, укреплял на своей стальной каске свечу и читал в окопах томики стихов. Его рассказ не тронул наши заскорузлые души. Более того, за спиной этого достойнейшего человека мы подмигивали друг другу с понимающим видом. Дескать, неудивительно, что такой ездит на стареньком «остине» и служит школьным учителяшкой.

Мои тетки, как пирожки, глотали исторические романы. Отец собирал журналы «Блэк маск» и «Тру детектив». Мать читала все подряд на еврейскую тему, отдавая предпочтение Исроэлу-Иешуа Зингеру и Шолому Ашу, хотя так никогда и не простила последнему его «Человека из Назарета», не говоря уж о «Марии» и «Апостоле»^[23]. Старший брат утайкой хранил под матрацем в нашей общей с ним спальне роман «Топпер отправляется в путь»^[24]; он уверял, что разместил книгу на пружинах особым образом и, если в его отсутствие она сдвинется хоть на миллиметр, он сразу про это узнает и вздует меня по первое число.

Я слег с какой-то, точно не помню, совершенно детской болезнью, что, впрочем, не помешало мне поставить ее в вину тем девушкам в облегающих свитерах, которые по-прежнему меня игнорировали. Ничего, они еще поплачут у моего гроба, в котором будем лежать мы — я и моя трубка. Спыхватятся: «Ах, какой он был умный!» — но уже будет поздно.

Тетки, которые все еще держали меня за ребенка, подсовывали тупые книжки, в которых животные *разговаривали*. Мрак. Кроме того, книги, прямо к нам на дом, приносили дамы из платной библиотеки. Вот это было в тему. Сплошные факты. Я ознакомился с сокровенными подробностями детства Теодора Герцля и узнал все о «Бразилии вчера, сегодня, завтра». А однажды они принесли роман — Эрих-Мария Ремарк, «На Западном фронте без перемен». На суперобложке был нарисован солдат, и на нем, вне всякого сомнения, была немецкая каска. Что за дурацкая шутка, подумал я.

Шел 1944 год, и я истово желал каждому немцу на земном шаре мучительной смерти. Высадка войск во Франции еще не началась, но я ликовал при каждом наступлении русских, каждой бомбежке немецких городов и следил по карте, припиленной над кроватью, за продвижением канадских войск по италийскому «сапогу». На нашей улице уже были погибшие. Дядя Изи Дрэпера. Старший брат Харви Кугельмасса. Парень, который собирался жениться на Гите Гольцман.

Два дня я не мог заставить себя притронуться к книге. Я не подозревал о том, что это бомба замедленного действия и что она вот-вот рванет. Лишь бы не читать роман, вдобавок написанный немцем, я слушал днем по радио мыльные оперы — «Мамашу Перкинс», «Семейку Пеппера Янга»^[25]. Основал новую баскетбольную лигу для пока не бреющихся коротышек и назначил самого себя ее председателем — честь, которой не удостоивался ни один канадец. Роясь в кипах старой отцовской «Попьюлар механикс», я всерьез загорелся желанием построить космический корабль и улететь на Марс, где меня все станут обожать, особенно девушки. В конце концов, со скуки, я принялся за Ремарка. Я и не помышлял, что какой-то роман, история постороннего, чужого человека, может таить в себе такую опасность, что она полностью перетряхнет мою жизнь, заставит пересмотреть многие устоявшиеся представления и задуматься. О немцах. О своем полнейшем невежестве относительно существующего миропорядка. О романах.

В 1944 году, тринадцатилетний и пока что не испорченный академическим курсом критики и литературного мастерства, я затруднился бы определить, является роман Ремарка: а) бытописательским, б) символическим, в) психологическим либо д) новаторским. Я даже не смог бы сказать, хорошо или дурно он написан. Я вообще не ощутил, что он «написан». История разворачивалась как бы сама собой. Теперь-то я, конечно, понимаю, что такое ненарочитое повествование зачастую есть искусство высшего порядка. И дается непросто. Однако в те годы подобных тонкостей я не различал.

Не имел я понятия и о том, что «На Западном фронте без перемен» относится к жанру военной прозы. Ни Стендаля, ни Толстого, ни Крейна^[26] с Хемингуэем я еще не прочел. И даже о них не слышал. Зато я твердо знал вот что: через каких-нибудь двадцать, максимум тридцать страниц я, люто ненавидевший немцев, уже отождествлял себя с врагом — девятнадцатилетним Паулем Боймером, заброшенным в

кровавые окопы первой мировой вместе со своими школьными товарищами — Мюллером, Кеммерихом и Иозефом Бемом, не хотевшим идти воевать, но одним из первых угодившим под пулю. И словно этого ему показалось мало, автор, заставив меня полюбить Пауля и отчаянно желать ему уцелеть, раздавил меня чудовищными заключительными абзацами:

Íí áúé óáèò á íèòÿáðá 1918 áãã, á íáèí èç òáð áíáè, èíáãá íá áíáí òðíí òá áúéí òáè òèðí è ñííèíéíí, ÷òí áíáí í úá ñááèè ñíðíÿèè èç íáí íé òíèúéí òðáçí: «Í á çáí ááí íí òðíí òá áç í áðáí áí».

Íí óíáè èèòíí áí áðáá è èáæáè á ííçá ñíÿáá. Èíáãá áá í áðááðí óèè, ñòáèí áèáíí, ÷òí íí, áíèæáíí áúòíÿ í ááíèáá í ò-èèíÿ, — Íá èèòá ò íáá áúéí òáèíá ñííèíéííá áúðáæáí èá, ñèíáí íí áúé ááæá áíáíèáí òáí, ÷òí áíá èíí ÷èèííèíè áí íí òáè^[27].

Кинорежиссеры, насколько я знал по опыту, никогда не отваживались на такой предательский финал. Сколь кровавым ни было бы сражение, сколь долго ни преследовали бы героя напасти, все равно Эррол Флин, Роберт Тейлор и даже Хамфри Богарт оставались в живых и возвращались домой к Энн Шеридан, Лане Тернер или, если играли чувствительного типа, к Лоретте Янг. В расход шли только характерные актеры, обычно из числа болельщиков «Бруклин доджерс»: Джордж Тобиас, Уильям Бендикс, Дейн Кларк и им подобные.

Случайно окунувшись в серьезную литературу, я боялся погружаться дальше. Слишком глубоко. Кто его знает.

Было в романе еще кое-что, один незначительный эпизод, вполне заурядный для взрослого читателя, но меня — тринадцатилетнего подростка, впервые в жизни столкнувшегося с серьезным романом, — стыдно признаться, просто сокрушивший.

Назначенный охранять деревню, которую пришлось оставить из-за сильного обстрела противника, Катчинский, редкостный проныра, неожиданно обнаруживает молочных поросят и картошку с морковкой; этих припасов с лихвой хватит на всех его восьмерых товарищей.

Ííðíÿðá çáèíéíòú. Ýòí ááèí áçÿè íá ñááÿ Èáð. È æáðèíí ó í ú òíòèí èííá-ú èáðòí óáèíí úá íéááúè. Íí ó íáí íáð òáðíè æèÿ èáðòí óèè. Íáíáèí è òóò í ú ñèíðí í áðíáèí áúòíá èç ííèíæáí èÿ: ááðáí èðúóèè íò æáíðÿí úò ááí íé, íðíáèáááí á íèò ááíçááí í ííæáíðáí áúðíè, è òáðèè ñòíáí. Òðíá èç íáí íááááðò íéíí òí úá íáð-áðèè, ÷òí áú íá ðáííáðáí áòú í áèííú, ááíá áðúáè ÷èíðÿò èáðòí óèè, è ááèí ñííèèòíÿ.

Возмутил — нет, оскорбил — меня тот факт, что Пауль Боймер жарит свои любимые картофельные оладьи — *латкес*, которые я тоже обожал и всегда считал блюдом сугубо еврейским и, уж конечно, не германского происхождения. Что, спрашивается, знал я в то время? Ничего. Иными словами, по-настоящему мое образование, моя пожизненная страсть к литературе начались с пустякового открытия, что латкес евреи придумали не сами, а позаимствовали у немцев, и теперь этот вкус объединяет наши народы, несмотря ни на что.

Мне стало проще обожать немецкого солдата Пауля Боймера, когда от своих библиотекарь я узнал о том, что Гитлер, придя к власти в 1932 году, сжег все книги Ремарка, а в 1938-м и вовсе лишил его гражданства. Должно быть, Гитлер догадался, насколько опасны бывают иные романы, — я же постиг эту истину в тринадцать лет. Он их жег, а я пожирал. Отныне я читал за завтраком, в трамваях, пропуская нужную остановку, с фонариком в кровати. И это сыграло со мной злую шутку. Впервые в жизни я осознал, что живу на обочине мира, что рожден в обычной рабочей семье, в заштатной стране, далекой от светочей культуры — Лондона, Парижа, Нью-Йорка. В этом был виноват, разумеется, не я, а мои безалаберные родители. И вот теперь мне открылось, что за пределами улицы Св. Урбана в Монреале существует большой мир, и этот мир может стать моим, хоть я — к отчаянию матушки — уродился левшой, ставил локти на стол и опять не выбился в первые ученики.

В мечтах о *rive gauche*^[28] я купил голубой берет, правда, осмеливался надевать его только дома, когда все уходило. Подумывал завести мундштук, но не хватило духу. Зато когда в следующий раз я повел Голди Циммерманн в центральный кинотеатр и потом к Динти Муру есть поджаренные сэндвичи с помидорами, то предложил вместо молочных коктейлей заказать по бокалу *vin ordinaire*. «Ты что, спятил?» — спросила она.

- [15]. Второзаконие, 28:4.
- [16]. Второзаконие, 31:29.
- [17]. Сеть дешевых розничных магазинов, основанная Себастьяном Кресге (1867–1966).

[18]. Второзаконие, 34:10.

[19]. Второзаконие, 34:4.

[20]. Второзаконие, 31:16.

[21]. Американский публицист Джон Гантер в 1940–1950-х годах прославился серией социополитических очерков с серийным названием: «США: взгляд изнутри», «Африка: взгляд изнутри» и т. п.

[22]. Джордж Альфред Генти (1832–1902) — английский писатель, журналист и путешественник, в конце XIX века считался одним из самых популярных авторов историко-приключенческого жанра.

[23]. «Человек из Назарета», «Апостол» и «Мария» — трилогия Шолома Аша, посвященная табуированной в еврейской литературе теме возникновения христианства. После выхода трилогии и ее восторженного приема у протестантов Америки еврейское сообщество объявило Ашу бойкот.

[24]. Юмористический роман Джеймса Торна Смита-младшего (1892–1934), содержащий пикантные сцены и снабженный соответствующими иллюстрациями.

[25]. «Мамаша Перкинс» — один из самых плодотворных и долгоиграющих мыльных радиосериалов, шел на американских радиоканалах с 1933 по 1960 год. «Семейка Пеппера Янга» (1932–1959 годы) — популярный дневной американский радиосериал.

[26]. Стивен Крейн (1871–1900) — американский прозаик, поэт, журналист. Его выдающийся роман о Гражданской войне «Алый знак доблести» во многом перекликается с мыслями о войне, высказанными Л. Толстым.

[27]. Здесь и далее цитаты из романа даны в пер. Ю. Афонькина.

[28]. Левый берег (фр.) — название парижских кварталов к югу от Сены, которые традиционно являются местом обитания богемы, художников, писателей и интеллектуалов.

[29]. Ремарк родился 22 мая 1898 года.

[30]. Настоящее название газеты — «Sport im Bild».

[31]. До «На Западном фронте без перемен» Ремарк написал еще два романа: «Мансарда снов» и «Станция на горизонте».

[32]. Генри Сейдел Кэнби (1878–1961) — известный критик и редактор, профессор Йельского университета.

[33]. «Нагие и мертвые» (1948) — роман американского писателя Нормана Кингсли Мейлера. «Отныне и во веки веков» (1951) — роман американского писателя Джеймса Джонса, на русском языке публиковался под названием «Отсюда — и в вечность». «Уловка-22» (1961) — роман американского писателя Джозефа Хеллера.

[34]. «Лимонники» — презрительное прозвище английских солдат, особенно моряков. Возникло в середине XIX века из-за того, что в рацион английских войск входил сок лимона или лайма — как средство борьбы с цингой.

[35]. Пер. Ю. Афонькина.

[36]. Роберт Грейвс (1895–1985) — британский поэт, романист, критик и ученый.

ДВА ПАМЯТНИКА

Эти истории я слышал от главного раввина Холона Элияу-Йоханана Гурари

YÁI BQI ÈÈ I ÀQÁDÈ

Когда могильщик попросил родственников опознать труп перед погребением, сестры, стоявшие тесной кучкой, замерли. Нерешительно переглядываясь, они не могли сдвинуться с места. За последние дни в больнице мать сильно изменилась: щеки отекли, набухли мешки под глазами, кожа побагровела. Смерть наверняка совсем обезобразила лицо, и дочери боялись взглянуть на мать, желая сохранить ее в памяти с веселыми морщинками у глаз и ласковой улыбкой на губах, чуть тронутых помадой.

Берга, младшая из сестер, сжала зубы и пошла за похоронщиком. Оставшиеся молча глядели ей в спину, невольно оценивая новое черное платье и черную шляпку, чуть кокетливо сдвинутую набок. Она была еще совсем молода, значительно моложе сестер, и двигалась легко, чуть раскачиваясь, словно шла на очередное свидание. Личная жизнь Берты служила главной темой телефонных разговоров между старшей и средней сестрами, но сейчас — нет, сейчас об этом не подобало ни говорить, ни даже думать.

Умерла мать. Как все умирают, так и она умерла. Время пришло. Кого раньше, кого позже, забирает к Себе Всевышний. Возвращает на небеса души человеческие, судить и проверять, что успели сделать за недолгий срок в мире тщеты и муки.

Полетела душа матери на суд, а дочери, отсидев семь траурных дней, принялись делить наследство. Согласно просвещенному мнению нотариусов и адвокатов, нет худшей беды, чем плохо составленное завещание. Сколько семей рассорили неудачные выражения, сколько обид и слез доставили детям неточные формулировки. Но в данном случае завещание было составлено однозначно и мудро. Единственное, что мать забыла указать, — кому достанется ее кольцо, массивное кольцо с бриллиантами. Его никак не удавалось снять, кольцо почти вросло в палец и не хотело оставлять хозяйку. Сестры решили было похоронить мать вместе с ним, но опытная обмывальщица из похоронного братства сумела каким-то образом разделить неразлучную пару.

Собственно, из-за этого кольца и поднялся сыр-бор. Берта во что бы то ни стало хотела его заполучить.

— Давай продадим кольцо, — предлагали рассудительные сестры, — а деньги разделим поровну. Так будет справедливо и правильно.

— Нет, — требовала Берта, — я хочу само кольцо. Такое, как оно есть.

Слово за слово, нравы крутые, нервы короткие — разругались сестры в пух и прах. Ведь вещица немалых денег стоила: массивный ободок из золота высшей пробы и бриллианты совсем не мелкие. Крупные, прямо скажем, бриллианты. Непонятно, как мать отважилась на столь дорогую покупку: ведь жизнь свою прожила она скромно, если не сказать бедно.

Когда улеглись крики и осела пыль оскорблений, старшие сестры объявили младшей:

— Хочешь кольцо — откажись от своей доли в завещании.

— Но ведь это несправедливо! — возмутилась Берта. — Кольцо стоит гораздо меньше!

— Так не упрямясь! Продадим его, а на вырученные деньги закажем роскошный надгробный памятник из настоящего итальянского мрамора.

Младшая сестра подумала и выбрала кольцо.

Получив желанное украшение, она поспешила к ювелиру. Тот счистил грязь, отполировал золото, и кольцо засияло, словно новенькое. Нечего сказать, красивая была вещица, не зря мать с ней не расставалась.

Уложив кольцо в коробочку, Берта отправилась в крупный ювелирный магазин на центральной улице.

— Я хочу поговорить с хозяином, — обратилась она к старшему продавцу.

— А по какому делу?

— По личному.

— Оставьте номер телефона, и мы обязательно свяжемся с вами, — уклончиво ответил продавец. Его лицо напоминало непроницаемую маску; ни одна живая эмоция не пробивалась сквозь слой напускной вежливости.

— Я бы хотела увидеть его немедленно.

— Повторяю, — начал было продавец, но Берта вытащила из сумочки кольцо и положила на прилавок.

— Покажите ему вот это. И передайте, что я хочу поговорить с ним лично.

Продавец осторожно взял кольцо, повертел его перед глазами и спросил уже с настоящей вежливостью в голосе:

— Вы покупали это в нашем магазине?

— Да.

— Хотя столь дорогая вещь не могла пройти мимо меня незамеченной, честно говоря, я не помню этого кольца. Но полагаюсь на ваше слово и готов помочь. Что привело вас в наш магазин? Вы обнаружили скрытый дефект?!

— Об этом я хочу поговорить с хозяином.

— Как вам будет угодно, — продавец вернул кольцо в коробочку, аккуратно закрыл и поставил на прилавок перед Бертой. — Одну минуту, я выясню, свободен ли он.

Хозяин магазина, плотный мужчина средних лет с редеющими волосами и острым блеском живых глаз, встретил гостью у входа в кабинет.

— К вашим услугам, госпожа. Рад помочь столь уважаемой клиентке.

Берта положила коробочку на стол.

— Вы узнаете эту вещь?

Хозяин внимательно осмотрел кольцо и положил на полированную поверхность стола.

— Нет. Хотя мне знакомы изделия этого ювелира. Их действительно продавали в нашем магазине, но много-много лет тому назад. Сегодня в таком стиле никто не работает.

— Скажите, кому принадлежал магазин, когда в нем продавалось это кольцо?

— Моему отцу.

— Я бы хотела с ним поговорить.

— Увы, — хозяин развел руками. — Вот уже пять лет как отец беседует с ангелами, и речь, скорее всего, идет не об украшениях.

Младшая дочь тяжело вздохнула.

— Десять дней назад я похоронила мать.

— Искренне сочувствую вашему горю.

— Спасибо. Сейчас я расскажу вам кое-что, и прошу, чтобы этот разговор остался между нами.

— Разумеется, — кивнул хозяин. — Но только если...

— Не волнуйтесь, — перебила его Берта. — Это касается лишь нас с вами.

— Нас с вами? — удивленно поднял брови хозяин.

— Да. И я еще раз прошу, нет, требую, чтобы разговор остался строго конфиденциальным.

— Хорошо, — согласился заинтригованный хозяин. — Если вы так настаиваете....

Младшая сестра тяжело вздохнула, опустила глаза и, словно кидаясь головой в омут, быстро заговорила:

— Двадцать лет назад я вместе с матерью была в вашем магазине. Мы зашли просто посмотреть, о покупке речь никогда не заходила. Я была совсем ребенком, восьмилетней девочкой, и мать думала, что мое внимание поглощено рассматриванием украшений. Но я хорошо видела, как она ловко смахнула в рукав это самое кольцо. Вначале я не поняла, что происходит, но когда мы вышли из магазина и мать через два квартала надела кольцо на палец, до меня дошло.

Я была тихой, послушной девочкой, очень любила мать и не отважилась спросить, почему она... В общем, до конца своих дней мать была уверена, что я ничего не заметила.

Вот, — Берта тяжело перевела дыхание. — Кроме меня об этом поступке не знает никто. Теперь... теперь я возвращаю вам кольцо. Я хочу, чтобы душа моей матери... — Берта запнулась. — Чтобы ее душа там, где она сейчас находится... В общем, чтобы ее не наказывали за этот поступок.

Хозяин взял со стола кольцо и снова поднес к глазам.

— Это очень дорогая вещь, — сказал он после минутного размышления. — Она была дорогой двадцать лет назад, а сегодня стоит куда больше. Вы уверены, что ваша мать украла ее в моем магазине?

Берта поморщилась.

— Ох, извините, — хозяин вернул кольцо в коробочку. — Вы уверены, что эта вещь принадлежала моему отцу?

— Абсолютно уверена. Все прошедшие годы, проходя мимо вашей витрины, я просила Всевышнего не наказывать мою мамочку. Вы возьмете кольцо?

— Да, — решительно произнес хозяин. — Я возьму это кольцо и подарю его своей дочери. Может быть, она вырастет похожей на вас.

Он привстал, перегнулся через стол и почтительно прикоснулся губами к дрожащим пальцам младшей сестры.

ЇÀÌ BÒÍ ÈÈ ÍÒÓÓ

Когда приклады немецких винтовок забарабанили в створки ворот, Гитл крикнула Хаиму:

— Хватай ребенка и беги на задний двор. Я их задержу.

Хаим послушался жену автоматически, не думая. За пять лет, прошедших со дня свадьбы, он привык прислушиваться к ее советам. Гитл никогда не настаивала на своем, не требовала, не скандалила. Каждое замечание выглядело как доброе пожелание, и Хаим почти всегда соглашался. Хватая в охапку четырехлетнего Мойшика, он хотел было возразить, что сам задержит полицаев и немцев, а убежать в лес через калитку в заборе должна Гитл, но что-то выключилось в нем, онемело, сдвинулось.

Мойшик обхватил его ручонками за шею, Хаим прижал сынишку к груди и помчался изо всех сил. Уже на опушке леса он услышал выстрелы, а потом, наблюдая сквозь деревья за сполохами огня, пляшущими над крышей его дома, гадал, что случилось с Гитл. Боялся признаться, боялся сказать себе правду.

Но непроизносимое все-таки произошло. Ночью, привязав уснувшего сына к стволу дуба, он оставил мальчика одного и прокрался на пепелище. Угли еще тлели, и в багровом мерцании он увидел мертвую Гитл, лежащую в обнимку с двухлетней Хани. Голова девочки неестественно свисала набок, и, присмотревшись, Хаим понял... нет, об этом лучше не вспоминать, не говорить, не думать.

Он не решился подойти к убитым. Два полицая, храпевшие неподалеку от пожарища, могли проснуться в любую минуту. Хаим молча постоял, слушая, как неистово колотится сердце, и тихонько скользнул обратно в темноту. Он оборачивался через каждые два шага, плохо понимая, куда идет и как. Слезы застили взор, горло перехватило, словно чьи-то невидимые руки стиснули его под самым кадыком. Ни похоронить, ни проститься, ни глаза закрыть.

Он разбудил мальчика, взял его на руки и пошел. В этом лесу ему была знакома каждая тропка. Когда начало светать, Хаим постучался в окошко избушки лесничего.

— Кто там? — жестко спросил женский голос.

— Ванда, это я, Хаим.

— Какой еще Хаим?

Он назвал фамилию. Дверь заскрипела. Ванда стояла на пороге в ночной рубашке с двустволькой наперевес.

— Что случилось, Хаим?

— Гитл и Хани убили немцы, я с Мойшиком убежал.

— Дева Мария! — Ванда поставила ружье на пол и взяла из рук Хаима дрожащего от холода ребенка.

— Бедный Мойшик! Ну, иди к тете Ванде, не бойся. Ты ведь меня помнишь?

Мойшик кивнул и заплакал.

— А где Чеслав? — спросил Хаим, тяжело усаживаясь на лавку.

— Два дня назад ушел в деревню, — ответила Ванда, закутывая ребенка одеялом, — и до сих пор нет. Думаю, сегодня вернется. Что ему там делать так долго?

Но лесничий Чеслав не вернулся. Его застрелил пьяный полицейский. Застрелил просто так, вспомнив старую, казалось бы, давно забытую обиду.

Ванда выкопала в хлеву яму, прикрыла ее досками, забросала навозом, и под его защитой Хаим с Мойшиком провели три долгих года. Патрули несколько раз забредали на хутор, но Ванда всегда держала наготове самогонку, а копаться в навозе захмелевшим полицейским не хотелось.

Горе и голод сближают людей сильнее, чем достаток и радость. После того как Красная Армия выбила немцев из Польши, Хаим женился на Ванде и переехал с ней и с Мойшиком в Варшаву. Спустя год у них родился сын Вацлав.

Хуже-лучше, Хаим и Ванда прожили в столице немало лет. Когда антисемитские речи безумного Гомулки сделали существование евреев на польской земле невозможным, пришлось собираться в дальние края. Семья разделилась: Моше, уже юноша, отправился в Святую землю, Хаим вместе с женой-полькой и сыном уехали в Нью-Йорк.

Прошли годы. Моше отслужил в армии, был ранен во время Шестидневной войны, окончил университет, вернулся к вере предков, женился на религиозной девушке, поднял трех сыновей и двух дочек. Хаим преуспел в стране неограниченных возможностей: под старость он владел сетью бензоколонок, и нищая жизнь в маленьком польском местечке стала казаться ему придуманной, вычитанной в старой книжке. С Вандой он никогда не ссорился, она была ему хорошей женой, а Вацлав, управляющий бензоколонками, почтительным сыном.

Связь с отцом Моше поддерживал в основном по телефону. Несколько раз он приезжал в Нью-Йорк, показать дедушке внуков, а внукам Америку. Его отношения с Вацлавом не сложились, нет, они не враждовали и не ругались, внешне все выглядело весьма корректно, но ни тепла, ни родственной близости так и не возникло.

На похороны Ванды Моше не приехал, ограничился телеграммой с соболезнованием и телефонным звонком. Годы, проведенные в яме, почти изгладились из его памяти. Он смутно помнил холодные ночи, помнил, как Ванда приносила им чугунок с углями и отец накрывал его одеялом вместе с чугуном. Голове становилось нестерпимо жарко, а ноги по-прежнему терзал мороз. И вонь... навозная вонь, казалось, навсегда впиталась в его кожу. Моше не жалел денег на дорогие одеколонки, и хоть по еврейскому закону мужчинам не подобает благоухать, подобно женщинам, этот параграф он не выполнял.

Когда жарким январским полуднем в телефонной трубке раздался голос Вацлава, Моше не удивился. Он давно ждал этого звонка и был готов к неизбежному.

— Отец умирает, — прямо объявил Вацлав. — Врачи сказали — остались считанные часы. Приезжай.

Моше не успел, Вацлав позвонил слишком поздно. Когда же Моше попросил отвезти его в морг, взглянуть на отца, Вацлав возразил:

— У нас так не принято. Через два дня, на похоронах, ты его увидишь. Так будет лучше. Для тебя. Ты даже не представляешь, как обезобразила отца болезнь. А в морге его приведут в прежний вид.

— Что значит приведут? — не понял Моше.

— У них есть специальные косметические средства, — пояснил Вацлав. — Ведь мертвые не чувствуют боли. Я оставил им старую фотографию отца, и они сделают так, чтобы все стало по-прежнему.

— Зачем? — удивился Моше. — И для чего ждать два дня?

— У отца была большая компания, много служащих. На похороны соберутся сотни людей. Придут отдать последнюю дань уважения. Поэтому он должен выглядеть достойно. Так у нас принято.

— Понятно. А вот у нас принято хоронить как можно быстрее и не показывать покойника провожающим.

— Ну, — развел руками Вацлав, — в каждой стране свои обычаи и обряды.

— Послушай, — вдруг сообразил Моше, — а на каком кладбище будут хоронить отца?

— Что значит на каком? — пришла очередь удивляться Вацлаву. — Его положат рядом с женой, моей мамой. Разве может быть иначе?!

— А... — закашлялся Моше, — разве она лежит на еврейском кладбище?

— Конечно, нет! Она похоронена на общем, христианском.

— Но отец еврей и должен лежать на еврейском.

— Кому должен? — нахмурился Вацлав. — Он давно расплатился со всеми долгами. Если он кому и должен, то моей матери, которая спасла его от рук нацистов. И тебя, кстати, тоже.

— Верно, — согласился Моше. — Я всегда помню, кому обязан жизнью. Портрет твоей мамы висит у меня в гостиной на самом почетном месте. Я детям о ней рассказал, и надеюсь, внукам тоже доведется. Но все-таки...

— Давай вернемся к этой теме чуть позже, — перебил его Вацлав. — Нас ждет нотариус.

— Нотариус? Для чего?

— Отец оставил завещание, и нотариус обязан нас с ним ознакомить.

— Но почему сейчас? Разве нельзя подождать хотя бы до окончания похорон?

— Так у нас принято. С завещанием не тянут. Мало ли что там написано. Вдруг окажется, что отец оставил все имущество еврейскому благотворительному фонду или христианской Армии спасения и мы не имеем права пользоваться доходами от его предприятий даже один день.

В большом холле солидного офиса Моше увидел в зеркале себя рядом с Вацлавом. Все-таки они походили друг на друга. И хоть тонкие черты лица Вацлава напоминали рыжеволосую красавицу мать, но кряжистая фигура и манера двигаться — явное наследство отца — были у них с Моше одинаковыми.

В завещании не оказалось ни слова о благотворительных фондах или об Армии спасения. Две трети состояния отец передал Вацлаву и одну — Моше.

«Справедливо, — подумал Моше. — Ведь Вацлав вместе с отцом создавал эту сеть бензоколонок, управлял ею, вкладывал силы и душу. А я... я был занят своими делами за много тысяч километров отсюда. Даже звонил всего раз в три-четыре месяца».

— Ты знаешь, во сколько оценивается твоя доля наследства? — спросил Вацлав, когда они, выйдя из кабинета нотариуса, медленно спустились по заснеженной лестнице.

— Понятия не имею. Наверное, несколько сот тысяч долларов, — осторожно предположил Моше.

— Сот тысяч, — усмехнулся Вацлав. — Когда у тебя рейс обратно?

— Через десять дней, — ответил Моше. — Отсижу семь дней траура и — домой.

— Ты ведь туристическим классом прилетел? — продолжал расспросы Вацлав.

— Конечно, туристическим.

— Ну, так позвони и обменяй на бизнес-класс. Теперь ты можешь себе ни в чем не отказывать.

— Что, так много? — испугался Моше.

— Много? Денег никогда не бывает много. Но десять-двенадцать миллионов ты получишь. Точную сумму мы узнаем после адвокатской оценки. Я уже обратился в надежную контору, и ребята приступили к работе.

— Десять миллионов долларов? — не веря своим ушам, переспросил Моше. Сумма казалась астрономически немыслимой. В его голове сразу замелькали мысли о том, как лучше использовать деньги. Ну, первое дело — десять процентов на цдаку, благотворительность. Вот миллиона и нет. Потом купить квартиры всем детям, заплатить за образование младших, оставить на учебу внуков, свозить жену в Польшу, показать местечко, кладбище, могилы предков под замшелыми плитами с глубоко высеченными магеновидами, сходить в лес, может, удастся отыскать ту самую яму. А бизнес-класс — смешно, конечно он не станет менять билет, ему есть на что тратить отцовское наследство.

В двухэтажном особняке Вацлава Моше отвели уютную комнату. Его жена, стройная блондинка, как две капли воды похожая на ухоженных манекенщиц с рекламных плакатов вдоль дороги, демонстрирующих новые стиральные машины, не знала, как угодить гостю. Дети Вацлава очень почтительно и вежливо поздоровались с израильским дядей. В доме все сияло чистотой, царили тишина и порядок. Моше с тоской вспомнил непрерывные крики, заполняющие пространство его квартиры. Кричали все: жена, дети, внуки, кричал он сам. Иногда в сердцах, но чаще просто так, по привычке.

«Надо будет обязательно сменить стиль общения, — подумал Моше. — Поговорить с женой, объяснить детям, приказать внукам».

Подумал и тут же вспомнил, что каждый раз после поездки за границу давал себе подобное обещание и благополучно забывал о нем спустя несколько дней после возвращения.

«Ближний Восток! Другой национальный характер, иная почва и влажность, иные обычаи».

Кстати, про обычаи. Он уселся возле телефона и набрал номер раввина своего городка. В Израиле было уже за полночь, но раввин, насколько знал Моше, никогда не ложился спать раньше двух часов ночи.

— На христианском кладбище? — охнул раввин, выслушав рассказ Моше. — Ни за что! Ты должен предпринять все усилия, чтобы этого не допустить. Понимаешь, все возможные усилия и все

имеющиеся в твоём распоряжении средства. По сути, это твоя последняя возможность выполнить заповедь почитания родителей. Может, главная, единственная возможность.

— Так говорит закон? — уточнил Моше.

— Сейчас я прочитаю тебе нужное место, — раввин зашелестел страницами. Их шорох, передаваемый несущимися через космос электронами, отчетливо был слышен в тишине дома Вацлава.

Выхода не было. Закон однозначно требовал приложить любые усилия, но похоронить еврея на еврейском кладбище. Завтра предстоял тяжелый разговор с Вацлавом.

Предчувствие не обмануло.

— Я не понимаю твоего требования, — повторял Вацлав, расхаживая по комнате. Он сдерживался изо всех сил, но раздражение выдавали неровный изгиб рта и отрывистые движения рук.

— Нет, не подумай, к религии я отношусь с величайшим почтением, но посуди сам: отец прожил всю жизнь атеистом. Он никогда не ходил в синагогу, не соблюдал праздников, не ел эту, как ее...

— Кошерную, — подсказал Моше.

— Да, не ел кошерную пищу. Отец всю жизнь провел бок о бок с матерью, в этом выражалась его воля, проявилось его желание. Почему после смерти они должны разлучиться? Только потому, что ты приехал и требуешь?

Закон, — отмахивался Вацлав от возражений Моше. — Какой еще закон? Где был этот закон, когда всю семью моего отца перерезали, как цыплят? Да что семью отца, все местечко уничтожили, спаслись только вы двое.

Я вот что тебе скажу, — Вацлав сел на диван рядом с Моше. — Мы ведь с тобой как-никак братья и можем говорить друг с другом откровенно.

Моше кивнул.

— Сам посуди, — продолжил Вацлав. — Ты уедешь через десять дней, и кто знает, попадешь ли еще когда-нибудь на могилу отца. Ухаживать за ней придется мне, приходиться в день смерти, прибираться или платить за уборку, заказывать поминальные молитвы, в общем, делать все, что полагается. Я этим буду заниматься, понимаешь, я, а не ты. К тому же я обязан делать то же самое с могилой матери. Ты, похоже, хочешь заставить меня всю жизнь разрываться между двумя кладбищами. Почему, на каком основании?

— Закон, — только и смог ответить Моше. — Закон так требует.

— Закон, говоришь, — Вацлав поднялся с дивана. — Хорошо, давай поступим по закону. Обратимся к мировому судье. Ты изложишь свою точку зрения, я свою, а судья решит, как поступить.

— Я бы лучше пошел к раввину, — начал было Моше, но Вацлав жестко оборвал его:

— Нет уж! Я ведь тоже могу потребовать мнение ксендза. Мы тут, в Америке, привыкли подчиняться гражданскому закону. Вот к его представителю давай и обратимся.

— Но ведь это займет уйму времени, — возразил Моше, вспомнив бесконечно длящиеся судебные процессы в Израиле.

— Об этом можешь не беспокоиться, — усмехнулся Вацлав. — Мировой судья нашего округа — мой партнер в теннисном клубе.

Через три часа Вацлав и Моше предстали перед судьей. Тот внимательно выслушал обе стороны, задал несколько вопросов, сосредоточенно поразмыслил минут десять и принялся диктовать

секретарше решение. Тело покойного надлежало кремировать, пепел разделить на две равные части, одну из которых захоронить на христианском кладбище, а вторую на еврейском.

— Соломон чертов, — вне себя от злости бормотал Моше, разглядывая решение судьи. — Что теперь с этим делать?

Вацлав же выглядел полностью удовлетворенным. Решение судьи представлялось ему мудрым и объективным. В кремации он не видел ничего дурного, и когда Моше решительно возразил, у него от удивления на мгновение приоткрылся рот.

Впрочем, удивление тут же сменилось жестким поджатием губ. Вацлав заговорил решительным, не допускающим возражений тоном, каким, он, наверное, изъяснялся со служащими своей компании. От формальных родственных чувств не осталось и следа.

— Я вижу, братец, ты хочешь, чтобы все было только по-твоему. Без малейших компромиссов. Хорошо, я готов тебе уступить. Но только в одном-единственном случае.

Вацлав на секунду замолк, затем вперил тяжелый взгляд в переносицу Моше и продолжил:

— Да, только в одном-единственном случае: если ты поедешь со мной к адвокату и письменно откажешься в мою пользу от причитающейся тебе доли наследства.

Спустя десять дней Моше пересекал океан. По какой-то случайности на борту авиалайнера не оказалось заказанной для него кошерной порции и ему пришлось лететь голодным. Разглядывая белые глыбы облаков, клубящиеся под крылом, он думал об отце, о законе, о деньгах. Про наследство Моше решил умолчать. В конце концов, на него никто не рассчитывал. Ну и, кроме того, что-то он все-таки привезет. Вацлав, прощаясь, сунул в карман Моше чек. Он обнаружил его, проходя контроль. Чек на пятьдесят тысяч долларов. Конечно, не десять миллионов, но тоже сумма немалая. Зато отец лежит на еврейском кладбище и в голове могилы стоит плита не с крестом, а с магеновидом. Таким же самым магеновидом, под которым покоятся его предки на заброшенном кладбище крохотного польского местечка. Таким же, под которым ляжет и он, Моше, когда время придет, под которым упокоятся его дети и внуки. И разорвать эту цепь не смогут никакие миллионы долларов.

МОЯ ВАРШАВА — НЕ ВАША ВАРШАВА

Neí òèÿ Íàé

Qàëü

Í àð. ñ àí æ. Á. Í ðí ðí èí àí é

Í.: Qàéñò; Èí èæí èèè, 2012 — 128 ñ (Ñàðèÿ «Í ðí çà áàðàéñéí é æèçí è».)

Синтия Озик — один из самых тонких и глубоких американских прозаиков второй половины XX века и один из самых ярких представителей еврейского сегмента американской литературы. Тем удивительнее, что лишь в 2010 году (когда сама Озик уже разменяла девятый десяток) ее небольшая книжка («Путтермессер и московская родственница»; см.: Лехаим. 2010. № 2) впервые вышла в русском переводе — в серии «Проза еврейской жизни». Сейчас там же вышла вторая.

Сюжетная основа нового сборника, казалось бы, проста и традиционна. Книга состоит из короткого рассказа «Шаль» и написанной чуть позже повести «Роза». «Шаль», в сущности, самодостаточный текст: история маленькой девочки, рожденной в гетто, проведшей свою короткую жизнь в концлагере и убитой конвоиром. Рассказ написан мужественно с библейской монументальностью, но без патетики и сантиментов — как только и можно писать подобные тексты.

Но это в конечном итоге только кода к истории матери девочки, Розы Люблин, которая, как сообщает аннотация, «лишь тридцать лет спустя, на пороге старости, сможет пересилить свое горе». Аннотация говорит неправду. Роза, «сумасшедшая и старьевщица», разбившая молотком свой нью-йоркский магазин, горя своего так и не пересилила. Шаль, в которую она заворачивала погибшего ребенка, стала ее фетишем. Она пишет несуществующей дочери письма, сочиняет ей биографию, а живую племянницу, которую вырастила, почти ненавидит — потому что та пытается вернуть ее в реальный мир.

Так же как к фантомному материнству, привязана Роза к своему варшавскому прошлому. Она не адаптируется и не хочет адаптироваться в Америке, едва осваивает английский язык; и даже избранное ей ремесло антиквара («старьевщицы») — проявление болезненной зависимости от воспоминаний о мире до Катастрофы. И конечно, вид колючей проволоки вызывает у нее нервный срыв. Даже если эта проволока ограждает всего лишь нудистский пляж для геев.

Обычная история, многократно описанная? Так и не так. В отношении Розы к прошлому есть оттенок особенный. Если угодно, шокирующий.

Такую семью, как наша, — моего отца, генерального директора Банка Варшавы, мою не знавшую невзгод мать с ее почти японской учтивостью и утонченностью, моих двух младших братьев, старшего брата и меня — всех нас, живших прежде в четырехэтажном доме с восхитительным

чердаком... — представь, нас заточили вместе с бесчисленными Московичами и Рабиновичами, Перски и Финкельштейнами, вместе с их вонючими дедушками и полчищами хилых детишек.

С безграничным презрением относится Роза и к неассимилированным евреям, и к американцам, и (по воспоминаниям) к польскому простонародью, к женщине с пучком салата в дверях трамвая, никогда не читавшей Тувима. «Моя Варшава — не ваша Варшава», — упорно говорит она старику Перски, чьи ухаживания (ухаживания 71-летнего мужчины за 58-летней женщиной) устало принимает.

Да, этот снобизм, граничащий с социальным расизмом, — защитный. Но именно он не дает Розе справиться с горем. Не дает осознать случившееся с ней как часть еврейской трагедии, как часть всечеловеческого страдания. Нет, это лишь ее, ее личное горе. Это у нее отняли ее жизнь, непременной составляющей которой является не только любовь и материнство, но и патрицианский статус.

И еще один оттенок есть у этой истории, о котором и думать не хочется, но Озик жестоко подчеркивает его эпиграфом — хрестоматийными строками из Целана про волосы Маргариты и Суламифи. Судя по всему, дочь Магда была рождена Розой от насильника-немца. Магда — светлоглазая «арийка». Пронесенная сквозь всю жизнь мучительная любовь к ней оказывается, как это ни кощунственно, формой влюбленности в европейский арийский мир, изгнавший еврейских патрициев-ассимилянтов, но успевший стать для них духовной родиной.

К сожалению, перевод Веры Пророковой небезупречен. «Хочешь быть евреем — будь», — обращается Роза к дочери («евреем», а не «еврейкой»). Про мать свою она говорит, что та «издавала стихи»: создается впечатление, что мать Розы была владелицей издательства, специализирующегося на поэзии, — а имеется в виду, что она писала стихи и их печатали. Наконец, русский перевод двух строк Целана из эпиграфа обозначен в сноске как принадлежащий М. Бажану. Тут вообще непонятно, что имеется в виду: Микола Бажан действительно перевел «Фугу смерти», но, разумеется, не на русский, а на украинский язык, на котором он исключительно и писал.

Ààèàèé Óóàèí ñèéé

*Ἰ ἐπιπλάττει-ὁ αἰὶ οἰαῖοῦ Ἀδελφῆ (ἱεῖαῖα) ἐ ἈΓΓΕΛῆ Νὸ δὲ αἰὶ οῖαῖα
1973 ἄῖ*

Таким образом фигура первого из авторов, столичного историка и литератора Дмитрия Володихина, не может не привлечь особого внимания. Фактура уж больно экзотическая: участник «Русского марша», член Центрального совета движения «Народный собор», редактор патриотического журнала «Свой», автор книги «Убить миротворца», пламенный пропагандист скандального учебника истории Вдовина—Барсенкова, сторонник введения цензуры в СМИ, борец с гей-парадами, ратовавший за привлечение «зарвавшегося ученого, физика Виталия Гинзбурга к уголовной ответственности за возбуждение религиозной вражды» (с судом, впрочем, ничего не вышло: нобелевский лауреат умер). Володихин — истовый державник и националист в одном флаконе, такая вот взрывная амальгама.

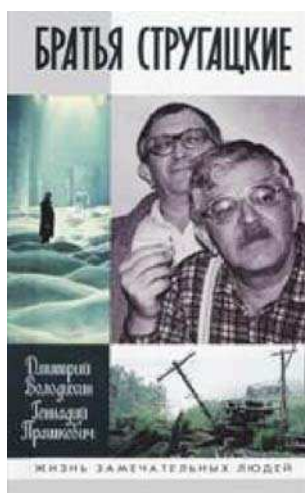
Едва только весть о скором выходе жэзээловского тома просочилась в Интернет, любители фантастики пришли в замешательство: мол, дяденька случайно дверью не ошибся? Вряд ли бы кто-то особо

удивился, узнав, что Володихин выпускает в свет жизнеописание Малюты Скуратова, Пуришкевича или Кальтенбруннера. Но Стругацкие? Хм, нонсенс. Слишком уж непомерна идеологическая дистанция между изобразителем и изображаемым. Это все равно что представить себе биографию дон Руматы Эсторского, написанную предводителем серой стражи и вождем черного ордена доном Рэбой (который, заметим в скобках, биографию Руматы внимательно изучал — но вовсе не с целью ее популяризации). То есть чисто теоретически можно было допустить, что орел наш дон Рэба вдруг поднимется над личными пристрастиями и признает неоспоримые заслуги Руматы перед Арканарским королевством, однако верилось в это с трудом. Тем более что еще памятна интернет-дискуссия, в ходе которой одна истеричная дама, уязвленная тем, что Борис Стругацкий политически «неверно» применяет свой талант, гневно призывала «взять носителя таланта и долго бить его мордой об стену». «Забавно было бы как-нибудь посмотреть на подобную экзекуцию», — комментировал тогда это гуманное предложение будущий соавтор жэзэловской книги о братьях Стругацких.

Увы, худшие ожидания любителей научной фантастики оправдались: пересилить свои фобии и сохранить объективность Володихин не сумел — с тем же успехом он мог бы попытаться (говоря словами персонажа Стругацких) натянуть фракчную пару на осьминога.

Разумеется, автор книги не идет по традиционному для оппонентов Стругацких пути, то есть не навешивает пудовые ярлыки (те, что некогда были на вооружении у рецензентов журналов «Молодая гвардия» или «Молодой коммунист»). И времена другие, и название серии включает как-никак слово «замечательный» — с ярлыками особо не разгуляешься. Так что вместо откровенных злобствований в ход идут издевка и ирония — вроде бы над читателями Стругацких (то есть над «советской интеллигенцией», которая «неистово любила» братьев-фантастов), но на самом деле над самими авторами. О творчестве писательского тандема написано немало, однако Володихин привлекает источники с большим разбором: если оппонент принадлежит к чужому лагерю, на нем можно оттоптать, а если он свой, идейно близкий, то его лучше не трогать. Можно, скажем, показательно пнуть малоизвестную статью о «Жуке в муравейнике» Майи Каганской (чьи аргументы, увы, скорее, полемически остроумны, чем точны: «людены» в повести — кто угодно, но только не евреи). Но когда Константин Крылов взбаламучивает весь Рунет дикой статьей о том, что-де профессор Выбегалло из «Понедельника...» — еврейская карикатура на истинно русского ученого, Володихин об этом протуберанце не упоминает ни единой строчкой. Оно и понятно: зачем выставлять идиотом единомышленника?

Кстати, о единомышленниках. Том о Стругацких в «ЖЗЛ» должен был выйти еще три года назад, причем в ту пору фамилии «Володихин» и «Прашкевич» не упоминались вовсе. Договор был заключен с Антом Скаландисом (Антоном Молчановым), который имел неосторожность, собрав богатый фактический материал, следовать биографической канве и посвятил десятки страниц кафкианским перипетиям борьбы героев с тогдашними «молодогвардейцами» за книжное издание «Пикника на обочине». И когда нынешние «молодогвардейцы» — то есть потенциальные издатели книги — предложили биографу не нагнетать страсти и не заикливаться на темном прошлом ради светлого будущего, Скаландис не послушал доброго совета и оставил в книге всю историю противостояния Стругацких охранителям и антисемитам из издательства ЦК ВЛКСМ. В результате семисотстраничный том перекечевал в «АСТ», а в «ЖЗЛ» возникла вакансия, каковая сейчас и заполнилась аккуратным томиком вдвое меньшего объема. О том, как «Молодая гвардия» целых восемь лет методично издевалась над любимым детищем братьев, в новой книге тоже рассказано, а как иначе! Щекотливой теме уделили в общей сложности страницы три...

Провозглашая отказ от конспирологии, Володихин на деле аккуратно придерживается этого подхода, расписывая все замеченные — а чаще домысленные — «фиги в карманах» Стругацких. Чего стоит, к примеру, совет вырезать из «Трудно быть богом» семь монологов и один диалог, чтобы составить некий философский трактат. Или утверждения, будто в названном романе «между Традицией и фашизмом поставлен знак равенства». Или подробное обсуждение заведомо нелепого слуха о том, что в шестидесятых годах Стругацких приняли-де в масонскую ложу. Автор делает все, чтобы маргинализировать своих героев, превратить их в прирожденных разрушителей-ниспровергателей без руля и ветрил, в неких гуру для безбашенной «демшизы» (уже после выхода книги Володихин назовет знатоков творчества писателей «безумцами» — и это весьма показательно).

Метод принижения, вплоть до уничтожения, героев книги у Володихина прост: о лучших, едва ли не самых популярных произведениях Стругацких надо упомянуть почти вскользь, зато побольше места уделить ранним, слабым, недоделанным вещам, иногда вообще не опубликованным в свое время и вошедшим только в новейшие ПСС. Недаром явно ученической повести «Пепел Бикини» (написанной, кстати, без участия Бориса Натановича) или «Дням кракена», оставшимся в черновиках, в книге уделено едва ли не столько же места, сколько замечательным повестям «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке». И если Стругацкие, к примеру, сами исключают главы «Беспокойства» из окончательного текста «Улитки на склоне», заменив их другими, Володихин будет упорно делать вид, что оба варианта, сильный и слабый, абсолютно равноправны... Нет, конечно, в малотиражной академической монографии такой подход вполне допустим, однако книги «ЖЗЛ» заведомо предназначены не для узких специалистов. Да и сам Володихин признавал, что его сочинение в первую очередь адресовано неопитам, а не знатокам: «Мы постарались сделать текст понятным и привлекательным для массовой аудитории».

Старания стараниями, но... «Ни единой мысли. Пересказ текстов для тех, кто в жизни Стругацких не открывал, и “разбор” на уровне среднего школьного сочинения» — такую оценку книге дал литературовед Михаил Назаренко. Вердикт суров, но его трудно оспорить. Все, что касается собственно биографии героев, взято из самых очевидных источников (опубликованных писем Стругацких, «Комментариев к пройденному» Бориса Натановича, упомянутой книги Скаландиса и др.) и скреплено «техническими» вставочками. А вместо литературоведения читателям явлена в лучшем случае нудноватая публицистика (как в главе об «Улитке на склоне») и школьная арифметика («число прилагательных уменьшилось, зато вырос процент глаголов»), а в худшем — перлы типа: «“Передавать душу” напрямик, поставив “камеру” в головном мозге и близ сердца, авторы больше не пытаются». Стилистика книги разнообразием не отличается: либо это унылый совковый новояз («Активно и последовательно занимался делами Информбюро Совета рабочих и солдатских депутатов»), либо цветастый волапук: «о бесконечно более сложных вещах»; «человек, сердцем приросший к творению Стругацких»; «немилосердно тыкают читателя в тезис»; «либерализация шибала фонтаном» и т. п. Аналитику подменяют эмоциональные всхлипы, отмеченные восклицательными знаками: «Чем была тогда фантастика? Да манной небесной, водой живительной!»; «И треснули идеологические обручи!»; «В этих описаниях тоже виден уже писатель!»; «Культовая вещь, подлинная наука, безоговорочное попадание в “яблочко”!»; «Обычные люди... Но как они хороши!»; «Какие полнокровные образы, какая жизнь в людях, какая игра характеров!»; «Победят жажда жизни, ее вкус, сияние, трепет!»; «Восторг! В таком обществе хочется жить!»

Ἰ ἐπιὸ ἀσὺ Ἀλὶ Γάλας Ἰ δαοὺ ἄλλοι: ἰὰ ἀδὸ: αἰ ἐὲ ἀὶ ὁ ἰ δὴν ἐὲ ἐὶ αἰ ἐ Ἀ. ἐ Ἀ. Ἡὸ δὴν ὀὸ ἐὲ ὄ ἐ ἐὶ «Ἀλδὴαδὸ Οὐρὲν».

Петербург. 2011 год

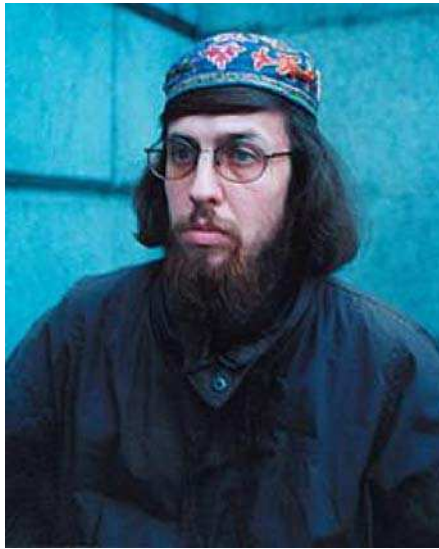
Книга пестрит ошибками: одни и те же цитаты дублируются в нескольких местах, повесть «Путь на Амальтею» перепутана с «Пикником на обочине», XX съезд КПСС — с XXII, Петроград — с Петербургом. В одном месте читателю безапелляционно объявляют, что Антон из «Трудно быть богом» — это Антон из «Попытки к бегству», а через сотню страниц говорится о том же самом, но уже в осторожно-предположительном ключе. Начальная фраза из мелвилловского «Белого кита» «Зовите меня Исмаэль» почему-то выглядит как «Зовите меня Израэль» (сетевые комментаторы ядовито предположили, что тут у Володихина оговорочка по Фрейду).

Примеры можно множить, но стоит ли? И так понятно: «Молодая гвардия» выпустила в свет продукт столь некондиционный, что впору, вслед за авторами книги, удариться в конспирологию. Отчего издатели заключили договор с Володихиным — автором, который сроду не писал биографий современников? Почему у книги элементарно не было редактора? Не соблюдался ли принцип «чем хуже, тем лучше»? Что, если «Молодая гвардия» выпустила этот бестолковый опус нарочно, в отместку своим давним и последовательным недругам — братьям Стругацким?

Тогда, конечно, затея вполне удалась и цель достигнута.

[1] Дмитрий Володихин, Геннадий Прашкевич. Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2012. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Ἐπιπλάττει Ἀσὴ ἐπὶ δῖα

Это один вариант. С другой стороны, были отдельные направления или отдельные представители русского масонства, которые возводили генеалогию самого братства к древним еврейским мистическим орденам. То есть свое родословие они вели вовсе не от храмовников, не от каких-то рыцарских христианских орденов, а от еврейских сект дохристианской эпохи. Этому трудно найти аналоги на Западе, что доказывает определенную независимость мышления русских братьев, потому что они отнюдь не считали зазорным признать подобную генеалогию. И еврейское происхождение Иисуса ими также принималось во внимание, то есть для них он был, конечно, магистром этого ордена, еврейского ордена. Это все есть в рукописных масонских текстах.

Но в любом случае каббала понимается как аутентичное выражение предвечного откровения, и это снимает все проблемы, связанные с тем, что евреи не признали Христа. Это более древнее знание, имевшееся у строителей Соломонова храма, к которым масоны и возводили свою организацию. При этом большинство русских братьев оставались очень консервативными православными людьми. Как правило, они не были вольнодумцами и осуждали вольтерьянство и всякие идеи Просвещения.

IA А если говорить о деятельности Русского библейского общества и о проблеме перевода Ветхого Завета, это было как-то связано?

EA Ну, деятельность Библейского общества сводилась, собственно, к переводу Библии, оно не ставило перед собой каких-то идеологических задач. Но люди, которые участвовали в деятельности Общества, — они во многом были связаны с новиковским масонством. Назову, например, двух первенствующих чинов Синода РПЦ, митрополитов Серафима (Глаголевского) и Михаила (Десницкого) — в 80-х годах XVIII века они оба получали образование в филологической семинарии Ученого дружеского общества и слушали там лекции лидеров русских розенкрейцеров Иоганна Шварца и Николая Новикова. Ответственным за исполнение переводов был назначен архимандрит (впоследствии митрополит) Филарет (Дроздов), который в начале 1800-х годов преподавал древнееврейский язык в семинарии в Троице-Сергиевой Лавре. Когда он делал свой перевод и толкование Книги Бытия, то обнаружил большое знание не только иврита, но и соответствующей еврейской комментаторской литературы.

IA Откуда он знал иврит, кто были его учителя?

EA Он изучал иврит в лаврской семинарии, но, думаю, проделал и большую самостоятельную работу. Уровень его познаний в этой области был необычен для России того времени.

IA И свой перевод Филарет, конечно, сверял с ивритом?

EA Безусловно, перед ним лежали и Септуагинта, и Танах. Ведь его комментарий на Книгу Бытия — это толкование буквально каждого слова. Там много иврита, он цитирует еврейские источники.

ІА А за пределы мистических кружков интерес к еврейской мистике вышел когда — в конце XIX — начале XX века?

ЕА Даже когда Владимир Соловьев писал свои первые тексты, используя некоторые каббалистические идеи, — он не имел аудитории, которая могла бы воспринять то, что он говорил. К тому, что он делал в 70-х годах XIX века, относились очень подозрительно. То, что стало общим местом в начале XX века, тогда еще не было таковым.

Кстати, в прошлом году был впервые опубликован очень интересный текст лекций, которые Соловьев читал на Высших женских курсах в 1882 году. Одна из этих лекций во многом посвящена каббале, я участвовал в подготовке ее к печати. Эти лекции сохранились не в рукописи, а в записях слушательниц, поэтому они содержат искажения, ошибки. И видно, насколько Соловьев не соотносится со своей аудиторией, когда он этим барышням излагает достаточно глубокие каббалистические идеи, касающиеся, например, понимания мировой катастрофы как разрыва единства сфирот и отделения нижней сфиры Малхут (Царство) от центральной сфиры Тиферет (Великолепие). И он говорит (буквально повторяя здесь тезис и Пико делла Мирандолы, и русских масонов новиковского времени), что миссия Христа как раз и заключается в соединении этих сфирот. Что было, с одной стороны, ересью, с точки зрения христианства, с другой — совершенно непонятно этим барышням. В общем, очень интересные лекции, они сейчас напечатаны в четвертом томе Собрания сочинений Соловьева.

А скажем, во времена, когда Андрей Белый писал свой «Символизм», книгу, наполненную разными каббалистическими аллюзиями и идеями, особенно в примечаниях (она была издана в 1910 году), уже все понимали, что такое отторжение этих сфирот друг от друга, и интерпретировали это в сексуальном ключе. То есть за эти 30–40 лет каббала стала общим местом в образованной среде — отчасти благодаря оккультистам, отчасти благодаря интересу философского сообщества. Здесь сразу приходит на ум Павел Флоренский, как раз в этот период проявлявший исключительный интерес к еврейской мистике. В последнее время в архивах обнаружены документы, которые дополняют и отчасти меняют наше представление о знакомстве с каббалой в русском обществе того времени. Так, еще остаются неопубликованными рукописные материалы к лекциям по философии и богословию Б-жественных имен, которые Флоренский читал в 1915 году в Московской духовной академии. Значительная часть этих лекций, по-видимому, была посвящена отношению к именам и Имени (Тетраграмматону) в еврейской традиции. Цитируя Талмуд, «Зоар», «Сефер Йецира», сочинения Рамбама, Рамбана и другие еврейские тексты, Флоренский обнаруживает глубокие познания в этой области. Особенно интересно было бы проследить влияние еврейских идей на написанные им впоследствии работы по философии имени, в частности на известную книгу «Имена», законченную в 1926-м. В годы первой мировой и Сергей Булгаков серьезно занимается изучением каббалы, чуть позднее, в 1920-х годах, — Алексей Лосев...

ІА Владимир Соловьев знал иврит?

ЕА Принято считать, что замечательно знал, так пишут биографы. Но, во-первых, он сам говорил, что почти не знает этого языка, во-вторых — вряд ли он его специально когда-либо изучал. Брал частные уроки у своего друга Файвеля Геца. Уроки заключались в том, что они на квартире читали библейские тексты и Соловьев просил, чтобы Гец растолковал ему, что значит та или иная фраза. Конечно, так не учат язык, хотя базовыми познаниями в иврите Соловьев несомненно владел. Но едва ли это повлияло на его интерес к каббале как системе мысли. Потому что если говорить об основном каббалистическом тексте «Зоар», то он вообще написан на специфическом арамейском. И что более существенно — интерес к еврейской мистике был абсолютно чужд той еврейской среде, с представителями которой общался Соловьев.

ІА Вы имеете в виду еврейских интеллигентов?

ЕА Ну а с кем он мог еще общаться? Они относились к этой стороне еврейской традиции крайне плохо и никоим образом не поощряли его интереса к таким вещам. Все это противоречило их собственным представлениям о еврействе, об иудаизме как религии разума. А тут, значит, какое-то мракобесие и безобразие. То есть никакой помощи со стороны «просвещенных» евреев те люди, которые интересовались каббалой, найти не могли.

Более того, существовало распространенное убеждение, что каббала вообще не еврейское учение. Евреи его либо стащили, либо сохранили, но исходно оно имело, конечно, другие корни. Это, кстати, Белый пишет в примечаниях в «Символизме» — о египетском происхождении каббалы. Эти идеи были очень популярны в России и в Западной Европе начала XX века. Тогда как раз ариософия зарождалась,

и ее идеологи, например Гвидо фон Лист, тоже очень интересовались каббалой, но не могли совершенно допустить еврейского происхождения этих вещей, считая их исконно арийскими.

IA А к хасидизму какой-то интерес у русской культуры был?

EA Увы, он возникает лишь в связи с делом Бейлиса, где, как известно, именно хасиды предстали в роли изуверской секты. И тут всплыла каббалистическая подоплека хасидского учения. Так что интерес был скорее негативным. О существовании хасидизма знали, конечно, и раньше, причем не только юдофобы. В Киевской духовной академии, например, еще в середине XIX века писались диссертации о вероучении хасидизма, вполне, кстати, адекватные, но это не выходило за рамки церковной науки... Впрочем, эта тема заслуживает специального и глубокого изучения, работы в архивах прежде всего.

ТЕРЦ, АРЖАК И ДРУГИЕ

И еоаеэ И аеэа

В последнее время в толстых журналах появилось несколько весьма любопытных мемуарных публикаций, тематику которых можно условно определить как «еврейско-диссидентскую». В этом ряду выделяются прежде всего «Воспоминания старого пессимиста» Игоря Голомштока (Знамя. 2011. № 2–4).

Голомшток — фигура легендарная. Искусствовед, близкий друг Андрея Синявского и его соавтор по первой советской монографии о Пикассо, на процессе Синявского—Даниэля он отказался отвечать на вопрос, от кого получал сочинения Абрама Терца и Николая Аржака, был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к полугоду принудительных работ. После этого его уволили с работы, отстранили от преподавания в МГУ, рассыпали набор книги о современном западном искусстве. В 1972 году Голомшток эмигрировал в Лондон.

Разумеется, все эти эпизоды подробно описаны в его мемуарах. Но не меньший интерес представляют и фрагменты, посвященные московско-колымскому детству автора (перед войной его мать заwerbовалась врачом в поликлинику при колымском золотом прииске), лагерным нравам, увиденным глазами подростка, и последующему, по возвращении в Москву, «восхождению от примитива к Ното Sapiens». В еврейских реалиях порой возникает некоторая путаница: «Отец отца (мой дед) был габаем (т. е. караимским раввином)». Но это искупается колоритностью описаний — хотя бы другого деда, со стороны матери, родом из кантонистов: «Дед, Самуил Григорьевич, преферансист и выпивоха, работал коммивояжером от известной тогда чешской обувной фирмы “Бата”. По выходным у него дома в Томске собиралась компания для игры в преферанс и... за игрой, под закусочку строганиной и пельменями, спокойно выпивала с полведра водки».

Голомшток находит любопытный композиционный ход — ссылаясь на то, что «в памяти сохраняются только фрагменты, обрывки, кусочки прожитого», он делает свое повествование дискретным, строит его как цепочку отдельных портретов и мемуарных фрагментов. Порой эти фрагменты представляют собой готовые новеллы, как, например, рассказ о директоре каргопольского музея, который распродал музейную коллекцию икон, чтобы содержать детей, учившихся в Ленинграде. Когда это вскрылось, «Николай Иванович сжег все инвентарные книги, достал из витрины старый пистолет, вышел из музея и застрелился, оставив после себя записку: “Прошу похоронить меня, как собаку, а шубу отдать тому, кто меня похоронит”».

Или такая история, записанная со слов Даниэля, которому рассказал ее сослуживец по фронтовой разведке:

Аіеіаеэ е і-аіі ааііаеэ ааеіеіаеэ ііі іі. Іааа ііаеіеіі, іа еііііі іі деііаеі ііааеііі аііі аіі, іаііаіі іі аеііаа аіаі Аааа ііііааеіі е деіі еіі а ііііі еі аіііі іі ааіі і аііі е. А ааііаіі іе аааа іаеі аііі іііі, е деіі еі ііііаеііі деіііі аіііі ііііа Аіі а іі іііі, еі аіііаііі ііііаіі еі, аіаі Аааа ііііааііі е іііі іііі е ііііаіі іііі аіі.

Ааа ііі а іа-ааа аіііі. Аііі ііа деіііі-еііа ііііааеііі іа іііі, а іііііі-іі іа аіііііі ааеіііі ііііі аааеіііі аіііі іііі. Е аіііі іііі іііііііі Аіі еііі аіііі ііііі іііі ііі іі. Іі аііііііі е аііі Ааааіі — еііі? ііі? еае? іі-аі? Аіаі Аааа іа іііііііі е ііііі ііііііііі: «Іа іааі іііі аііі аііі аіі». Аііі іііі еііі аі іі ііііііііі аіі еіі еііі А-аіі іі іііііііі еі іііііі.

Голомшток предлагает читателю ряд портретов неофициальных художников: Анатолий Зверев, Владимир Яковлев, Борис Свешников и московских интеллектуалов 1960-х годов: философы Александр Пятигорский и Георгий Щедровицкий, редактор издательства «Искусство» Юрий Овсянников, легендарный мандельштамовед Александр Морозов, священник Александр Мень.

Множество ярких персонажей, достойная позиция самого мемуариста, его умение замечать парадоксальное и абсурдное (замдиректора банка, где работает выпускник Финансового института

Голомшток, раскрывает газету и читает вслух о злодеяниях убийц в белых халатах, а в это время по радио в доказательство пролетарского интернационализма передают цикл еврейских песен Шостаковича и «репродуктор орет женским голосом: “...врачами, врачами стали наши сыновья — э-эх!”») — все это делает «Воспоминания старого пессимиста» увлекательным и содержательным чтением. «Знаменская» публикация заканчивается отлетом автора из Шереметьево и надписью «Конец первой части», позволяющей рассчитывать на продолжение, рассказывающее о четырех эмигрантских десятилетиях.

НАШ НЕКРОЛОГ:

ДМИТРИЙ НАБОКОВ: СЫН, ПЕВЕЦ, АВТОГОНЩИК

22 февраля в Швейцарии на 78м году умер Дмитрий Набоков — единственный сын Владимира Набокова и Веры НабоковойСлоним.

Ему было три года, когда отец, в страхе за него и за мать, увез семью из гитлеровского Берлина в Париж, и шесть, когда они перебрались в Соединенные Штаты. Дмитрий Набоков учился в Гарварде, а по окончании университета начал карьеру оперного певца. Брать уроки он уехал в Италию, где в 1961 году выиграл конкурс молодых вокалистов в номинации «Бас». Правда, много позднее он намекал, что оперная школа была лишь прикрытием, а на самом деле он выполнял в Италии секретное задание ЦРУ, но так это или нет, сказать трудно — Набоков-младший был не чужд пристрастия к внешним эффектам. Впрочем, даже если поначалу опера и была для него ширмой, в конце концов именно она стала профессией — на сцене Дмитрий Набоков выступал до 1982 года.

Если увлечение оперой трудно объяснить наследственностью — и отец, и мать Дмитрия Набокова были не слишком музыкальны, — то любовь к спорту он унаследовал от отца. Правда, Владимир Набоков предпочитал теннис, бокс и шахматы, а его сын увлекся видами более экстремальными: альпинизмом, автомобильными и моторно-лодочными гонками. Профессиональные занятия автоспортом он оставил в середине 1960-х, но любовь к технике сохранил до конца жизни. Телережиссер Сергей Поляничко вспоминает, как Дмитрий Набоков в середине 1990-х впервые приехал в Россию, посетил родовую усадьбу Рождествено под Петербургом — и попросил прокатиться на настоящем танке.

И все же, несмотря на оперу, автогонки, светскую популярность, он в первую очередь воспринимался как сын гения. Василий Арканов, бравший несколько лет назад у Набокова-младшего большое интервью, озаглавил свой материал «Вечный сын». И это очень справедливо. Да, опера — но на оперной сцене он провел два десятка лет, а все до сих пор вспоминают лишь о том, что он дебютировал в постановке пуччиниевской «Богемы», где пел дуэтом с еще одним новичком, которого звали Лучано Паваротти. Да, автоспорт — но никаких серьезных трофеев он так и не выиграл. Кажется, он и сам понимал свою обреченность на «вечное сыновство», в последние десятилетия жизни целиком сосредоточившись на защите отцовского наследия от пиратов и переводах русских произведений отца на английский, а английских — на итальянский.

Его недолюбливали многие набоковеды, тем более что в качестве «хранителя наследия» он и впрямь принял несколько небесспорных решений. Но даже в этих случаях им двигали не расчет и корысть, а сыновние долг и любовь, как он их понимал. И это касалось не только творчества. Например, ему очень хотелось преодолеть распространное представление о Владимире Набокове как о холодном и высокомерном цинике, идущее еще от недоброжелателей из берлинской и парижской эмиграции, и во всех интервью и мемуарных очерках он подчеркивал, каким тот был заботливым отцом и обаятельным человеком. Любящий и любимый сын, он до конца жизни чувствовал неослабевающую связь с родителями: «У меня всегда впечатление, что отец мне через плечо смотрит. А мать — через второе. Отец меня упрекает,

если я плохо перевожу слово или плохо выражаюсь. Мать мне всегда дает советы в более практичных вещах жизни. Они существуют у меня в памяти очень активно. Как будто никогда не пропали. Они бессмертны в этом смысле».

Теперь он снова с ними, теперь и о нем мы можем сказать: бессмертен.

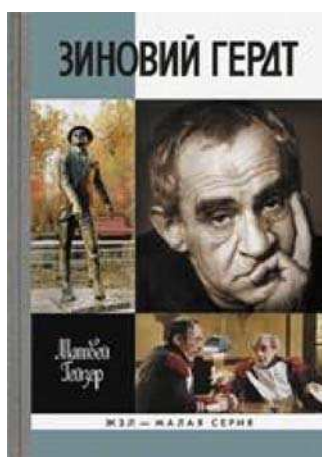
КНИЖНАЯ ПОЛКА: АННОТАЦИИ

САИ А×АІ І АВ САИ А×АÒАЁЎІ І ÑÒЎ

І аòâé Áâéсið

Сèі îâé Áâäò

І .: І îëîäü äîäâëü, 2012 — 272 ñ (Ñâëü «Ёèсiü сàй á:àòâëüü ùõ ёрââé».)

Начнем с конца: осенью 1996 года, вскоре после смерти Зиновия Гердта, саратовская черносотенная газета напечатала статью, где осуждалась «неверная» позиция российских СМИ. Дескать, вместо того, чтобы освещать реальные проблемы страны, пресса зачем-то взялась оплакивать «старого еврея, умершего по возрасту».

Удивление автора выглядело наигранным. Даже самый забубенный юдофоб вряд ли мог оспорить очевидный факт всенародной популярности Гердта — уникального актера, чьим голосом говорили конференсье Апломбов в «Необыкновенном концерте», рассказчик в «Фанфан-Тюльпане», капитан Врунгель, а также многие кинозвезды — Юрий Ярвет, Донатас Банионис, Тото, Луи де Фюнес, Питер О’Тул... Звездная роль Паниковского в экранизации «Золотого теленка» срослась с актером так крепко, что когда в Киеве решили поставить памятник персонажу Ильфа и Петрова, то у мнимого слепца Михаила Самуэлевича оказалась внешность реального Зиновия Ефимовича.

Подобно Жану Габену или Лино Вентуре, Гердт впечатался в зрительское сознание уже немолодым человеком. Причем с каждым годом он, как хорошее вино, набирал благородную выдержку, превращаясь в символ «коленопреклоненного» (если вспомнить эпиграмму Валентина Гафта) достоинства и несуетливой ироничной мудрости. Недаром так органично смотрелась на актере кипа Арье-Лейба — эту роль он сыграл в двух экранизациях Бабеля. Самим фактом своего существования Гердт опровергал расхожие антисемитские мифы: о еврейском несметном богатстве, о национальной скаредности, о привычке укрываться за русским псевдонимом (сценическое имя актера, ставшее паспортным, выглядело столь же «русским», сколь и имя, полученное при рождении, — Залман Храпинович), о природной трусости (Гердт на войне был тяжело ранен, едва не потерял ногу и вернулся инвалидом).

Понятно, что в советские времена никакая популярность и никакое звание народного артиста не могли гарантировать посмертной биографии в «ЖЗЛ» — в эту святая святых покойников допускали по списку, который рождался в «патриотических» душах руководства «Молодой гвардии». Даже в демократических девяностых Гердту ничего тут не светило. Только через пятнадцать лет после кончины актера, когда новая «молодогвардейская» коммерция стала потихоньку теснить старую «молодогвардейскую» традицию, жизнь Гердта была наконец признана замечательной.

Так появилась на свет книга Матвея Гейзера.

Биограф, без сомнения, любит своего героя и хочет, как лучше. Он поэтапно перечисляет вехи жизни Гердта (учеба, студия Плучека и Арбузова, роль Вени Альтмана в пьесе «Город на заре», фронт, госпиталь, работа у Образцова, работа в кино и пр.), упоминает театральные конфликты, касается «еврейской» темы (мы узнаем, например, что юный Залман почитал культуру предков, писал стихи на идише и уважал Теодора Герцля, хотя и не был сионистом), не обходит вниманием личную жизнь героя, но...

При чтении не покидает ощущение, что книга написана на коленке, чтобы успеть к 95-летию героя. Отсюда и ляпы: в предисловии, например, автор объявляет, что «среди десятков ролей Гердта в театре и кино не было ни одной главной», но в дальнейшем упоминает спектакль «Костюмер» и фильм «Фокусник» — и там, и там у Гердта как раз главные роли, причем в картине Петра Тодоровского даже и заглавная...

Очевидно, что всякий биограф может и должен опираться на мемуары современников, но это вовсе не значит, что следует злоупотреблять школьническим монтажом, то и дело включая в свой текст чужие закавыченные фрагменты, громоздя цитату на цитату. И это еще полбеды. В тех случаях, когда Гейзер берется говорить с читателем «от первого лица», тотчас же проступает удушливая стилистика не то отдела кадров, не то провинциальной многотиражки («решительно нацелен на театральную карьеру и овладевал необходимыми для этого знаниями и навыками»).

Печальнее же всего выглядят страницы, на которых биограф Гердта появляется собственной персоной и красуется в лучах виртуальных софитов. «Мне очень понравилось его эссе о Гердте», — цитирует Гейзер вдову своего персонажа. «Его» — это Гейзера. «В вашей книге на меня особое впечатление произвела глава, посвященная Тевье-молочнику» — это уже слова Гердта, обращенные к Гейзеру. А уж когда читатель доходит до главы под названием «Мои встречи с Гердтом», в глазах начинает рябить от суетливого мелькания биографа. Он, как Фигаро, то здесь, то там: «Я спросил Зиновия Ефимовича... Я познакомил Гердта... Гердт протянул мне руку... Я подарил Зиновию Ефимовичу свою книгу...» Уже и неясно, кто главный герой книги — то ли Зиновий Ефимович, то ли сам Матвей Моисеевич?..

Примечательно, что чиновники из «Молодой гвардии», допустив Гердта до «ЖЗЛ», не удостоили его — как, впрочем, и Довлатова годом раньше — права на «полноценный», большой серийный том. Должно быть, посоветались и решили, что хватит и художочной «малой серии», не велика цаца — актер. Чай, не генералиссимус Иосиф Виссарионович и даже не пушкинская няня Арина Родионовна.

Отдадим должное Матвею Гейзеру: автор сделал все возможное, чтобы читатель не огорчился, но обрадовался малому объему книги.

Евг. Аодтеев

Êáááàèà ì èí ñí àèèèì èÿ

Êíí ñòáí òèí Áóðì èñòðíá

«Êáí Í í èàè íãíüí èààèèüíèèà»: èáááàèà è àèèèì èÿ

Ì.: ÈÒ ÐÁÍ, 2009 — 320 ñ

Книга Константина Бурми́строва оставляет ощущение чуда. Это первое серьезное исследование на русском языке, посвященное каббале. Более того, это первая достойная русскоязычная работа, пытающаяся поставить каббалу в контекст мировых эзотерических традиций, не умаляя и не профанируя ее содержания и духовного статуса в еврейской религиозной жизни.

Основным предметом исследования является анонимный каббалистический алхимический трактат «Эш мецареф» («Огонь плавильщика»), опубликованный в виде двадцати отрывков в первом томе антологии «Обнаженная каббала», составленной в XVII веке христианским каббалистом и гебраистом К. Кнорром фон Розенроттом. Как и другие произведения, включенные в антологию, трактат издан на латыни, а о его ивритском оригинале до сих пор ничего не известно. Он представляет собой набор словарных статей, включающих названия металлов, минералов, имена персонажей Священного Писания, т. н. «природные вещи», а также названия системы Б-жественных эманаций в каббале — сфирот, истолкование которых произведено в стиле еврейской экзегезы, а содержание связано в основном с алхимической проблематикой. Как указывает Бурми́стров, задачей его исследования является анализ соотношения алхимии и каббалы в целом, а также попытка выделить основные особенности алхимико-каббалистического мировоззрения.

Необходимо заметить, что в России отсутствует традиция академического изучения еврейской мистики, на русский язык переведены лишь два наиболее общих исследования каббалы (Гершома Шолема и Моше Иделя). Подавляющее же большинство продукции, связанной с этой тематикой, составляет оккультно-теософская или сектантская литература. На этом фоне Бурми́стров разработал собственную методологию, основательно проработал обширную научную литературу и источники, среди которых и рукописи, и изданные памятники. В результате он смог достичь такого уровня профессионализма, который граничит с посвящением в мистическую традицию.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Каббала — живая мистическая традиция в русле еврейской религии. Бесспорна связь каббалистических текстов с этикой и практикой иудаизма, с молитвой и исполнением заповедей. Основателем науки о каббале был Гершом Шолем, чья попытка превратить мистику в предмет кабинетного исследования до сих пор вызывает в еврейской среде реакцию в диапазоне от бурного восторга до глубокой обиды и сопротивления. Среди исследователей каббалы немало верующих людей, чье отношение к своему объекту далеко от критического. Интерпретаторы часто начинают воспринимать каббалу как часть своей жизни, а путь ее изучения постепенно становится для них путем религиозного служения.

Ситуация в России по понятным причинам принципиально иная. Поэтому Бурми́стров избирает сугубо индивидуальный путь. Разбор трактата, а также публикацию его перевода на русский язык и

оригинального латинского текста предваряет глава «Каббала и алхимия: история взаимодействия двух традиций», в которой автор по сути открывает каббалу для современного русскоязычного читателя. В довольно кратком очерке он излагает учение о сфирот — необычайно сложный материал, которому посвящены сотни священных книг и столько же исследований. Но Бурмистров удивительно корректен, его текст не вызывает внутреннего сопротивления, очевидно уважительное и даже трепетное отношение автора к рассматриваемому вопросу.

Далее он переходит к алхимии, и мы четко усваиваем: главное в этой эзотерической традиции не очищение металлов и не поиск философского камня, главное — это очищение души самого адепта, переплавка-трансмутация единой духовной составляющей всего мироздания, ведущая ко всеобщему Исправлению мира. Именно в этом автор и видит созвучие алхимии с каббалой, пытаясь убедить читателя и самого себя в существовании специфического алхимико-каббалистического мировоззрения. При этом Бурмистров очень хорошо понимает, что он до некоторой степени один против всех. На его стороне христианская каббала, герметико-теософские течения, адепты которых считают себя истинными носителями каббалы, а евреев — ее искажителями. Против него и еврейская религиозная традиция, и ведущие профессора Еврейского университета в Иерусалиме, и даже Шолем, внесший наибольший вклад в изучение взаимоотношений каббалы и алхимии. Бурмистров владеет источниками блестяще. Единственное, чего ему не хватает, — это религиозного переживания. Впрочем, совершенно невозможно требовать этого от исследователя.

На что опирается автор, доказывая, что каббалистическая алхимия существует? Во-первых, на то, что алхимический дискурс — лишь часть истолкования Торы и заповедей при помощи мистических концепций и символов, тогда как Тора есть универсальный код бытия и вселенское хранилище смыслов. Во-вторых, на ключевую роль учения об эманациях Б-жественного света — сфирот — в интерпретации священного текста для нужд алхимии. На оба эти аргумента невозможно возразить. Но при этом остается ощущение, что сравнение каббалы и алхимии неравноценно.

Учение каббалы и иудаизма вообще касается не только принципа Исправления, единого для высших планов бытия и мира минералов. Оно охватывает не только предысторию, но и текущий момент и будущее до конца фазы Творения. Оно также объясняет, что шлаки («материал, отсеченный скульптором», «останки предыдущих миров», происходящие из того же Высшего источника, что и основное Творение), суды, ограничения (проявления Строгости, происходящей из самых высших уровней Б-жественного милосердия; необходимы для создания очертаний Творения и для превращения Ничто в Нечто) и искажения (различные нарушения Б-жественного совершенства, дающие возможность миру существовать, не сливаясь с Высшей полнотой), даже проявления зла в мире нужны для раскрытия Б-жественной полноты, для поддержания жизни, для стимула к Исправлению, для возможности раскаяния и много чего еще. В этом контексте очищение и превращения металлов могут выступать лишь аллегорией, ведь сказано в Млахим I (8:51): «Ибо они народ Твой и удел Твой, который Ты вывел из Египта, из горнила железного». Всю историю Всевышний переплавляет Свой народ, чтобы он в свою очередь переплавил все мироздание.

Тем не менее «Каббала и алхимия» — это оригинальная, содержательная и увлекательная книга. Многочисленные переводы из Зоара, фрагменты ранней каббалы, а также различных лурианских источников, несомненно, привлекут читательский интерес. Особое очарование придают «Каббале и алхимии» иллюстрации — обложки первых изданий каббалистических трактатов, герметические рукописи, книги с пометами Шолема и т. д. Труд Бурмистрова исполнен с большой любовью к своему делу, а возможно, и к деянию всеобщего Устроения и Исправления мира.

Yhōād Bāēti

Āēēciāāō à Ōāāōīāā. Āōēāāēē Dāēēēī

Ī.: Ī īēīāāy āāāāēy, 2011. -384 ŋ (Nāēy «Ēēī ū cāi ā:āōāēūū ūō ēpāāē».)

Елизавета Уварова — один из самых авторитетных историков российской и советской эстрады. «Райкиноведением» она занимается несколько десятилетий: помогала Райкину в работе над мемуарами, а ее монография о великом сатирике вышла первым изданием еще при жизни героя и была им прочитана в рукописи и одобрена. Теперь та книга переработана под жэзэловский формат и издана «Молодой гвардией». В последнее время о Райкине писали самые разные авторы — от Николая Надеждина до Федора, прошу прощения, Раззакова. Книга Уваровой имеет со всем этим товаром мало общего. Добротная,

«олдскульная», как нынче принято говорить, работа, очень дотошная, не без старомодной учтивости — личную жизнь по минимуму, Райкин этого не одобрял. Впрочем, при всей добросовестности автора, Рош а-Шана она все же путает с Йом Кипуром. Но это, кажется, едва ли не единственный недостаток весьма достойной книги.

Ī àòð Ēpéèì m̄í. Ōàðī Áààèä

Ī .: Ī ĩēīāy āàðäy, 2011. — 320 ñ (Ñàðy «Ēècì ü cāì á: àòäyū ūō ēpāāē».)

Пересказ библейской истории, дополненной комментариями еврейских мудрецов и — в несколько меньшем количестве — гипотезами современных историков. Минус книги Люкимсона — ограниченность круга источников и некритичность в их отборе: беллетристика рядом с академическими трудами, общие энциклопедии по соседству с оригинальными исследованиями. Плюс — уверенное владение материалом, отсутствие явных ляпов. Да, компиляция, но вполне крепкая, грамотная. В общем, чтение необязательное, но и нестыдное.

Ī àòð Ēpéèì m̄í, Ī àðé Ēīòēyōñēé. Ōàéí ū āàðäēñēā ñāēīā

Đīñòīā íà Áīíá: Ōáí èēñ, Ēðāñ ĩāàð: Ī āīāēīðé, 2008 — 496 ñ (Ñàðy «Āàðäēñēā òàéí ū».)

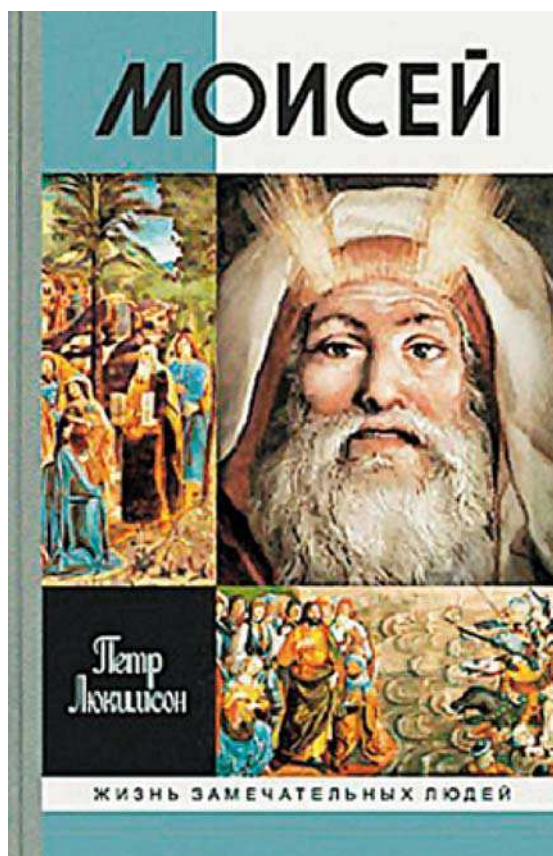
Эта книга должна была бы называться «От Моше до Моше»: все начинается с Моше-рабейну и заканчивается Моше Кацавом — израильским президентом, осужденным за сомнительной достоверности изнасилование. И если с первым Моше все более или менее ясно и без Люкимсона и Котлярского, то Кацава (а также других израильских политиков, попавших под суд по сходным обвинениям, — Ицхака Мордеха и Хаима Рамона) по прочтении становится откровенно жалко. «Я немало целовался в своей жизни с самыми разными женщинами. Кроме того, я видел немало фильмов, в которых мужчина целуется с женщиной. И я не помню, чтобы где-нибудь было сказано, что, прежде чем поцеловать женщину, он должен спросить у нее, согласна ли она на это», — иронизировал над прокурором Рамон. Ну что тут скажешь... «The judge was a woman... of course», — как пел по сходному поводу Лу Рид... Если же отвлечься от Кацава и К°, то книга как книга, занятный образчик сочетания желтопрессности и пиетета перед традицией. В приложении помещены 100 еврейских анекдотов на соответствующие темы — некоторые очень хороши.

Ī āā āīíí òàòēyī è ðāāí òàē Ī èðāēē Ī àéēīā

Пётр Люкинсон

ЖЗЛ: МОИСЕЙ

Сам факт появления в серии «Жизнь замечательных людей» книги о Моисее — это, безусловно, претензия на прорыв. Даже не знаешь, чему больше удивляться: тому ли, что издательство «Молодая гвардия», когда-то отличавшееся особой «любовью» к евреям (ну да ладно, это дело прошлое), ударились теперь в другую крайность, или тому, что в документальной биографической серии (похоже, впрочем, и это дело прошлое) появилось жизнеописание библейского персонажа.

Известный своим благочестием литератор Петр Люкинсон описывает жизнь Моисея в полном соответствии с еврейскими религиозными источниками и религиозными же концепциями. Причем, известный своей плодовитостью еще более, чем благочестием (достаточно сказать, что пока я читал «Моисея», он выпустил в той же серии еще одну книгу: «Царь Давид»), Люкинсон создал объемный, в три с половиной сотни страниц, труд. А поскольку талантом автор известен еще более, чем плодовитостью, изложение он строит не как историческую монографию, а как серию эссе, задушевных бесед с читателем, местами, пожалуй, даже не хуже, чем «Детская Библия». Известный своими познаниями еще более, чем талантом (Люкинсон писал о еврейской кухне, еврейском сексе, еврейской разведке и многом другом), он приводит и рационалистические трактовки библейских событий, но главным образом в качестве забавного курьеза. Известный своей смелостью еще более, чем познаниями, автор уверенно постулирует принадлежность Моисею практически всего текста Торы и настаивает на протокольной точности описания чудес и бесед Моисея с Всевышним.

Ну что ж, не только в серии «Жизнь замечательных людей», во всей стране давно уже настали новые времена. Что удивительного, если автор, обладающий и плодовитостью, и талантом, и познаниями, и смелостью, выбирает все-таки благочестие в том виде, как он его понимает?

Автор упоминает комментарии Сончино, р. Гирша, Александра Меня (последнее, конечно, свидетельствует о широте авторской натуры, и спасибо ему за это), но в большинстве случаев ограничивается туманной отсылкой к «еврейским источникам», «нашим мудрецам» или просто отмечает: «мидраш говорит». Хотя попробуй он расширить источниковую базу, у него нашлось бы, что сказать нового о Египте и Ханаане: в последнее время появились интересные трактовки, основанные на оригинальном прочтении известных данных. В частности, уклад жизни и идеология в Египте, по-видимому, были гораздо более схожи с советскими, чем считалось ранее. Толпы египетских рабов с древних изображений были в действительности формально свободными людьми, а рабы (рабы фараона или, что то же самое, слуги государства) — это главным образом надсмотрщики с плетками из бегемотовой кожи, которые сгоняли «свободных граждан» на общественные работы. Кстати, производственный конфликт, описанный в книге Исхода, когда материалов (соломы) не дают, а норму выработки конечного продукта (кирпичей) не снижают, тоже кажется чем-то очень знакомым.

Что до Ханаана, то это была страна оседлых земледельцев со складывающимися государственными институтами, с царской властью, с религиозными культами, казавшимися евреям чудовищными: похоже, у хананеян были широко распространены человеческие жертвоприношения. Потому евреи и в своем законодательстве, и в историческом предании утверждают старокочевнические добродетели как идеологическую опору противостояния погрязшему в мерзости Ханаану.

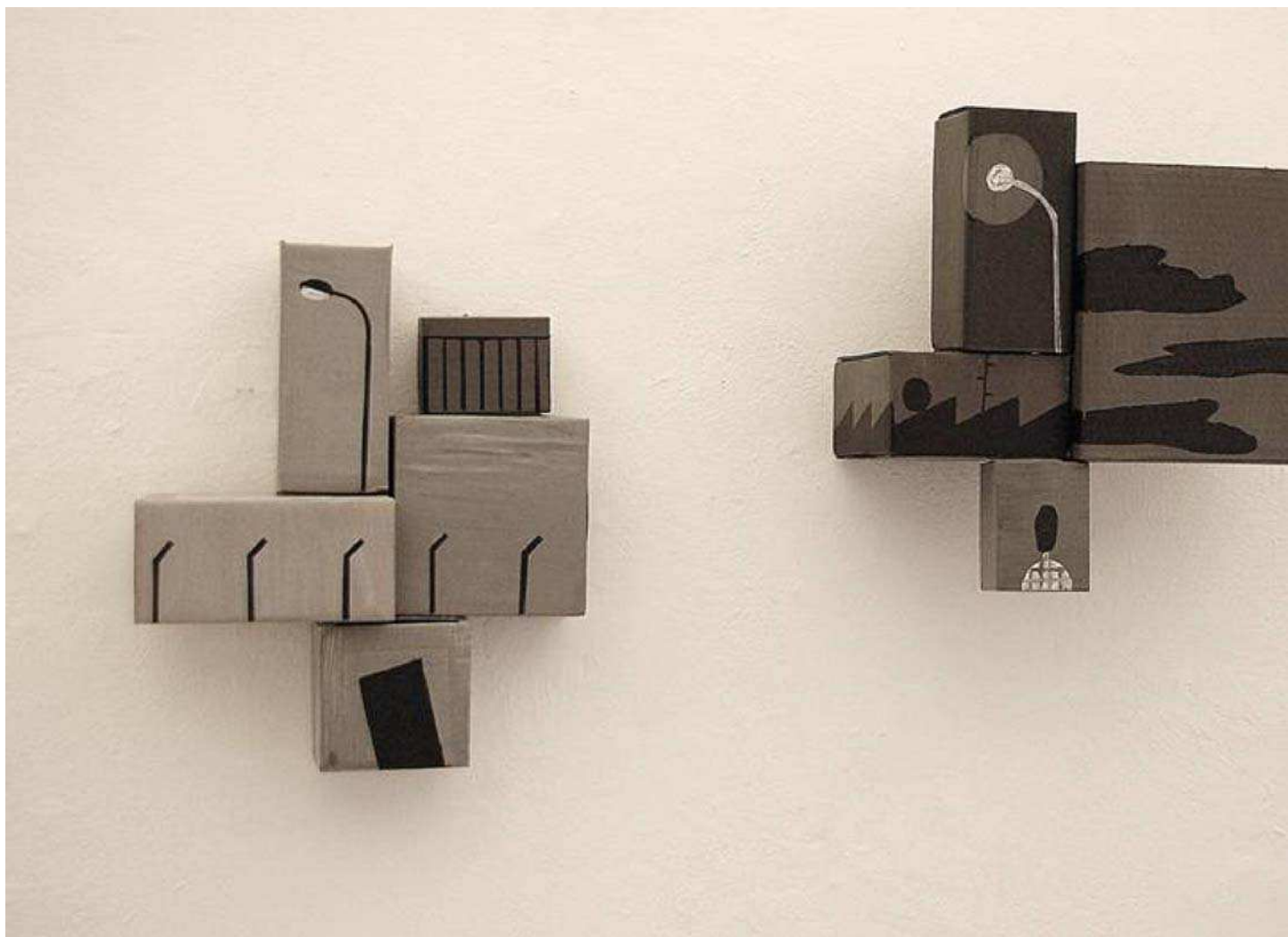
Да и сама личность Моисея представляется более интересной и близкой нам при попытке реалистического осмысления: юноша, выросший среди египетской аристократии, строивший свою жизнь по египетским литературным образцам и ставший изгоем из-за того, что связал свою судьбу с еврейским народом; национальный лидер, действующий решительно и умело и при этом мучающийся сомнениями, которые открывает только Б-гу и самым близким людям; вождь, балансирующий между народным обожанием и жесткой конфронтацией — несомненно, здесь много подлинного и в историческом, и в психологическом плане.

Но автор, пересказывая Тору, подменяет реализм буквализмом, а его собственные рассуждения рассчитаны на то, чтобы читатели не думали, а верили. Все это не только свидетельствует о прогрессирующем в обществе клерикализме, но и попросту вредит книге в литературном отношении. Впрочем, книга хороша для религиозных людей, причем желательна таких, которые никогда не читали ни Библии, ни библейской критики. В финале автор рассказывает о поисках кодов в Торе, забавной разработке на стыке комбинаторики, лингвистики и теории вероятностей. Полученные результаты он объясняет вовсе не огромным числом и вариативностью испытаний, не энтузиазмом исследователей, не сложностью математической интерпретации, а просто святостью текста. Впрочем, читатели, с доверием прочитавшие все предыдущее, должны быть готовы поверить во все, что угодно.

ТЁМНАЯ ИСТОРИЯ

Èðeíà Ì àé

Темная сторона творчества художника не идентична темной стороне его природы. И не есть форма проявления темных, низменных чувств. Напротив, темнота и есть та непобедимая сила, которая заставляет искусство двигаться к свету. Выставка «Теневая сторона», представленная в иерусалимской галерее «Агрипас, 12», убеждает нас, что так и есть.

*Àðò-íáííeò ù Ì áááá Çeéááé (íí çááí ù íí àbèàéíí Ì àéü áííò ááéé «Òáí áááü ñò Ì ðí í á»).
2012 ã ä Áàéáðáü «Áàðeí àñ 12», Èáðüíáeéí*

Что такое темная сторона искусства? Борьба света и тени, противоборство существующего и отсутствующего, конфликт, провоцирующий рождение прекрасного. Эти слова и идеи напутствовали каждого, кто входил сюда. Два художника — маститый Оded Зайдель и юная Сара Нина Меридор — сочинили эту черно-белую экспозицию вместе с еще полутора дюжиной художников, предоставивших для нее свои работы. В их числе известные в Израиле мастера — Лена и Оded Зайдель, Цви Толковски, Михаил Яхилевич, Александр Окунь, Тенно Пент Соостер... Поэт Михаил Генделев, ушедший два года назад, вернулся в анимационном ролике, который сняла Лена Зайдель. Стихи Генделева звучат в нем по-русски и на иврите.

Ì eéíã í áò

óì áíÿ á äî ò

òíèùèí çàì àòèì äèää

èõ íàò

íí íáííòî ò

÷òí íàò èõ

èõ äíäíí íàò.

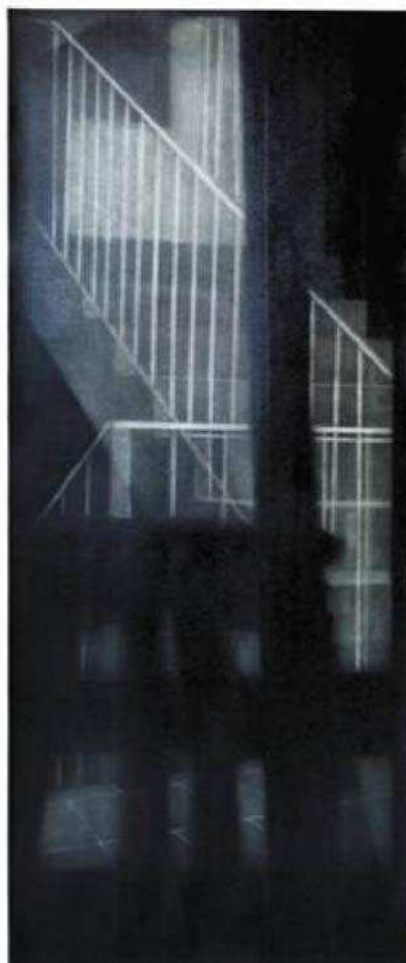

Èííòäèèÿòèÿ Õäè Õíèèíáíè. 2010 ðá Äèèäíÿ «Ääèíáí 12», Èäðííèèí

Голос сопровождает текст, который мечется по трехмерному лабиринту, как в популярной компьютерной игре. «Чтобы услышать, как именно Генделев должен звучать на иврите, — объясняет Лена Зайдель, — мне пришлось его поэзию и поэтику в полном смысле слова прожить. А чтобы прожить, мне необходимо было определить точку отсчета. Нужно было отыскать местонахождение наблюдателя. Другими словами, найти, откуда смотрит Генделев, под каким углом, в каком предполагаемом ракурсе он устремляет свой поэтический взгляд. Оказалось: он смотрит почти отовсюду. Кружит взглядом. <...> И постоянно перемещает ракурс».

Рядом с монитором — конструкция Одеда Зайделя, собранная из коробок, как бы образующих ночную улицу и вызывающих в памяти другие стихи, совсем не Генделева. Ночь и фонарь, свет и тьма. В рамках заявленной темы.

Едва ли можно было выбрать лучшее место для такой выставки. Один из первых домов на улице Агрипас, которые стали строить в позапрошлом веке за пределами Старого города. Давно замечено: древние города идеально подходят для современного искусства, которое словно сдувает пафос с их забронзовевших седин. К тому же галерея хороша. Ее даже не залы, а скромных размеров комнаты оказались необычайно вместительны. Искусство, развешанное на стенах и потолках, стоящее на полу, как бы переворачивает все с ног на голову, как в уже упомянутой анимации, с бегущими строчками генделевских стихов. Названий и дат нет — только имена художников сопровождают их творения. Кураторам хотелось, чтобы посетители сами могли додумать, что имел в виду творец.

Орит Ливни. 2011 год

В белые комнаты, когда я туда пришла, просачивался неяркий свет — мрачное серое небо висело в те дни над Иерусалимом: выставка открылась 19 января. Нынешняя зима оказалась на удивление затяжной и мрачной. Природа словно подыгрывала картинам: черный, серый, белый, до ярких оттенков еще надо дожить...

«Dunkel ist das Leben, ist der Tod» — эту цитату из «Песни о земле» Густава Малера организаторы выставки выбрали в качестве эпиграфа. Однако русский перевод поэтической фразы, предъявленный здесь же: «Мрачно в этой жизни, / Ждет нас смерть», — не вполне отражает ее суть. Докопаться до оригинала трудно: Малер писал свою симфонию — а «Песнь о земле» именно симфония, для тенора и альты с оркестром, — на тексты «Китайской флейты» Ганса Бетге, а те, в свою очередь, представляют собой переводы из китайских поэтов. Фраза о темноте взята из первой части, «Застольной песни о земных бедствиях», на стихи Ли Бо. На русский язык ее перевел в конце 1920-х годов Михаил Кузмин, для исполнения симфонии в Ленинграде. Ситуация, в которой жил в те годы поэт-акмеист, явно преломилась в стихах: они могли быть переведены, конечно, и так. А можно перевести и буквально: темнота

— это жизнь, это смерть. И жизнь, и смерть. Точка, в которой все может начаться, а может и закончиться. Применительно к выставке последняя версия кажется более логичной.

Темные силы — это и природные стихии, с помощью которых создает свои объекты Дорит Якоби. Она работает в пустыне, в Араде, ее скульптуры и рельефы, выставленные под открытым небом, покрытые вместо красок песком и золой, обретают под дождем новые краски и меняют фактуру. На выставке было и целое здание из песка. В миниатюре. Объект, который легко принять за модель Второго храма — копию той, что выставлена на территории Музея Израиля, оказался покрытым песком гипсовым слепком материнской платы компьютера. Его сделала Емима Эргас. И не только внешнее сходство с Золотым городом просматривается в этом слепке, базовые ценности объединяют их: Иерусалим — сердце мира, а в компьютере сегодня сосредоточена наша жизнь.

Ḍāḏī ḏī ʿĀl ʾō Nīḏḏāḏ ḏī ḏīḏḏū ḏā ḏāi ḏ locusta migratoria. 2010 ʿā ʿā

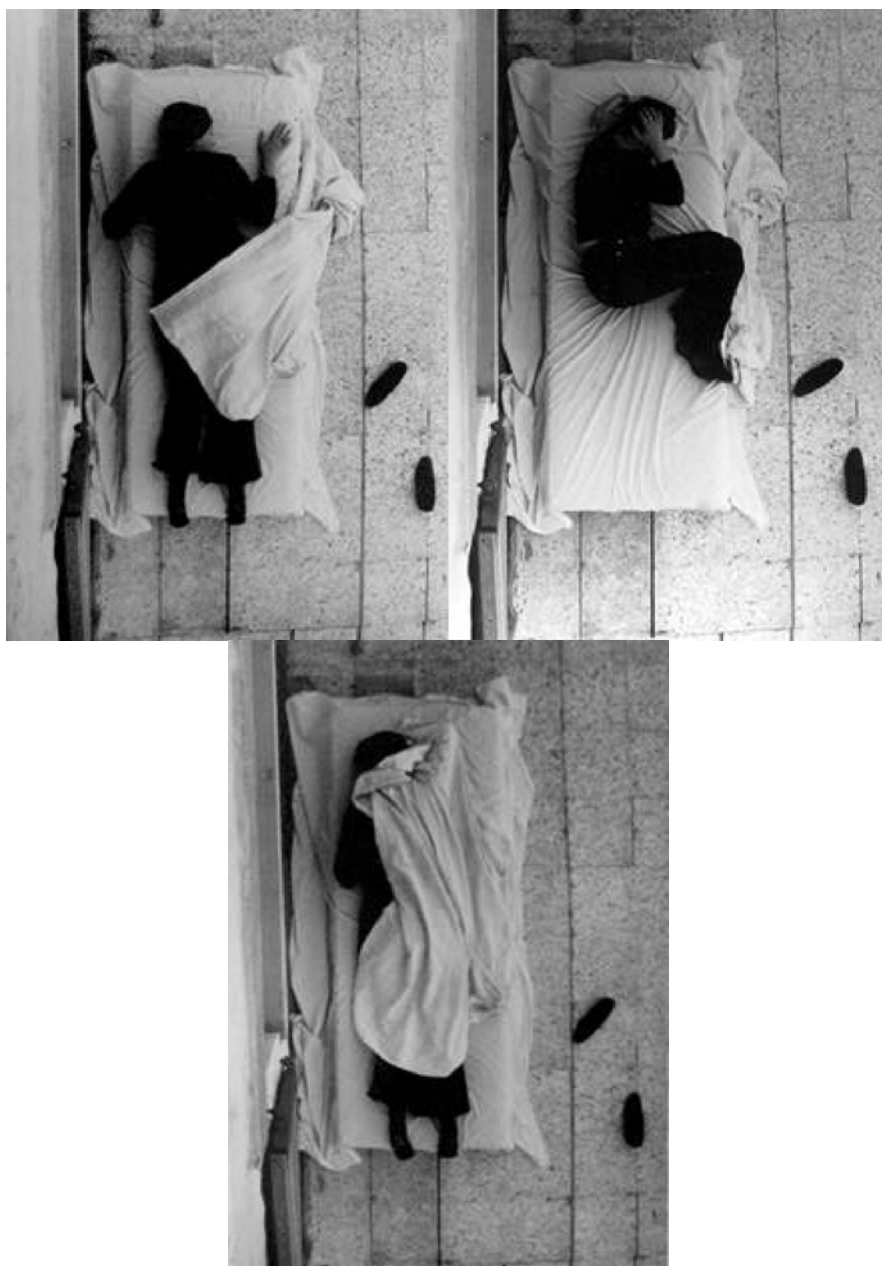
«Темная сторона, невидимое, неизвестное, сопровождает нас всегда. Она — гнев, зависть, месть, отчаяние, скорбь. Она сила, движущая искусством. Движущая жизнью в попытке преодолеть темную сторону, принять ее, соотноситься с ней», — сказано в аннотации к выставке. «Дерево познания Добра и Зла в Эдемском саду, Б-жественная сила, рождающая чудовищ, костер, который заливают вода, две стороны одной медали, Восток и Запад», — напутствовала меня Сара Нина Меридор, показывая экспозицию и разясняя ее вечную тему. Дихотомия превращается в дуальность. Ничто больше не делится надвое, но обретает две равноправные стороны.

Сама Нина, совсем еще молодая, недавно окончившая академию «Бецалель» и прошедшая школу иерусалимского художника Израиля Гиршберга, представила серию «Черный алтарь». Черный — потому что, в отличие от христианской традиции, в иудаизме визуальное воплощение Б-га может быть только абстрактным. Свои метафизические пейзажи Нина называет «еврейскими иконами».

Помимо «алтаря», здесь есть «монахини». «Три монахини» Цви Толковски. Название отражено в некоем подобии четок — символе времени. Лет 10 назад эта инсталляция побывала на выставке в Москве, где и была украдена. Вернувшись в Израиль, художник понял, что жить без своего творения не может, и повторил его. И тогда нашелся оригинал.

Было бы странно, если бы, рассуждая о черном и белом, никто из участников «Теневой стороны» не вспомнил о Малевиче. Тенно Пент Соостер оказался тем единственным. Он выложил перед нами свои офорты как раскадровку: удаляясь от черного центра, в каждом следующем кадре изображение обретает все больше конкретных черт, постепенно превращаясь в богомола *locusta migratoria*. Незадолго до

нынешней выставки Тенно участвовал в другой, в Тель-Авиве, которая так и называлась: «От Малевича до Соостера». Здесь, на Агрипас, 12, работ Соостера много. Разных, местами заставляющих вспомнить о творческом наследии, которое оставил его отец, знаменитый художник Юло Соостер. «Принято считать, — говорит Тенно, — что представитель второго поколения должен побороть своего предшественника, но я не борюсь. Я все детство провел в отцовских рисунках, они выходят из моего подсознания...»

Ī èöäèè Bôèéâèè-. 2011 äü

Офорты Соостера, как и огромная черная «Птица» Александра Окуня, важны здесь еще потому, что эти сюжетные вещи сообщают экспозиции, в значительной степени составленной из нефигуративного искусства, полярность и необходимое равновесие. В одном интервью Окунь, преподающий в академии «Бецалель», говорил, помнится, что во всем, что касается contemporary art, «Бецалель» находится на одном уровне с мировыми школами, тогда как в области фигуративного искусства успехов намного меньше. И это, с его точки зрения, объяснимо: не существует своей, израильской, а не вывезенной из галута художественной традиции, на базе которой можно было бы выстроить новую традицию. Мнение спорное, однако достижения современного израильского искусства несомненны, достаточно вспомнить успех павильона Израиля на последней Венецианской биеннале, оформленного Сигалит Ландау.

Можно сожалеть, что, несмотря на успех и наличие большого числа достойных мастеров, выставки современного искусства в Иерусалиме, в отличие от Тель-Авива, все еще редкость. Или радоваться тому, что «Теневая сторона» все-таки была.

НАШ ВЕРНИСАЖ

Αἰδέη Ἐἰσάι. «Ἀδβεὸ ἀέο ἰδ ἀέαιὸ ἐ»

Ἰ ἱεῶν, Ἰ ἱεῖ ἱεῖεῖ ἰ ὄαῖ ἀδβεὸ ἀέο ὄδῦ, αἰ 7.4

Борис Иофан (при участии группы архитекторов).
Проект Павильона СССР на Международной выставке 1937 года в Париже.

Перспектива.

Фрагмент. 1936–1937 годы. Из коллекции Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева

Одессит Борис Иофан (1891–1940) прожил долгую жизнь, в которой было все: и десятилетие учебы и работы за границей, и четверть века, проведенные в роли главного, пусть и неофициально, архитектора страны, и странный закат карьеры, когда он все еще грезил о мегапроектах, а занимался строительством пятиэтажек.

Иофан уехал в Италию, поскольку не смог учиться на родине, не преодолев трехпроцентного барьера, установленного для евреев при поступлении в университеты Российской империи. В Риме окончил Высший институт изящных искусств, после чего стал строить школы, жилые дома и больницы по всем Апеннинам. Мог бы, казалось, превратиться в преуспевающего европейского архитектора, но подлинным его призванием оказалась «монументалка» в СССР. Дом ВЦИК и СНК СССР на улице Серафимовича, вошедший в историю как Дом на набережной, стал символом эпохи, сначала радостным, затем депрессивным — аура страха наполняет его стены до сих пор. Но главным делом его жизни стал проект Дворца Советов. Дворец должен был вознестись на высоту в 420 метров и стать самым высоким зданием в мире. Иофан оказался среди трех победителей первого конкурса, но именно его проект был принят к исполнению. Перед войной успели закончить строительство фундамента, на этом дело остановилось. Во время войны железобетонные конструкции Дворца начали использовать для изготовления противотанковых ежей, а затем при восстановлении разрушенных мостов. Управление Дворца Советов просуществовало до конца 1940-х. Подготовленные для дворца дверные ручки и прочие элементы оформления были позднее использованы при строительстве Кремлевского дворца съездов.

Трудно представить себе горечь, охватившую Иофана в последние годы жизни, когда из визионера государственных масштабов он превратился в руководителя архитектурной мастерской, ваяющей пятиэтажки в Марьиной роще и дома в Измайлово. Ему удалось еще построить институт Лесгафта в Лефортово, но, по сравнению с величием прежних лет, это выглядело слабым утешением.

«Νῆπιόν τῆσιν γυναικῶν Ἰσθμῶν Ἀδελφῶν»

Ἰσθμῶν, Ἀδελφῶν εἰ. ἀδελφῶν Ἐπιπέδου, αἰ 15.4

***Ἰσθμῶν Ἰσθμῶν Ἀδελφῶν Ὀδῶν Ἰσθμῶν Ἐπιπέδου 1934 αἰ
× ἀδελφῶν εἰσπράξεων***

Для выставки на Болотной набережной отобрали около 150 работ из архива наследников Марка Маркова-Гринберга (1907–2006). Это первая ретроспектива уроженца Ростова-на-Дону, вошедшего в историю благодаря нескольким хрестоматийным снимкам. В 1930—1940-х, когда он сделал большинство из своих знаменитых сегодня работ, Марков-Гринберг не выглядел автором первого ряда. Скорее — трудягой, одним из членов Российского объединения пролетарских фотографов, ратовавшего за простодушно-реалистичные ракурсы. Это членство не мешало ему стать автором превосходных портретов — Маяковского, Горького, Чкалова, Райкина, Романа Роллана и Бернарда Шоу.

Пролетарскому объединению противостояла группа фотографов-экспериментаторов «Октябрь», во главе с Александром Родченко и Борисом Игнатовичем. «Октябристы» не стремились к тому, чтобы их работы выглядели обезличенно, Марков-Гринберг же, по его собственному признанию, боялся выделиться из общего ряда. Это не помешало его снимкам обрастать смыслами с течением лет — как всяким документам эпохи, снятым равнодушным взглядом. А Марков-Гринберг был страстным человеком. Достаточно сказать, что свой первый фотоаппарат в детстве он купил, продав аквариум с любимыми рыбками. Кажется — бессердечный жест, но, если задуматься, вполне в духе эпохи.

Марков-Гринберг был профессионалом, как и положено сотруднику Пресс-клише и Фотохроники ТАСС. Войну он начал рядовым, через два года был откомандирован во фронтовую газету «Слово бойца», после чего стал фотокорреспондентом «Красноармейской иллюстрированной газеты». Но во время антисемитской кампании начала 1950-х армию пришлось оставить: Марков-Гринберг оказался в фотоиздательстве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, затем в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». Ссылку нельзя назвать даже почетной, но, как говорится, спасибо, что хоть умереть дали в своей постели.

«Ī à ðáááá Áàð Ī èöâà è Áàò Ī èöâà»

Áàçàüü, Áàðáéñéé è òçáé, äĭ 30.4

Ñàèòíé Òòü. 1821 äĭ Áàðáéñéé è òçáé Óáéöàðèè, Áàçàüü

«Как еврейские дети и подростки взрослеют» — таков подзаголовок выставки, посвященной едва ли не самому ответственному моменту взросления и вхождения в пору самостоятельных решений. В ней соединены классические экспонаты и современные мультимедийные средства. Молодые сами получают право голоса, рассказывая посетителям — конечно же, в аудиозаписи — о своих мечтах и надеждах. Фотографии рассказчиков, которых интервьюировали по всей Швейцарии, также размещены в залах. Таким образом воссоздается современная жизнь еврейской общины в Швейцарии — тема, которая нашла свое отражение и в каталоге, выпущенном под редакцией директора Еврейского музея Швейцарии Габи Кнох-Мунд. Среди его авторов — специалист по иудаистике Альфред Боденхаймер, преподававший в тель-авивском университете Бар-Илан, а ныне работающий в университете Люцерна.

Ī ñéááí ŷŷ ÷éñéòðñéŷ ĩĭ áúñòááéá ĩàĭ á:áĭ à ĩ à 3 àĭ ðáéŷ.

«Áĭéüöá ÷:áĭ æéçĭü 100 éàò Áĭééèáúá Áàðáéñéé ĩĭ ùò»

Ááĭ à, Áàðáéñéé è òçáé, äĭ 1.5

Ðáéèàĭ ĩ ùé ĩ éàéàò óéüü à «Éáñáéáĭ éà». 1942 äĭ Áàðáéñéé è òçáé Ááĭ ù

Известно, что среди основателей первых голливудских студий тон задавали выходцы из стран Средней и Восточной Европы. Их имена говорят сами за себя — некоторые из них становились названиями киностудий. Адольф Цукор, основавший «Парамаунт», был, как и Уильям Фокс, родом из Венгрии, братья Уорнер — из Польши, Луис Барт Майер (будущий MGM) — из Белоруссии, а Карл Лемле (Universal) — из немецкой Швабии. Но выставка в австрийской столице рассказывает не только об истоках самой знаменитой киноимперии в мире, о первой синагоге в Голливуде и первом ночном клубе, но и о последующей истории, включая поиски еврейской идентичности в творчестве Вуди Аллена и Барбары Стрейзанд. Особое место уделено «Бесславному ублюдку» Квентина Тарантино — представлены, в частности, бейсбольная бита, с помощью которой в фильме сокращалось количество персонажей-нацистов, и плакат с Эли Ротом. Вообще, плакатов на выставке много — огромных, американских стандартов. Среди других экспонатов — фрагменты фильмов, а также мемориальные предметы, вроде серебряной сигарницы Цукора.

До середины 1970-х годов «еврейская история Голливуда» не была предметом специального изучения, ее даже можно назвать замалчиваемой темой. Но после выхода в 1975 году книги Роберта Скларса «Movie-Made America: How the Movies Changed American Life» ситуация изменилась. Выставка в Еврейском музее Вены, только что открытом после реконструкции, наглядно это подтверждает.

Óîòîáèáí í àëà 2012

Ì îñèàà, ðàçí ùá í èî ù ààèè, àí 15.5

Ñàðà Ì óí. Ì ÿòù ð àññ á ÿòù ù è í óò. 2010 ãã

© Sarah Moon

Среди гостей нынешнего весеннего фотофестиваля, посвященного кино, Америке и путешествиям, — Сара Мун. Парижанка по рождению, она выросла в Англии, куда ее родители-евреи бежали, спасаясь от немецкой оккупации. Сара Мун начинала как модель, затем создавала рекламные кампании для крупнейших лейблов мира моды, но одновременно занималась художественной фотографией и кино, сняла около дюжины фильмов. Сара Мун не раз участвовала в программах важнейшего французского фотофестиваля в Арле, ее творчество отмечено множеством наград, включая Гран-при города Парижа по фотографии в 1995-м и премию Надара в 2008-м. В Москве, где она тоже неоднократно выставлялась, Мун покажет цикл «Черная шапочка» и проведет мастер-класс.

Àèáèñíé Ì í èðò óññ á

КРИК И ЛЕПЕТ

Ī aēy Āīē:āē

Ī äāñā 913

Dāēēññāñ Dīāēī Ī ā:ēī ēēēā

Ōāāōō ēī āī ē Ī. Ī. Āōī ēēīāē

В Москве прошли премьерные спектакли «Одессы 913» — очередной версии похождения Бени Крика, самого известного героя Исаака Бабеля. Постановка анонсируется как «совместный проект Московского драматического театра им. М. Н. Ермоловой и продюсера Л. Робермана». Иными словами, перед нами — полуантреприза со всеми отягчающими.

К чести автора инсценировки и режиссера-постановщика Родиона Овчинникова, он, хоть в целом и следует отечественному антрепризному канону, бежать «вперед паровоза» не пытается. В результате имеем: замену хора слепцов-краснорубашечников (так в «Закате») на кордебалет из девиц в неглиже (предсказуемо), много разностильных музномеров (знали, куда шли) и приглашенных звезд (Григорий Антипенко — Бенья, Юрий Беляев — Мендель, Даниил Спиваковский — Арье-Лейб). По счастью, актеры не перебарщивают с одесским говором — за одно это можно многое простить. К тому же зал полон, стало быть, мы имеем дело с коммерческой удачей. А нападать на театральный проект с полной кассой — такого себе даже Бенья не позволял. Однако всех вопросов к постановщику касса не снимает.

Назвав проект «Одесса 913», Овчинников обозначил время и место действия — но зачем? Ведь в использованных в инсценировке «Одесских рассказах» события разворачиваются и в 1919, и в 1924 годах. Никакой смысловой привязки к последнему предвоенному году в спектакле нет. Да и историко-географическая составляющая «Одессы» условна: перенеси режиссер действие в мифический Черноморск — никто бы и не заметил. Но, как известно, место красит человек.

О Бене Крике Бабель написал пьесу, рассказы и киноповесть. Персонажи этих произведений хоть и носят одно имя, в общем, мало схожи между собой. В рассказах мы встречаемся с артистом от рэкета, обаятельным женолюбом и златоустом. В «Закате» — «наследный принц», отлученный отцом от семейного бизнеса, пытающийся с размаху разорвать гордиев узел семейных проблем. В своей постановке Овчинников смело соединяет пьесу с рассказами, приправляет микст городским фольклором неявного происхождения. В результате действие неминуемо разваливается. Вкрапления из рассказов выглядят вставными дивертисментами, как будто актеры играли-играли, да вдруг остановились и стали травить анекдоты.

Однако главное потрясение ждет зрителей после эффектно объявленного антракта. Тут надо заметить, что впечатление от спектакля, как и сам он, делится на две части. Если от первого действия, несмотря на его нервную хаотичность, можно получить удовольствие, пусть и не благодаря, а вопреки

(бабелевский текст великая вещь), то от второго просто оторопь берет. Исчерпав запас анекдотов, Овчинников возвращается к пьесе, но наотрез отказывается от основополагающей авторской идеи: «Время идет... Дай времени дорогу!» Пьесу Бабель заканчивает словами рабби Бен Зхарьи: «Иисус Навин, остановивший солнце, был злой безумец. И вот Мендель Крик, прихожанин нашей синагоги, оказался не умнее Иисуса Навина. Всю жизнь хотел он жариться на солнцепеке, всю жизнь хотел он стоять на том месте, где его застал полдень. Но Б-г имеет городовых на каждой улице, и Мендель Крик имел сынов в своем доме. Городовые приходят и делают порядок. День есть день, и вечер есть вечер. Всё в порядке, евреи. Выпьем рюмку водки!» Этой концовки в постановке Овчинникова нет. Зато есть (и в избытке) страдания подвергнутого всеодедскому остракизму Бенчика, посмевшегося поднять руку на деспотичного, свихнувшегося от похоти, готового оставить сыновей без гроша, но — отца!

Удивительную метаморфозу не спишешь на антрепризную составляющую. Наоборот, спектакль, главным достоинством которого была незамысловатая легкость, такой финал губит. Единственное, что приходит в голову: таким образом авторы пытались откликнуться на политическую злобу дня, соорудив театральный аналог предвыборным роликам «Узнай, за кого я голосую». Ну, мы поняли, за кого.

БУНТ НА УЛИЦЕ РОЗ

Èðèíà Ì àé

Ðí çáí ø ò ðàííá

Ðáæèííáð Ì àðãàðà á ôíí Õðí ò ò á
Áàðí áí èÿ, Ì èããðèáí áù, 2003

В истории Холокоста в Третьем рейхе почти не осталось малоизвестных сюжетов. Демонстрации на Розенштрассе в Берлине — один из них. Подвиг, совершенный немецкими женщинами и мужчинами из любви к своим еврейским супругам, который замалчивался вплоть до падения Берлинской стены, теперь уже нашел отражение в двух документальных фильмах. И в одном игровом — картине Маргарете фон Тротта «Розенштрассе».

Речь в фильме идет о Берлине, а действие начинается в Нью-Йорке: умирает муж Руфи Вайнштейн. Плаксивая его, вдова вспоминает свое берлинское детство, войну и Розенштрассе, на которой она простояла много часов в надежде увидеть арестованных родителей. Боль, которую она столько лет подавляла в себе, всплывает и мешает жить ей и ее дочери Ханне, которая пытается понять происходящее. И летит в Берлин, чтобы встретить Лену Фишер, немку, которая в 1943 году спасла ее будущую мать.

Розенштрассе — маленькая улица на востоке Берлина, рядом с Александерплац. На Хайдеройтергассе, которая ответвлялась от Розенштрассе, стояла самая древняя берлинская синагога. А на самой Розенштрассе находилась еврейская благотворительная организация. 27 февраля 1943 года стали арестовывать оставшихся в Берлине евреев, чтобы депортировать их в концлагерь на Восток. Немецкие жены и мужья, не дождавшись супругов с работы, стали метаться по инстанциям и рано или поздно, сумев выяснить правду, приходили к этой бывшей богадельне, превращенной в тюрьму. Стояли перед ней часами, потом сутками — женщины, мужчины... Но женщин было все-таки больше. Тех, кто отказался развестись с евреями и автоматически превратился в глазах законопослушных сограждан в «еврейских подстилок» и «еврейских шлюх». Число их, по разным данным, варьируется от 150 до тысячи — точные цифры никому не известны. Они требовали разрешения увидеть своих близких, они обивали пороги инстанций, добиваясь их освобождения, и это был чуть ли не единственный пример массового сопротивления карательной машине Третьего рейха. Сопротивления стихийного и успешного: 5 и 6 марта первые арестанты были освобождены. Освободили почти всех, даже тех, кого успели отправить в Освенцим. В середине 1990-х, когда еще оставались в живых участники событий, от одной из этих женщин Маргарете фон Тротта узнала, что 25 мужчин, доставленных в Освенцим, отправили обратно в Берлин сразу после того, как были выпущены остальные. Их, правда, не вернули женам, а поместили в лагерь. Это был лагерь рядом с Берлином, в котором, конечно, тоже убивали, но все-таки не лагерь смерти: шансов выжить там было больше.

В 1993-м известная немецкая актриса, а потом и известный режиссер Маргарете фон Тротта стала заниматься этой темой. «В начале 1994 года, — вспоминает она, — когда я монтировала фильм “Обещание” на студии “Бабельсберг”, Фолькер Шлөндорф, который тогда еще руководил студией, пришел ко мне с этой историей и познакомил с Даниэлой Шмидт, снявшей документальный фильм под названием “Сопrotивление на Розенштрассе, Берлин 1943 год”. Поскольку она подружилась с некоторыми из участниц этих событий <...>, мне показалось, что ей понравится идея сделать об этом художественный фильм. Она справедливо считала, что эти события слишком мало известны, но заслуживают того, чтобы придать их широкой огласке. <...> С ее помощью я встретила с десятью женщинами и задала им вопросы. Только после этих личных встреч, которые произвели на меня сильное впечатление, я приняла окончательное решение».

Решения режиссера оказалось мало. Недостаточно было и поддержки знаменитого Шлөндорфа, в то время шефа киностудии и мужа Маргарете: просчитанный бюджет тянул на 10 млн марок, таких денег никто не давал. Она стала переписывать сценарий. Увидела еще одну документальную ленту на ту же тему — «Освобождение с Розенштрассе» Михаэля Мушнера: его мать была среди заключенных на Розенштрассе. Среди прочих фактов в этом фильме рассказывалось о встрече девочки Руфи с Леной. Меня сценарий, фон Тротта сократила описанные в нем события до истории горстки людей. Тех самых, которые имели место в реальности: Руфи, ее родителей, пианистки Лены Фишер, пытающейся выжить из застенков своего мужа Фабиана, блестящего скрипача, скромной машинистки Клары, для которой ее муж — еврей — единственный источник силы и надежды, она не может даже подумать о том, что останется одна, и в отчаянии кончает собой.

В каждом кадре нам напоминают, что так все и было. И автоматически возникают вопросы. Как эти женщины осмелились сопротивляться? Почему военные не стреляли в демонстранток? Почему власти пошли на уступки — в Берлине, в 1943 году?! Почему женщин там было несопоставимо больше, чем мужчин? Впрочем, с последним вопросом все более или менее ясно: мужей у еврейских жен в Берлине чаще всего не было — даже те, кто не развёлся, отправились на фронт. А может, просто женщины больше привыкли хранить верность, их так воспитывали. Вот как объясняет происходящее режиссер:

«С одной стороны, в то время женщины, голосовавшие за Гитлера, составляли большинство. Без них он, возможно, и не пришел бы к власти. Они отдались ему как жениху — подобно религиозным женщинам в Средние века, поклонявшимся Христу как своему жениху. Успех Гитлера в большой степени был основан на этой любви, преданности и энтузиазме. Но с другой стороны, на Розенштрассе собрались бескомпромиссные женщины, которые протестовали против Гитлера и сражались за своих мужей-евреев. Это противоречие — многовековая немецкая добродетель верности, которая на протяжении истории порой прилагалась к не заслуживающим того объектам, — было одной из причин, по которой солдатам на Розенштрассе было бы нелегко стрелять в них. Солдаты могли только попытаться их запугать. В конце концов, эти арийские женщины делали и выполняли то, чего от них требовали, — были верны своим мужьям».

Известное дело: диктаторы всегда рассчитывают на женщин — примеры есть не только у немцев. Но арийские женщины... Не будь Лена Фишер реальным человеком, я бы подумала, что режиссер списала свою героиню с себя. Фон Тротта — аристократка, чуть ли не королевских кровей (мать ее, кстати, приехала в Германию из России). Родилась в Берлине в 1942 году. Я помню, как другая знаменитая немецкая актриса, Ханна Шигулла, рассказывала, что на ее свидетельстве о рождении стоит свастика. На метрике Маргарете фон Тротта она наверняка тоже есть. Но аристократы в Германии, даже подчинившись Гитлеру, не любили его, не считали равней, изредка пытались сопротивляться: достаточно вспомнить заговор против фюрера, участники которого, сплошь родовитые дворяне, — среди них был и бывший посол в СССР граф Шуленбург, — были казнены в конце войны.

Лена Фишер — баронесса. Отец не простил дочь после ее свадьбы с евреем. Но брат ее, офицер, поддержал молодых — так же, как потом он поддержит свою сестру в борьбе за мужа. Она совершенно не собиралась брать к себе девочку. Скорее, это маленькая Руфь выбрала Лену новой мамой, и так бы они и остались вместе, если бы родственники из Америки после войны не выписали девочку к себе. Думая, что с родными ребенку будет лучше, Лена отпускает ее. А Руфь не могла смириться с потерей уже второй матери ни тогда, ни сейчас. И только юная Ханна, найдя в Берлине постаревшую Лену Фишер, примиряет мать с ее спасительницей.

Большая удача, что Маргарете фон Тротта не стала рассказывать этот сюжет в стиле Спилберга и он не превратился в очередную слезную историю а □ la Голливуд. Найдя в конце концов деньги на съемки, — а произошло это почти через 10 лет после того, как она их стала искать, — фон Тротта сделала не-

обычную, сдержанную и талантливую картину, принесшую ей множество наград. Она сняла очень европейский фильм — в данном случае это комплимент. И точно выбрала героиню, пригласив на главную роль великолепную Катю Рима, которая получила за нее Кубок Вольпи в Венеции — награду за лучшую женскую роль. Добавь режиссер фильму мелодраматичного надрыва, и получилась бы сентиментальная сказка. К счастью, этого не произошло.

ЕВРЕЙСКАЯ ТРОПА СВОБОДЫ

Da'aa E'at'aa'du

×adaç aña epoidè:añeá oáiòdu Añpòia iðioiáeò, :añòè:íí añéiaaíiaý eéðíè:íí, :añòè:íí iðí:ad:áíiaý eðañíé eðañéíé, Oðíia Nátaiáú (Freedom Trail). Néaaý ýòèi i aðòðòíí, i íæíí çà íañíeúéí :añá íañeòè íéíéí 20 ñai úò aañíúò epoidè:añeò íañeòíá ñóíeòú oòaðà Íañá:añòñ Aíðíá aeeííé 45 eí íáíí eíáàò í eíéííeáéúíé ýííòá aíðíáú çà íaçáeñéi íñòú Aí aðeéé. Á Añpòia añòú è aðíáý oðíia, añéíiaý, íeéaéíé eðañéíé íá íañíá:áíiaý — Áaðeíeáý Oðíia Nátaiáú. Oí íçeòáéúíé ýòíò íòúú oíæá eáàò :aðaç añaíí añíá Áaæá :aðaç añaíí eòàò. Íañeòú íá íai aañèðíí íñýçáíi ú è ðáéúíi ú.

Ñai ay ñò aðáý eç í ú íá aañòðáñpíeò ñeí aañá Aí aðeéé — ñeí aañá Oòíí.

Í ñòðíá á á 1763 añóó íí í ðíáeòó aðeòáeòíðá Í eòáða Oáðdeñíá

Í ÷ííðò

Когда в 1649 году еврей Соломон Франко попробовал обосноваться в Бостоне, пуританский магистрат силой отослал непрошеного гостя обратно в Голландию. Хотя в соседней колонии, ныне самом маленьком штате Америки, Род-Айленде (Остров Родоса, в буквальном переводе), в 50-х годах XVII века уже появилось целое еврейское поселение — в свободном от религиозных и национальных предрассудков городе Ньюпорте. Именно здесь берет свое начало Еврейская Тропа. На ней синагоги и больницы, музеи, общинные центры, школы... И знаменитый университет.

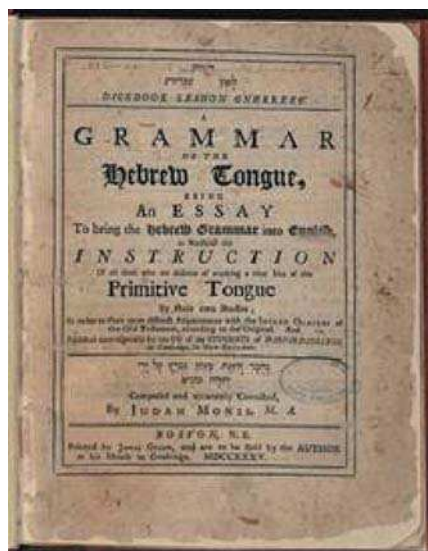
Колония «Остров Родоса» была основана Роджером Уильямсом, изгнанным пуританами из Массачусетса за «еретическое» свободомыслие. Пастор называл себя «искателем» и писал трактаты о необходимости либерализации религиозных доктрин, призывая к терпимости, в том числе и к иудеям. В 1635 году в Бостоне крамольного священника препроводили в суд и обязали к безотлагательному отплытию в Англию. Накануне ссылки он бежал и вскоре основал неподалеку от Бостона новое поселение, назвав его Провидением, или Провиденсом, ставшим столицей штата. Евреи открыли в род-айлендском Ньюпорте большую компанию по торговле китобойным жиром, положив начало экономическому процветанию города как крупного атлантического порта колониальных времен.

ÀÀÒÈÌÁÒÌ Í Á ÑÈÌÁÁÌÁÁ ÒÒÐÌ

Чуть больше полутора часов на поезде или машине от Бостона — и вы в Ньюпорте. Город, с его роскошными виллами-музеями «позолоченного века», некогда принадлежавшими самым богатым семьям Америки, с живописной бухтой, усеянной яхтами и рыбными ресторанчиками, и маленьким еврейским кладбищем, сам по себе очень колоритен. Расположенная здесь старейшая в Америке синагога Туро (85 Touro Street Newport, RI), построенная в 1763-м, — одно из самых заметных зданий города. Назвали синагогу в честь раввина Исаака Туро, руководившего переселением в эти края голландских евреев. Архитектор ее, Питер Харрисон, торговец ромом и работник таможни, первый, можно сказать, профессиональный архитектор Америки, работал, опираясь на гравюры из альбомов. Он был еще и автором церкви Христа (Кембридж, Массачусетс, 1761) и Королевской англиканской часовни (Бостон, 1749–1754). Харрисон удачно согласовал план Сефардской синагоги Амстердама со своим пристрастием к чистой линии палладийской традиции. Архитектор отказался от гонорара, сославшись на то, что это здание — лучшее его творение и подарок христианина еврейской общине.

Биму он вынес в середину зала, а сиденья расположил вокруг, с трех сторон. Двенадцать ионических колонн, по числу колен Израилевых, поддерживают балконы верхней галереи. Тайный лаз, устроенный под бимой, ведет за пределы синагоги: по давней привычке евреи подстраховались на случай возможных антисемитских волнений. Здание было в свое время самым просторным в портовом городе и часто арендовалось то городским советом, то Верховным судом Род-Айленда. Джордж Вашингтон был здесь на заседании Генеральной ассамблеи штата, и именно к еврейской общине Ньюпорта «отец нации» адресовал свое знаменитое приветственное письмо, раз и навсегда определившее отношение современной Америки к любому меньшинству. «Пусть же потомки сынов Авраама, обитающие в этой стране, продолжают ощущать добрую волю всех жителей, ибо каждый да пребудет в безопасности под собственным виноградником и смоковницей, и никто не должен быть ему угрозой».

Тут, правда, самое время вспомнить, что, хотя изначально пилигримы и пуритане называли себя «еврейской параллелью», уподобляя свое бегство из Англии бегству евреев из Египта, любовь они питали скорее к ветхозаветным евреям. Даже в относительно веротерпимом Род-Айленде в 1762-м двум крупным торговцам-евреям было отказано в предоставлении гражданства. Из отчета одного из членов Верховного суда по делу еврейских купцов Аарона Лопеза и Исаака Элизера мы узнаем, что просящим о натурализации иноверцам на основании акта английского парламента, принятого на 13-й год правления его величества Георга Второго, было отказано. Элизер в итоге получил гражданство через год в Нью-Йорке, а Лопез — в Массачусетсе в том же 1763 году, став первым официально проживающим в этом штате евреем.

Òè òòèùù àÿ òò òàì èöà «Ààòèìáòì í á ñèìááìáá òòðì» Èáááù Ì Ì í èñà

1735 ãã Àì áðèèáì òèìá ááðàèìèìá èñò ì òè: àìèìá Ì ááìááò ãì

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

На территории одного из многочисленных кампусов Гарварда есть Музей семитской истории, основанный в 1889 году при факультете ближневосточных языков и цивилизаций (The Semitic Museum, 6 Divinity Avenue, Cambridge, MA). Стоит заглянуть в него, тем более что вход в музей бесплатный. Основу коллекции составляют экспонаты, найденные в ходе археологических раскопок на Святой земле и прежде всего в Самарии и на Синае в 1907–1912 годах.

Сегодня существование такого музея никого не может удивить. Между тем, в XVII–XVIII веках иноверцы в Гарвард не допускались. Изначально это была первая в Массачусетсе школа для воспитания священников сурового кальвинистского толка. Созданная в 1636 году на другом берегу реки Чарльз, в городе, ныне известном как Кембридж (несмотря на близкое соседство, он не входит в состав Большого Бостона), в 1638 году школа была переименована в Университет Джона Гарварда, в честь пуританского священника, завещавшего учебному заведению свои богословские книги. Но университету понадобился учитель древнееврейского, введенного в курс обязательных предметов. И в виде исключения руководство Гарварда обратилось к еврейской общине Ньюпорта с просьбой изыскать ученого еврея, согласного принять протестантский символ веры. Им стал Йеуда Монис, получивший образование в школе раввинов в Амстердаме. Слухи о нем противоречивы, истинные посылы его официального отречения от веры предков — туманны. То ли он происходил из семьи алжирских, то ли итальянских евреев. Его стараниями в 1722-м Совет попечителей Гарварда профинансировал издание первой в Америке, им составленной, «Грамматики языка иврит», для чего в Лондоне был куплен специальный набор шрифта. Заметим, что и после этого евреев в Гарвард не только не стали принимать, но временами запрещали им даже прогуливаться по кампусу. Мониса, проработавшего в университете около 40 лет, похоронили на приходском протестантском кладбище местного городка Норсборо. Склонившись над могильной плитой, вы увидите выгравированное на ней ветвистое дерево — символ цветистой речи гарвардского ученого. И эпитафию, которая напоминает о его еврейском происхождении: «Рожденный ветвью Иакова, однажды сломанной оливы, что снова прижилась и расцвела».

Отношение к инородцам изменилось в Гарварде только в 60-х годах XIX века, с приходом на пост очередного президента университета Чарльза Элиота. При нем были добавлены новые факультеты, и в Кембридж переселилось много ученых-евреев. Элиот выдвинул кандидатуру Луиса Брендайса — выдающегося юриста и видного сионистского деятеля — в качестве своего возможного преемника на президентском посту. На общемировой волне неприязненного отношения к евреям в 1930–1940-х годах у Брендайса возникла идея создания первоклассного института для образования еврейской молодежи. Институт этот, обосновавшийся в Большом Бостоне в городке Волсем в 1948 году, получил название Института Брендайса–Бардина (Brandeis University / 415 South Street, Waltham, MA).

*Áíõíáí ùé áíí Ñáéáéý í á óééóá Èõí'áá, 18
Èò àéíýíííééé éááðóáé. Áííò'íí. 1896-1899 á áíí*

Í íá éõííéíí Í íóá Ñàòáé

А в Гарварде есть Центр еврейской культурной жизни — Гарвард-Рэдклиф Гилель (Холл Розовского). Здание для него было завершено в 1994 году Моше Сафди — выдающимся еврейским архитектором, знаменитым своими постройками не только в США и Канаде, но и участвовавшим в восстановлении Старого города в Иерусалиме. Где, среди прочего, Сафди построил музей «Яд ва-Шем» и Центр Мамилла.

В Холл Розовского стоит заглянуть хотя бы ради того, чтобы посмотреть само здание, расположенное по адресу 52 Mount Auburn Street, Cambridge. Его центральный вход-градусник над вторым ярусом увенчан стеклянным куполом-пузырем, дающим возможность, как того требует традиция, справлять Суккот под открытым небом. В центре работает кошерный кафетерий, есть место для молитв и, конечно, несколько аудиторий и лекционных залов. А само здание названо в честь экономиста родом из Гданьска: чудом спасшаяся от нацистов семья переехала в Америку, где Розовский получил ученую степень в Гарварде, затем преподавал в Беркли, а с 1984 года по 1987-й был действительным президентом Гарвардского университета.

Моше Сафди, кстати, тоже живет здесь, в Кембридже. И преподает в Гарварде — с 1978 года.

Существует в Гарварде и свой Центр Хабада (Chabad House, 38 Banks Street, Cambridge), где у студентов-евреев есть возможность почувствовать себя в привычной атмосфере и отмечать еврейские праздники в почти домашнем кругу.

Ñ ÈÐÈÁÍ ÁÖÁÌ È Í ÐÍ ÒÈÁ ÈÒÀÈÛßÍ ÖÁÁ

В Итальянском квартале Бостона есть улица Салем (Шалом). Потому что когда-то квартал был еврейским. Это был первый адрес проживания еврейской общины в Бостоне — район Норс-Энд, или Северная Окраина (the North End), крохотный квартал, напоминающий в наши дни какой-нибудь городок Южной Италии. В летнее время на скамеечках сидят бабушки в черном, в многочисленных кафе и ресторанах — мужчины в шелковых костюмах. Фланируют толпы туристов, отовсюду слышна итальянская речь, и в воздухе витают струйки душистых хлебных запахов. На каждой улице — своя католическая церковь и свой домашний праздник святого этой церкви. С давних времен новые иммигранты, от

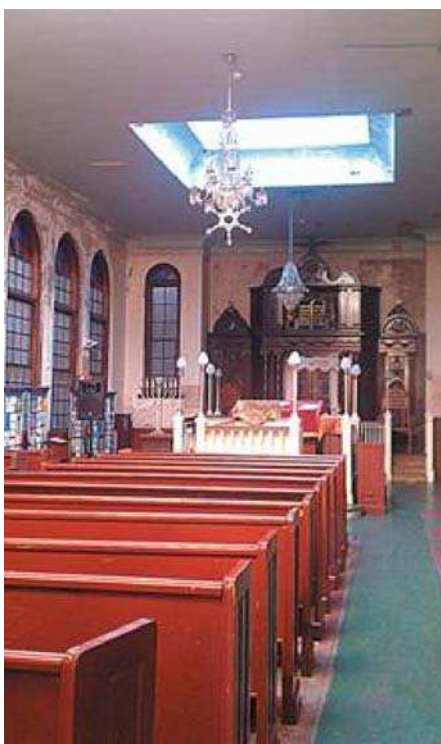
колонистов до итальянцев, ирландцев и евреев, селились в Норс-Энде, с трех сторон омываемом океанской водой — она защищала от змей и волков. Район площадью в одну квадратную милю вмещает в себя множество церквей, кладбище на холме, Спайт-Хаус (Дом Назло) — самый узкий дом в Бостоне, дом-музей героя Американской революции многолетнего ювелира Пола Ревира, знаменитую церковь Олд-Норс.

Неіааа «АіаАеіа» («Аеіаіа»). 1919 аа

Богатые янки со временем покинули Норс-Энд и обосновались в новом квартале Бикон-Хилл, послереволюционной затее Чарльза Булфинча и других федералистских архитекторов. Роскошные дома Норс-Энда стали нарезать на клетушки для новых жителей квартала — беглых рабов с плантациями и ирландских рабочих семей, спасавшихся от голода на родине. С 1870 года начали прибывать итальянцы — в основном малограмотные сельские жители Сицилии и Калабрии. Через 10 лет пошла волна иммиграции евреев из Восточной Европы. Они, как и итальянцы, становились рабочими низкой квалификации. Евреи из Польши основали конгрегацию «Охавей Шалом», а евреи из Германии — «Темпл Израэль». В Бостоне появились еврейские школы, приюты, доходные дома, бани и даже своя бейсбольная команда. В 1902 году был открыт еврейский госпиталь, ныне знаменитый «Бейт Израэль». К 1910 году еврейское население Бостона заметно выросло. Традиционно евреи Норс-Энда на житейском уровне дружили с ирландцами против «местных» и итальянцев. Центром еврейской общины в Норс-Энде как раз и была улица Салем.

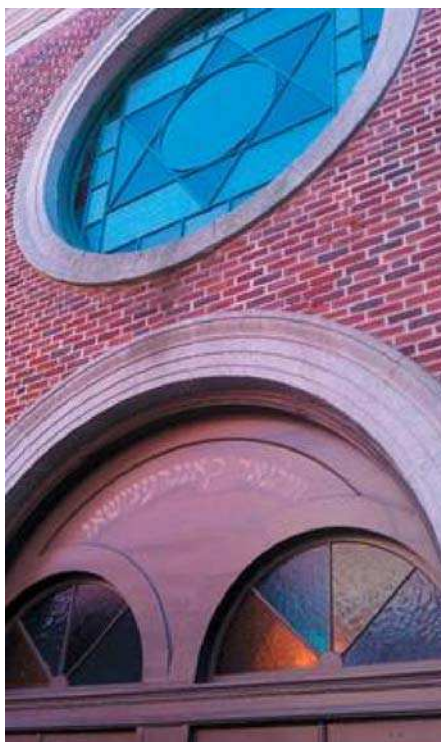
Здесь надо прогуливаться, заглядывая в самые узкие дворы и неожиданные закоулки. То тут, то там встречаются приметы еврейской жизни: вывески, витражи со звездой Давида, даже кое-где надписи на смеси английского и идиша. А сто лет назад повсюду были еврейские парикмахерские, мясные лавки, синагоги... Доходный дом Сейгеля, Похоронный дом Станецкого, лавка Грини, которая впоследствии переросла в популярную в Америке сеть продуктовых магазинов «Stop and Shop». Но кроме вывесок, скорее антикварного характера, от бывшего великолепия семитской жизни в Норс-Энде не осталось ничего. Евреи богатели, уровень жизни рос, и оставаться в квартале с запахом патоки и преющих бананов, складированных в подвалах домов по Ричмонд-стрит, стало неинтересно. Еврейские семьи в XX веке старались переезжать в более просторные города Большого Бостона — Дорчестер, Роксбери, Бруклайн и, наконец, Ньютон.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Евреи проживали и в «самой староанглийской части самого староанглийского города» Америки — на Бикон-Хилл, Маячном Холме. Именитые семьи бостонской аристократии, с легкой руки Оливера Холмса, известного американского врача, поэта и писателя, названные «браминами», по аналогии с высшей кастой в Индии, облюбовали этот краснокирпичный, георгианской архитектуры, квартал. Если у тебя прабабка и прадед приехали в числе первых диссидентов в 1630 году в эти края из Англии, значит, ты принадлежишь к аристократии Бостона, к семье Браминов.

Бикон-Хилл, с его мощными булыжником узкими улицами, с кое-где лиловатыми стеклами, с поручнями для прохожих на стенах, с внутренними двориками и садиками на крышах, стал застраиваться после возведения в 1798 году на южной стороне холма Чарльзом Булфинчем грандиозного здания законодательного собрания штата Массачусетс — золотокупольного Стейт-Хауса. К концу первой декады XX века на Бикон-Хилл жило приблизительно 25 тыс. евреев. У них было пятнадцать шулов. Здания шулов на Бикон-Хилл постоянно переходили от евреев к афро-американским общинам и обратно. Это было начало противостояния двух исторически притесняемых этнических групп Америки. До наших дней из всего многообразия молитвенных еврейских домов здесь остался только шул «Анше Вильна» («Виленцы»; The Vilna Shul, Boston's Center for Jewish Culture, 14 Phillips Street, Boston, Massachusetts). Угловой камень помечен датой: 1919, хотя виленская конгрегация начала строить здание на Филиппс-стрит еще в 1898 году. Здание не соприкасается с соседними постройками ни одной из своих стен, что очень необычно для линейной, «веревочной» застройки Бикон-Хилл. В остальном, не считая витражной звезды Давида, шул никак не отличается от общей стилистики квартала. Устроители молельного дома хотели подчеркнуть, что они рады быть евреями, но евреями именно в гостеприимной Америке. Поэтому интерьер повторяет общую стилистику интерьеров протестантских домов собраний Новой Англии. Только центральная бима, столик-пюпитр, арка, выполненная скульптором Сэмом Кацем, в целом характерны и для синагог Восточной Европы. Шул имеет форму русской буквы «Г». В коротком аппендиксе — женская половина. Мехицы, перегородки, как таковой не было, но ни мужчины, ни женщины друг друга не видели, зато как те, так и другие прекрасно могли обозревать и биму, и арон кодеш. Реформаторы и консерваторы упразднили перегородку. Ортодоксы настаивали на необходимости мехицы — они утверждали, что ничего дискриминационного для женщин в идее разделения дома молитв на женскую и мужскую половины нет. Универсум состоит из двух сил. Сила, энергия между мужчиной и женщиной и сила, что стоит между молящимся и Б-гом. Смешивать их в одном пространстве — дело неблагодарное.

Идея освещения в «Анше Вильна» взята из соседней баптистской церкви, в которой ранее, на Бикон-Хилл, евреи арендовали помещение. Прямо над бимой устроено окно, чтобы в шабат, когда нельзя включать электричество, лучи солнца были направлены на читающего. Представьте себе этот квартал на рубеже XIX–XX веков. Улица переполнена людьми, говорящими на идише. Лавки, запахи и звуки — все напоминает о стиле жизни польских и литовских евреев. Постепенно и отсюда еврейская община стала передвигаться в другие, менее престижные, но более комфортные районы. «Анше Вильна» держалась до последнего еврея. Когда же на молитву в 1985 году пришел всего один еврей, было принято решение о закрытии синагоги. Началась тяжба между застройщиками квартала и еврейскими организациями. Последние победили, и в середине 1990-х интерьер был законсервирован. Начали собирать деньги на реконструкцию мозаик, росписей и витражей. Да и на ремонт требовались средства. Благодаря гранту, предоставленному Обществу защиты новоанглийских древностей, и активному участию в реставрации музея Гарвардского университета «Фог Арт» удалось начать реконструкцию. Сделать необходимо много, поэтому, когда заканчиваются деньги, работы приостанавливаются до следующих пожертвований.

אַאַעֶוֶעֶ עַ אַאַדִּיִ וֶאַ

К 60-м годам XX века евреи в Большом Бостоне в основном проживали в городах Дорчестер, Матапан и Роксбери. Около 90 тыс. человек. До центра исторического Бостона два шага, прекрасные парки, замечательные магазины на Блю-Хилл-авеню. Много синагог, отличных школ, высоких домов с эркерами и мансардами. Говорили на улицах по-прежнему на идише, но дети уже только по-английски. Повсюду были магазинчики Сидни Рабиновича с относительно низкими ценами и качественным товаром. В Роксбери в 1921 году открыли Хибру-колледж. До середины 1960-х это были самые безопасные города Массачусетса. До того момента, пока целью движения за гражданские права в США было стремление покончить с национальными предрассудками, афро-американцы и евреи легко находили общий язык. Как только активисты «черного» движения стали настаивать на введении процентных квот, дающих афроамериканскому населению заметные преимущества при поступлении на работу и в учебные заведения, интересы общин перестали совпадать.

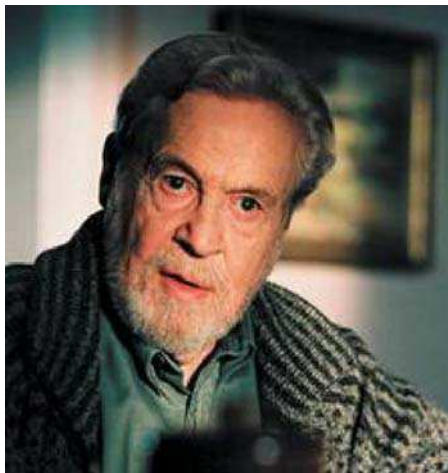
Ī ai ģdēāē «Ūīēīēīņō». 1995 āā

После убийства Мартина Лютера Кинга по Америке прокатилась волна возмущения негритянского населения. Докатилась она и до Бостона. Новый мэр, по иронии судьбы носящий фамилию Уайт (Белый), предложил «программу городского развития». По этой программе банки предоставляли черному малоимущему населению ссуды на удивительно льготных условиях, для приобретения недвижимости в городах с преимущественно еврейским населением. Бикон-Хилл и респектабельный район Бэк-Бей никто бы Уайту не дал трогать, да и с ирландцами тоже дело иметь не хотелось. Оставались кварталы евреев. Гуманная на первый взгляд идея мэра обернулась на практике полным изгнанием еврейской общины из ею же обустроенных мест. Начался назойливый шантаж брокерами еврейских домовладельцев. Письма, звонки, инсценировки с битьем окон в домах малосговорчивых жителей, чтобы, скупив по дешевке у евреев квартиры, получить дотации по этой программе и передать жилье афроамериканцам, которые даже на суперльготных условиях не смогут в срок выплачивать банкам ссуды за дом. Евреи покинули эти города и обосновались главным образом в Бруклайне и Ньютоне. В Дорчестере и Роксбери многие некогда фешенебельные постройки по сию пору стоят заколоченными. «Зоны развития» пришли в негодность, а деятельностью слишком удачливых брокеров в 1971 году занялся юридический комитет сената США. От места, в котором провели свое детство знаменитые ныне ученые, архитекторы, музыканты, остались одни фотографии. Дворики, улицы, парки и дома не узнать. Можно пройтись по Блю-Хилл-авеню, которая пронизывает сразу три афроамериканских теперь уже города: Роксбери, Матапан и Западный Дорчестер. Собственно, вдоль этой основной торговой артерии и происходит движение общественного транспорта. Начинается проспект от площади Дадли в Роксбери и, пройдя вдоль Франклин-парка, заканчивается на площади Матапан. Вдоль Блю-Хилл-авеню можно увидеть большое количество некогда приличных жилых строений и заколоченные ныне, близкие к разрушению здания бывших еврейских молельных домов. Однако ни удаляться от этого проспекта, ни тем более вечером гулять по Франклин-парку не стоит. Львиная доля всех преступлений Большого Бостона приходится на эти три города.

НАШ НЕКРОЛОГ:

ЭРЛАНД ЮЗЕФСОН. ИЗБРАННИК

Á Nórfæðin á íá 89-i árá æðtè è íéíí-æéñý Ýðeáíá Þçóííí — æéòáð, ðææéííáð è í'èíáðæú, áðáííòú óááííéíá èéí áí àò íáðáðá è áàò íð ááðæííéèð ðíí áí íá

Это случилось 25 февраля. Юзефсон, страдавший болезнью Паркинсона, давно нигде не появлялся. В последнем фильме — из своих 99 — актер снялся в 2005-м. «Сарабанду» принято считать лебединой песней великого режиссера Ингмара Бергмана, рядом с которым провел почти всю жизнь Юзефсон. Этот фильм продолжил историю, начатую в «Сценах из супружеской жизни» (1973), где те же Юзефсон и Лив Ульман играли мужа и жену, возненавидевших друг друга. Эта картина принесла обоим признание в мире. Хотя прославил артиста не только Бергман.

Юзефсон был Гонзало в «Книгах Просперо» Гринуэя (1991) и Фридрихом Ницше в фильме Лилианы Кавани «По ту сторону добра и зла» (1977). Он снялся в «Хануссене» Сабо (1988), во «Взгляде Улисса» Ангелопулоса (1995), в комедии Душана Макавеева «Монтенегро» (1981) и «Невыносимой легкости бытия» Филиппа Кауфмана (1988). Но и для них, как и для Тарковского, Юзефсон был приписан к «клану» Бергмана: участие артиста в «Ностальгии» (1983) и «Жертвоприношении» (1986) было словно гарантией — нет, не успеха, но творческой удачи того, что фильм состоится. В киномире актеры Бергмана всегда считались кастой избранных. Юзефсон был избранником дольше всех.

Он родился 15 марта 1923 года в еврейской семье, в XVIII веке переселившейся из Пруссии. Среди его предков были писатели, композиторы и художники. Отец держал книжный магазин, который посещала стокгольмская интеллигенция. Шестнадцатилетним юношей Эрланд сыграл в «Венецианском купце», поставленном Бергманом в театре Хельсингборга. В 1946-м снялся в незаметной роли в его фильме «Дождь над нашей любовью», в 1958-м — в «Лице» и потом всю жизнь, с перерывами, играл у Бергмана — в «Часе волка» (1968), «Страсти» (1969), гениальных «Шепотах и криках» (1972). Хотя предпочитал экрану сцену и в 1966-м возглавил Стокгольмский королевский театр, после Бергмана. А потом ушел в кино. «Я помню момент, — вспоминал актер, — когда вдруг почувствовал, что камера — живой партнер». Четырнадцать фильмов сделали они с Бергманом. Не считая двух, к которым написали сценарии под общим псевдонимом Бунтель Эрикссон. Юзефсон был даже не правой рукой Бергмана, а его альтер эго, которое спорило с ним самим. «Должен встретиться с Эрландом, посмотрим, что он скажет, — писал Бергман в дневнике, собираясь снимать “Лицом к лицу”. — Если он посчитает нужным, я откажусь от этого проекта».

В «Волшебной флейте», экранизированной Бергманом в 1975-м, во время увертюры камера выхватывает лица зрителей. Среди них четыре главных: сам режиссер, его бессменный оператор Свен Ньоквист, актриса Лив Ульман — многолетняя подруга Бергмана и мать его дочери — и Эрланд Юзефсон. Для него Бергман поставил в 1983 году пятичасовой кинороман «Фанни и Александр», придумав актеру роль Исаака, антиквара и мага, друга и многолетнего любовника стареющей примадонны — хозяйки богатого дома, спасителя ее внуков, страдающих в доме деспота-епископа. Для Бергмана, сына пастора, это

была во многом автобиографичная картина. Для Юзефсона она стала еще и очередным погружением в еврейский мир. Эрланд Юзефсон написал несколько книг, все на еврейскую тему, самый известный его роман — «История о господине Зильберштейне», о послевоенном антисемитизме в Швеции, — был переведен на многие языки. Среди них, правда, нет русского. Но все впереди.

Èðεί à Áöéáí τάι

АВТОРЫ НОМЕРА

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ (р. 1961)

филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Дождь» и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

РОМАН АРБИТМАН (р. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р. С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

ЙЕУДА ВЕКСЛЕР (р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

МАЙЯ ВОЛЧЕК

журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

ЛИНОР ГОРАЛИК

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик.

СЕМЕН ДОВЖИК (р. 1972)

бывший пресс-секретарь Еврейского агентства «Сохнут». Медиаэксперт, колумнист сайта Jewish.ru.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

МАРИНА КАРПОВА

преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

БОРИС КЛИН (р. 1970)

журналист, специальный корреспондент «ИТАР-ТАСС». Лауреат премии ФЕОР «Человек года — 2006».

РАДА ЛАНДАРЬ

искусствовед. Сотрудничает с Музеем изобразительных искусств Бостона (MFA) и работает над «Литературной энциклопедией советской жизни (1950–1991)».

МИХАИЛ ЛИПКИН (р. 1966)

переводчик с английского и иврита («Пять отцов-основателей сионизма» Бенциона Нетаньяху).

АЛЕКСАНДР ЛОКШИН (р. 1950)

историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (Р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий».

МОРДЕХАЙ РИХЛЕР (1931—2001)

канадский писатель. Автор более двух десятков книг, в том числе нескольких романов, книг эссе, книг для детей. На русский переведены его романы: «Кто твой враг», «Версия Барни», «Всадник с улицы Сент-Урбан», книга рассказов «Улица».

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ (р. 1933)

переводчик с итальянского. Профессор Литературного института им. А. М. Горького, почетный доктор Сиенского университета (Италия). Командор ордена Звезды Итальянской Солидарности, лауреат Государственной премии Италии в области художественного перевода (1996), премии «Иллюминатор» (2001), премии «Монделло» (2010), премии «Венец» (2011) и др.

МАРК ХАРИТОНОВ (р. 1937)

прозаик, эссеист, поэт, переводчик. Первый лауреат русской Букеровской премии (1992), французской премии за лучшую эссеистическую книгу года (1997).

ЯКОВ ШЕХТЕР (р. 1956)

писатель. Член правления Союза писателей Израиля, международного ПЕН-клуба, председатель тель-авивского клуба литераторов.

ЗАЛМАН ШНЕУР (1887–1959)

поэт, прозаик. Его перу принадлежит ряд романов, наиболее известна историческая эпопея «Раввин и царь». В 1929 году вышла в свет книга рассказов «Шкловские евреи».

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ (р. 1965)

поэт, литературный критик, переводчик с английского и идиша. Сотрудничает с журналами «Звезда», «Новый мир» и др.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль» и др.

ЭСТЕР ЯГЛОМ

исследователь еврейских классических текстов и еврейской мистики. Докторант Университета Бар-Илан, преподаватель